

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Филологический факультет
Кафедра истории русской литературы
Кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики
Фольклорно-этнографическое научное
краеведческое студенческое объединение

70-летию ПОБЕДЫ
(1945—2015)

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

ТВЕРСКОГО КРАЯ

Сборник научных статей и публикаций

Выпуск 5

ТВЕРЬ 2015

УДК 398(082)
ББК Ш23(2Рос-4Тве) я434
Т65

Редакторы:

*М. Л. Логунов,
А. А. Петров,
Л. Н. Скаковская
Э. Ф. Шафранская,*

Традиционная культура Тверского края: 70-летию Победы (1945—2015): Статьи и публикации: Вып. 5 / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская; сост. Л. М. Концедайло, М. Л. Логунов, А. А. Петров. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. — 166 с.

ISBN 978-5-7609-1017-2

Настоящее издание посвящено 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Основу сборника составили различные фольклорные жанры, в первую очередь, песни и частушки, а также мемораты — воспоминания участников и «детей» войны. Однако составители пошли дальше в своих научных изысканиях, поэтому в сборник добавлена личная переписка периода Великой Отечественной войны: эпистолярный жанр перспективен для дальнейшего изучения как текст письменной культуры, имеющий свою определенную структуру и *loci communes*, а также как текст, имеющий отношение к фольклору. В сборник включены произведения так называемых «наивных» авторов, тексты которых считаются «пограничными» между литературой и фольклором. Всё это отражает современную научную направленность работы тверских фольклористов филологического факультета ТвГУ, а также ряда краеведов-собираателей традиционной культуры области.

Основную часть сборника составляют тексты из Андреапольского, Бельского, Кашинского, Рамешковского, Ржевского, Бежецкого и других районов Тверской области. Впервые публикуется ряд материалов из архива кафедры истории русской литературы филологического факультета ТвГУ, личного фонда А. Н. Вершинского из Государственного архива Тверской области, документы из собрания Спировского краеведческого музея, а также тексты из архивов краеведов и фольклористов.

Для фольклористов, краеведов, этнографов и широкого круга читателей.

УДК 398(082)
ББК Ш23(2Рос-4Тве) я434

ISBN 978-5-7609-1017-2

© Редакторы М. Л. Логунов, А. А. Петров,
Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская, 2015
© Коллектив авторов, 2015
© Тверской государственный
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Накануне	
<i>Францев О. Л., Цыков В. В. Рекрутский фольклор (к вопросу бытования частушек)</i>	6 – 11
Архивы: война глазами очевидцев (из истории тверской фольклористики)	
Фольклор Великой Отечественной войны в записях Е. А. Вершинской. <i>Вступительная статья и публикация А. С. Дмитриевой</i>	12 – 24
Записи песен Великой Отечественной войны из архива А. М. Смирнова-Кутаческого (по материалам ГАТО). <i>Вступительная статья и публикация Т. И. Пиценко</i>	24 – 43
Великая Отечественная война в сочинении Т. О. Семеновой: по материалам архива А. М. Смирнова-Кутаческого. <i>Вступительная статья и публикация А. А. Петрова</i>	43 – 48
Лекция А. М. Смирнова-Кутаческого «Песни Великой Отечественной войны» в Государственном архиве Тверской области. <i>Вступительная статья и публикация А. И. Марьясовой</i>	48 – 62
Письма с фронта: по материалам архива краеведческого музея пгт. Спирово. <i>Вступительная заметка и подготовка текстов А. А. Колесника, А. И. Сербай</i>	62 – 65
Фольклор Великой Отечественной войны	
Песни и частушки о Великой Отечественной войне из Кашинского района: по материалам государственных и частных архивов. <i>Вступительная статья и публикация Ю. С. Заострожной</i>	66 – 77
Фольклор Великой Отечественной войны в Ржевском крае: из архива собирателя. <i>Вступительная заметка С. В. Морякова. Подготовка текстов А. А. Комаровской</i>	77 – 87
Из записной книжки фольклориста. <i>Публикация И. Б. Рыбкиной</i>	87 – 88
Мемораты о войне	
Воспоминания о событиях Великой Отечественной войны в Ржевском районе. <i>Вступительная статья и публикация М. Н. Волосковой</i>	89 – 95
Воспоминания Матрены Тихомировой (Ржевский район). <i>Вступительная заметка и публикация М. Н. Волосковой, В. Ю. Кузнецовой</i>	95 – 99
Кутузова В. И. «Мы из рода Кутузовых?» <i>Подготовка текста А. С. Бойковой</i>	99 – 106
Теория фольклора	
<i>Кузьмина О. М. Музыкальная культура Тверского края в годы Великой Отечественной войны</i>	107 – 110

Усачёва Н. В. Воспоминания о минерах-подростках в Бельском районе	110 – 114
Концедайло Л. М. Ивановы-Ильинские на Тверской земле: очерк фольклориста	115 – 118
Война в творчестве «наивных» авторов	
Фольклор и «наивная литература» в записях С. Я. Волкова. Вступительная статья и публикация А. А. Петрова, И. Д. Петрушенко	119 – 132
Петрова Н. С. «В 41-м году мы не предвидели беду...» Подготовка текста М. А. Петровой	138 – 139
Балакирева Г. Н. «Я помню». Подготовка текста А. А. Петрова	140 – 142
Соколова Л. Г. «Шесть братьев». Подготовка текста А. А. Долгополовой	142 – 146
Стихотворения о 262 стрелковой Демидовско-Хинганской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Вступительная заметка и подготовка текстов С. С. Лазутина	147 – 150
Валентинова З. А. Воспоминания и стихотворения. Подготовка текстов С. А. Соловьёва	150 – 154
Солнцев Н. А. «В восьмом и девятом учились...» Подготовка текста Т. В. Талалуевой	154 – 165

Открытка из коллекции краеведческого музея г.т. Спирово

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск из серии «Традиционная культура Тверского края» посвящен **70-летию Победы** в Великой Отечественной войне. Отличительной особенностью нашей книги является то, что издание ориентировано на публикацию именно тверских материалов. Это удалось осуществить благодаря научной краеведческой работе, которая ведется на филологическом факультете Тверского государственного университета, так как часть авторов статей и публикаций издания — это студенты. Именно студенты и преподаватели вместе с ведущими краеведами области ведут полевую и архивную работу по выявлению фольклорно-этнографических материалов.

Основу сборника составляют различные фольклорные жанры, в первую очередь песни и частушки, а также мемораты — воспоминания участников и «детей» войны. Однако составители пошли дальше в своих научных изысканиях, поэтому в сборник добавлена личная переписка периода Великой Отечественной войны: эпистолярный жанр перспективен для дальнейшего изучения как текст письменной культуры, имеющий свою определенную структуру и *loci communes*, а также как текст, имеющий отношение к фольклору. В сборник включены произведения так называемых «наивных» авторов, тексты которых считаются «пограничными» между литературой и фольклором. Всё это отражает современную научную направленность работы тверских фольклористов филологического факультета ТвГУ и ряда краеведов-собираателей традиционной культуры области.

Основную часть сборника составляют тексты из Андреапольского, Бельского, Ржевского, Спировского, Рамешковского, Бежецкого, Кашинского и других районов Тверской области. Впервые публикуется ряд материалов из архива кафедры истории русской литературы филологического факультета Тверского государственного университета, личного фонда А. Н. Вершинского из Государственного архива Тверской области (ГАТО), документы из собрания Спировского краеведческого музея, а также тексты из архивов краеведов и фольклористов.

Составители надеются, что очередной выпуск из серии «Традиционная культура Тверского края» будет интересен не только фольклористам, этнографам, но и самому широкому кругу читателей. Редколлегия выражает сердечную благодарность краеведам области, которые предоставили материалы и помогли найти тексты для этого сборника, в первую очередь Н. А. Шубину (Спирово), С. В. Морякову (Ржев), Л. М. Концедайло (Тверь).

Составители

НАКАНУНЕ

РЕКРУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР (К ВОПРОСУ БЫТОВАНИЯ ЧАСТУШЕК)

О. Л. Францев, В. В. Цыков

В д. Быльцино Торжокского района Тверской области этнографической экспедицией Всероссийского историко-этнографического музея (ВИЭМ), проходившей в июле 2008 г., было выявлено письмо, содержащее в себе тексты частушек, которые бытовали в красноармейской среде и на гуляниях во время проводов в армию 1930-х гг. Оно было отправлено из Прибалтики 20 июня 1941 г. жителем д. Быльцино Алексеем Семёновым, который проходил воинскую службу в рядах Красной армии, а адресат — односельчанин автора Александр Гордеев. Как оказалось, письмо было последним из пришедших в Быльцино от Семёнова. Как сложилась его судьба — неизвестно, но в деревню, как нам удалось установить, он больше не вернулся.

Автор письма живо интересовался деревенскими событиями и просил сообщить ему, как проходят гуляния у молодежи их деревни. Также он писал: «Шура, а теперь напишу немнога красноармейских частушек, как тебе призывнику. Тебе нада гулять и вяселица, так вот слушай и изучай вот эти частушки, которые вам сичас начну писать»¹. Всего в письме было представлено двадцать частушек, посвященных службе в Красной армии. Оно было написано карандашом, а тексты частушек — чернилами.

По замечанию Ж. В. Корминой, начиная с конца 1920-х гг. рекрутский фольклор почти не записывали. Она указывает, что «мы не имеем возможности проследить, каким образом трансформировались рекрутский обряд и фольклор, а также представления о военной службе. В имеющихся источниках существует серьезная лакуна: с конца 1920-х гг. рекрутский фольклор практически не записывали, а тому, что имеется в нашем распоряжении, — газетным материалам, например, — не приходится доверять»². Найденный же нами во время экспедиции письменный источник позволяет, во-первых, показать, какие частушечные тексты бытовали в 1930-е гг., во-вторых, уточнить, какие произошли изменения в крестьянской молодежной среде по отношению к службе в армии.

В конце XIX — начале XX вв. крестьяне в армии служить не хотели, а «в обряде проводов того времени преобладали мотивы отправления в последний путь...»³. В тех же случаях, когда призыв в армию не вызывал уклонения и сопротивления, она воспринималась как судьба, предопределенная человеку высшими силами и нередко ниспосланная в качестве наказания. Об этом гово-

¹ Здесь и далее сохранена авторская орфография, для удобства нами расставлены знаки препинания. — *О. Ф., В. Ц.*

² *Кормина Ж. В.* Проводы в армию в пореформенной России: Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 217.

³ Там же. С. 6.

рят и частушки, исполняемые деревенской молодежью Старицкого района при проводах в армию:

Увели меня в солдаты,
Как невесту из ворот.
Я запел солдатску песенку —
Заплакал весь народ (№ 365).

Солдатчина-рекрутчина,
Не дай бог никому.
Там и голод, там и холод,
Там угонят на войну (№ 366)¹.

Солдатская песня, записанная в Новоторжском уезде П. В. Киреевским, определяет солдатскую службу как злую судьбу, выпавшую на долю человека:

Спородила матушка единого сыночка,
Спородила матушка — худым счастьем нашла,
Худым счастьем нашла — в солдатушки нарекла².

Об отношениях крестьян к военной службе можно также судить по описаниям чиновников, с которыми сталкивались крестьяне, попав в рекрутское присутствие. Это чужие люди, целью которых является забрать молодого человека из дома и прервать нормальное течение его жизни. Их называют «судьями безбожными», «судьями немилосливыми», «властями немилосердными», а отношение к царю выражается в подчинении, когда воля рекрута поступает в распоряжение воли царя³. Это нашло отражение в рекрутских частушках, записанных в Торжокском районе:

Эх, мамаша, эх, мамаша,
Теперь волюшка не наша.
Воля белого царя —
Нас угонит за моря (№ 333)⁴.

Такое отношение крестьян к армии и государству, возможно, предопределило свержение самодержавия и последующие события. Несмотря на все усилия Временного правительства, солдаты — вчерашние крестьяне — в массовом порядке дезертировали из армии и по возвращении домой занимались там земельным переделом. Фронт разваливался, наступательные операции срывались из-за нежелания солдат воевать.

После революционных событий 1917 г. в ходе политики в области культуры, проводимой органами советской власти, к началу 30-х гг. происходят резкие изменения в мировоззрении крестьян. Это иллюстрируют приведенные в

¹ Тверские частушки / Сост. Ф. М. Селиванов, Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. М.: Московский рабочий, 1990. С. 48.

² Лебедева О. Е. П. В. Киреевский и Тверской край // Тверской край — душа России: Материалы научной конференции. Тверь — Торжок. 23—24 декабря 2005 г. Тверь: ВИЭМ, 2005. С. 123.

³ Кормина Ж. В. Проводы в армию... С. 225, 227.

⁴ Тверские частушки... С. 45.

упомянутом письме частушки, имеющие характерное название «красноармейских». Действительно, по сравнению с рекрутскими песнями дореволюционной поры, восприятие армии в них теперь иное. Приведем ряд текстов из письма:

Эй ребята не тужить
За своих будем служить.
За рабочих за крестьян
Так давно извесно нам.

Ты матреха не тужы
Я не помираю.
На два годика служить
В город уежаю.

Вот наш ротной уголок
Вот и койки наши.
Всё подробно ты дружок
Расскажи мамаше.

Я с деревней распрощаюсь
Брошу сеять и косить.
В красную армию собираюсь
Соседа старшего сменить.

В приведенных частушках армия теперь изображается как продолжение родного дома, как своеобразная школа жизни, как место, где призывник сможет вырваться из-под воли отца:

Полно пожили в неволе
Поработали оцам.
В красной армии как в школе
Поучица молодцам.

Эхал в армию я темный
Ворочус домой ученой.
В красную армию пойдем
Будем светлый и хорошо.

Как два годика пройдет
И к своим зазнобам.
<Нрзбр.> придут
Женихи с учебы.

Мы буржуям всем на горе
Корабли построим вскоре.
И на страже у ворот
Развернем красный флот.

Эй девчата кто за мной
Жива за работу.
Мы кисеты будем шить
И отправлять флоту.

Брат работай без заботы
И надейся на меня.
Прослужу свои я сроки
Поддержу приду тебя.

Паравоз пары спускаит
По дорожечке бежит.
Собирайтесь ребята
В красную армию служить.

Пять годов свестили пули
На ста лет вперед шагнули.
Позовут шагнем опять
Пой ребята не подгать.

Часть частушек связана с сатирическим изображением церкви и священнослужителей:

Твой меленок рыжей пес
Ярый богомолец.
Милый мой тепер мотрос
Судно комсомолец.

Поп на пасху сделал кличку
Собирайти от греха.
С дурака одно яичка
С дуралея питуха.

Поп кричит во всех местах
И это правда правда точно.
Что мамаша у христа
Дива непригожа.

У попа была кодила
Сем пудов угля носила.
Поп кадилой часта машет
Попадья вприсятку пляшет.

Ух ты поп седая грива
Как тебе не жарко.

Монастырь ты вес пропил
Как тебе не жалко.

Все святые загуляли
Видно бога дома нет.
Бог уехал за границу
Не придет он сорок лет.

У мальчишек у девчонок
Распахнулись ворота.
Крест надели нас с пеленок
А теперь мы без креста.

Содержание письма показывает большое значение воспитательной и обучающей работы, проводимой в Красной армии. Автор письма сообщает: «Шура вить в красной армии всё равно как в школе всё учис и учис и обучают у нас здесь газеты свои каждый день привозят да и библиотека своя и там книжок дают. Одним словом только учис и учис да была бы желание». Из текста следует, что красноармейцы живо интересовались деревенскими делами: «Шура постарайся отписать мне что делаица в деревни. Шура у нас нечего не видать кроме лесу почти ничего и нигде не видит. Лес лес и лес мелкая заросль вот тут по весне ездили в выходной и ехали мимо деревни и видели — пахали. А вот в настоящее время и не знаем что делают так вот и постарайся в письме отписать».

Народное происхождение приведенных в письме частушек показывает и следующий текст:

Сяду сяду на машину
Ноги свешу под вогон.
Ты вези меня машина
Там где гонят самогон.

Данная частушка никак не могла быть сочинена профессиональным литератором и тем более напечатана в периодике тех лет. Ее фиксация в письме среди прочих частушек говорит о ее фольклорном происхождении.

Частушки, которые Алексей Семёнов приводит в письме, показывают изменения, которые происходили в крестьянской среде в 1920—30 гг., прежде всего в плане формирования у крестьян чувства новой социальной идентичности.

Исследователи дореволюционного крестьянства отмечали, что они осознавали себя не гражданами империи, а членами локальной социальной группы, в первую очередь деревни. Так, один из очевидцев того времени писал о рекрутских песнях: «...почти нет указаний на существование тех положительных причин, которые бы, наоборот, заставили личность иначе относиться к рекрутчине, мы не находим в песнях <...> сознания необходимости каждому члену общества быть готовым к защите своей родины и отечества»¹.

¹ Кормина Ж. В. Проводы в армию... С. 266.

Воспитание гражданской идентичности в крестьянской среде происходило в годы советской власти. Исследователи отмечают, что рекрутский фольклор, бытовавший после Великой Отечественной войны, свидетельствует о «кардинальном изменении отношения крестьянского населения к военной службе. Парень, уходящий в армию, теперь идет защищать свою Родину, расширившуюся (в представлениях носителей культуры) от размеров родной деревни (прихода) до масштабов государства»¹. Это нашло отражение в частушках, записанных в Новоторжском районе:

Мой залетка в Красном флоте
Пишет с моря мне привет,
В Красном флоте добровольцем
Защищает белый свет².

В частушках также проявляется идея осознания армии как своеобразной школы. Одной из причин этого стала не только Великая Отечественная война, но культурно-воспитательная работа, которую проводили органы советской власти среди красноармейцев в 1920—30-е гг. Так, автор письма пишет, что он «...уже полгода состоит в рядах комсомола, защищает рабоче-крестьянскую власть и стоит на страже против кулаков, попов и нэпманов». Они (красноармейцы) сами здесь становятся проводниками в деревенскую среду новых идей. Рассмотренное письмо с приведенными в нем частушками является своеобразной вехой происходивших перемен.

¹ Там же. С. 279.

² Тверские частушки... С. 56.

АРХИВЫ: ВОЙНА ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ (ИЗ ИСТОРИИ ТВЕРСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ)

ФОЛЬКЛОР ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗАПИСЯХ Е. А. ВЕРШИНСКОЙ

*Вступительная статья и
публикация А. С. Дмитриевой*

В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) в фонде преподавателя Калининского педагогического института им М. И. Калинина, профессора А. М. Смирнова-Кутаческого¹, хранится папка «Записи песен Великой Отечественной войны», которая состоит из 13 листов². Перед нами часть фольклорно-этнографической коллекции Алексея Матвеевича. В данном деле записи сделаны Евгенией Анатольевной Вершинской (1920—1993) — дочерью краеведа А. Н. Вершинского³. Из ее биографии известно, что она в 1939—1942 гг. училась в Калининском пединституте⁴. Таким образом, перед нами ряд текстов по традиционной культуре, относящихся к 1940-м гг. Эти документы позволяют установить новые имена собирателей в истории тверской фольклористики.

Что представляет материал, находящийся в этой папке? Опишем его. Коллекцию начинают воспоминания (лист 1), записанные от Гали Голосуй, 12 лет, бежавшей из Витебска. Это рукопись, в которой использованы синие чернила. Вероятно, перед нами текст, сделанный во время беседы с информантом, о чем свидетельствует ряд пометок в рукописи. Более того, эти воспоминания продублированы в тетрадь на листе 9—10 об. Таким образом, собиратель не только фиксировал беседу, но и переносил ее в специальную тетрадь, переписывая каллиграфическим почерком и проставляя даты. Такая аккуратность свидетельствует о высокой подготовке Е. А. Вершинской как фольклориста. Ниже, в Приложении, мы приводим именно второй вариант записи от этого информанта.

Следующая рукопись на 2 и 3 листе также сделана синими чернилами и карандашом и содержит пометки красным карандашом. Перед нами воспоминания, записанные от Анны Владимировны Румянцевой, 50 лет, проживающей в д. Афонасово (Афанасово <?>), которая, судя по содержанию, могла прожи-

¹ О нем см.: Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 109—162; Лица филологов: Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 121—168. Также см.: А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. 320 с.

² ГАТО. Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 60.

³ Воробьева И. Г., Сергеева Т. П. Родословная А. Н. Вершинского // Традиции династий Верхневолжья: Материалы региональн. научн.-практич. конференции. Тверь — Калязин, 8—10 сентября 2003 г. Тверь: ТвГУ, 2004. С. 80.

⁴ Там же. С. 80.

вать в Ржевском районе Калининской (Тверской) области рядом с Оленинским районом.

Далее на 4 листе видим запись песни «Тучи над городом стали» из кинофильма «Человек с ружьем», а на обороте листа неразборчивые заметки, сделанные черными чернилами. Вероятно, сделаны они А. М. Смирновым-Кутаческим. Далее с 5 до 12 листа идет тетрадь (без начала), записи в которой выполнены синими чернилами. Как увидим далее, каждому тексту в рукописи предшествовал паспорт информанта и дата записи. Так, если частушки на 5 листе начинаются с половины одного текста и паспортные данные информанта нам остаются неизвестными, то следующая запись сделана 23 августа 1942 г. Это стихотворение инженера-конструктора завода КРЕПЗ¹ г. Калинина. Далее идет запись частушек от «девочки Лабыниной», сделанная 24 августа. На обороте 6 листа видим запись от 25 числа этого же месяца. Это воспоминания учительницы русского языка и литературы неполной средней школы д. Никулино Марии Леонидовны Зимненко. Далее в этом же населенном пункте сделаны записи частушек от девушек-колхозниц (листы 7 и 8). На обороте 8 листа от ученицы 10 класса средней школы № 9 г. Калинина Маруси Клочковой записана песня, которую «распевают у них в школе».

После воспоминаний Гали Голосуй идут записи меморатов от Бориса Чернякова, 12 лет, зафиксированные 27 августа 1942 г. (лист 10 об. — 11); колхозницы Александры Николаевны Погодиной из д. Исаково Ржевского района Калининской области, записанные 8 октября этого же года (на листе 11 об. — 12) и жительницы пос. Хатоле Витебской области, счетовода, Марии Федоровны Шерановой (лист 12 об.).

Завершает собрание рукопись, выполненная синими чернилами (на 13 — 13 об. листе). Это частушки из с. Кесова Гора Калининской области, записанные от Александры Савельевой, 20 лет, однако возраст, имя и фамилия исполнителя дописаны черными чернилами.

Как видим, к каждому тексту собиратель дает паспортные данные. Также он стремится соблюсти диалектные особенности речи информантов. Ниже мы публикуем часть текстов из этого собрания. Нумерация в Приложении дана сплошная.

П р и л о ж е н и е

1. Немцы пришли

Вспоминать о тех <!> временах тяжело да и памяти дуже нету. Семнадцать месяцев душегубы мучили нас. Два раз <!>, окаянные, захватывали нас под свою власть, пока совсем не освободили сынки наши — красные армейцы, только ня дома, из домов-то оны нас выгнали сразу, как пришли, а тут и из землянок погнали за собой в Германию. Догнали нас до Краснова, а тут наши на них налетели уничтожать.

¹ КРЕПЗ — промышленное предприятие г. Калинина. — *Прим. ред.*

Расскажу вам, детушки, как сноху оны мою убили с сыном. Сидели мы в землянках. Наша землянка вырыта была в самом берегу речки, начались бои, оны стали из наших деревенских ловить. Сижу в землянке, со мной четверо малых ребят. Снежком запорошило тропинку в землянку, я и говорю ребятам своим: «Не ходите вон, не <топчите> следу». Это и спасло нас, а то бы и не быть живыми. Сидим сутки, другие, третьи, пять ночей пересидели, — уж и ня помню как. Слепнуть начали, передрогли; вылезаю и глазам своим не верю, светопредставление какое-то: кучи тел человеческих навалено, самые бои здесь шли, они укрепились в нашей деревне, а наши в кустах вон были. Гляжу — во том конце деревни груды тел и всё наши, деревенские, и старые и малые, одна молодушка в грудь убитая, у ней на руке — ребеночек 6 месяцев, пристрелённый; по 2, по 3 годика ребятки и женщины, и старики по 80 лет, — я сразу и обмерла. Поглядела — сношка моя валяется, а с ней сынок ейный, 17 годов. Бабы наши увидели лишь — оттащили, уговаривают: зачем, дескать, к черту на рога лезть, надо хорониться токо от них до поры до времечка. Тут и узнала я, что неспроста они так озверели у нас. Наибольшего у них убили и еще двух офицеров из главных, а вожака-то ихнего убила сестра моя, та, что была партийной и председателем колхоза до них была. И <ее> я нашла мертвой, и всю семью вместе с ней. Они, /звери лютые/¹ злодеи, как нашли своих главарей и так и пошли лютовать: бросили к землянкам ходить², где народ прятался: кого-то всё искали: выгоняют всех, выставляют в ряд и расстреляют, а в окоп гранаты — одну-две, а то и больше. И погубили, проклятые, нашу деревню. Бывало, на всю округу Афонасово <!> славилось. Гулять сюда ходили со всех сторон, песни, смех, веселье раздавалось. 75 домов было, остались самые худые — 9 <нрзбр.> 72 человека расстреляли в тот раз. Из соседних деревень — Касарова, Ельцова согнали народ через два месяца, велели раскидать покойников, куда попало — кого в яму, кого под речку. А когда наши пришли, похоронили мы их, вырыли братскую могилу и вместе с бойцами положили их. И я ходила хоронить и теперь на могилку еще хожу³.

2. Румянцева Анна

Лен<з>инский с/с — в пос. Пятницком в Павлюковской <нач.> ср.<едней> школе — двухэтажное здание, немцы, <нрзбр.> местность, облили ее бензином и сожгли вместе с ранеными — 120 человек, тех, кот.<орые> не смогли уйти, включая и нач.<альную> шк.<олу> из <два слова не читаются> на <Паротики> была большая больница, немцы сожгли с ранеными.

Учит.<ельница>, родина ее — Макарово, попадала два раза под прямое попадание. В первый раз в одном доме — в д. <Шагтково> Оленинск.<ого> р<айо>на, всего в доме было 28 чел.<овек>, осталось 4 человека — она, мать,

¹ Зачеркнуто. — А. Д.

² Слово зачеркнуто. — А. Д.

³ Зап. от А. В. Румянцевой, 50 л., д. Афонасово. ГАТО. Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 60. Л. 3 — 3 об., 2.

повар, мальчик 2-х лет. Мальчик был у матери на руках, мать вся была <нрзбр.>, мальчик отлетел — жив, взял его на руки <нрзбр.> из приезжей <нрзбр.> — снова залет — снова бомба, <нрзбр.> убило, мальчик опять жив остался. В доме были бойцы, командир роты, только приехал с задания, <нрзбр.> чай, самовар на столе и только-только <нрзбр.>.

Наша дивизия 29-я или 30-я из-под Ржева пришли они через <Полскино> — Кокошкино, потом им проход закрыли, они в Олен.<инском> р<айо>не в <нрзбр.> снаряды на себе таск.<али>, питания не было, <нрзбр.> по 20 залетов делали на Макарово, пикировали прямо на дома по 8—13—34 самолета. Как Макарово сдали в мае м<еся>це немцам, так они быстро ходом пошли¹.

3. Песня из кинофильма «Человек с ружьем»

Тучи над городом стали,
В воздухе пахнет грозой,
За далекою Нарвской заставой
Парень идет молодой.

Серые силы несутся,
Ветер нам дует в лицо,
За счастье народное бьются
Отряды рабочих бойцов.

Далека ты, путь-дорога,
Выйди, милая моя,
Мы простимся с тобой у порога
И, быть может, навсегда.

Жаркою страстью пылаю,
Сердце тревожно в груди
Кто ты? Тебя я не знаю,
Но наша любовь впереди.

Далека ты, путь-дорожка,
Выйди, милая, встречай,
Мы простимся с тобой у порога,
Ты мне счастья пожелай².

4. Частушки

<...> Там залеточка мой едет
И винтовочку назад.

¹ Там же. Л. 2 — 2 об.

² Там же. Л. 4.

5. Полюбила лейтенанта
И не в силах уважать,
Он обвешался ремнями,
Начинает воображать.

6. В небе звезд красивых много —
Море бесконечное,
Но такой красивой нету,
Как пятиконечная.

7. Из колодца вода льется,
Не вода, а леденец,
Красна Армия воюет,
Скоро Гитлеру конец.

8. Я на тракторе пахала,
Сердце, ой, волнуется:
Моя первая бригада
С третьей соревнуется.

9. Дайте серую винтовку
И горячего коня,
Я поеду бить германцев¹
И германского² коня.

10. У меня залетка есть,
Только нету его здесь,
Он в Армии находится,
Видеть не приходится.

11. На улице видно-видно,
Нам на Гитлера обидно,
Все ребята на войне,
Гуляют девушки одне.

12. С каждым месяцем и годом
Лучше жить становится,
Потому что родной Сталин
О нас беспокоится.

¹ Зачеркнуто. Подписано «германцев». За зачеркнутым словом прочитывается «буржуев». — А. Д.

² Аналогично. Написано поверх слова другими чернилами «германского», под зачеркнутым словом читается «буржуйского». — А. Д.

13. Я на память под окошком
Посадила пять берез,
Это в память того года,
Как вступила я в колхоз¹.

14. «Моя просьба»

Писем нет от тебя. Почему? — Не пойму.
Жду я в грусти своей перемену.
Жду письма и не жалуясь я никому:
Ты всегда ненавидел измену.

Милый мой патриот, память нежно храня,
Твою гордость, клянусь, не задену,
Мсти врагу за народ, за друзей, за меня,
Всех учи ненавидеть измену.

Мы не очень давно расставались с тобой,
Быть героем тебя я просила,
Помни просьбу мою: когда двинешься в бой,
Чтобы пуля тебя не сносила.

Если горе случайно настигнет тебя,
Помни: я — боевая подруга,
Жизнь отдам за народ, за друзей, за тебя,
За тебя, за любимого друга.

Верь и знай, что настанет такая пора
И врагов прекратится дыханье,
Вот тогда по-советски мы крикнем: «Ура!» —
Будет встреча, а не расставанье.

Если любишь народ, как любил ты меня,
Кареглазую юную Лену,
То не бойся врагов, ни боев, ни огня,
Всех учи ненавидеть измену.

Будь же тверд и силен, попрошу я тебя,
Как алмаз, как гранитные стены,
А с победой придешь, расцелуешь меня,
Как и прежде, любимую Лену¹.

¹ ГАТО. Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 60. Л. 5. Половины первого текста нет, т. к. она вместе с паспортом находится на утраченном листе. Нумерация на данном листе идет со 2 текста; всего представлено 10 номеров частушек. — А. Д.

15. Частушки

Я сегодня вечером
Радио включала.
Слышу: Сталин говорит, —
Сердце застучало.

16. Клава, милая подруга,
Я вчера была в лесу,
Твоего милого убили,
Вот я весточку несу.

17. Нюра, милая подруга,
Я сама была в лесу,
Это горе небольшое —
Я другого заведу.

18. Мой залетка уезжал,
Не сказал, кого любить,
До приезда до его
Любить не буду никого.

19. У меня залетка был,
Его звали Ванею,
Ваня мальчик был фатовый,
Его взяли в Армию².

20. Воспоминания учительницы русск.<ого> яз.<ыка> и литератур.<ы> неполной ср.<едней> шк.<олы> деревни Никулино Марии Леонидовны Зимненко. 25.VIII.

Узнав, что немец близко, я захватила своих детей и бежала из деревни. Попала в окружение. Пришлось вернуться. В деревню 14 окт.<ября> вошли немцы. Шарили по квартирам. Искали русских солдат. Взломали магазин. Со стен во всех домах срывали портреты. У меня со стены сорвали портрет Горького. Я объясняла, что это писатели, но они не знают Горького. Через неск.<олько> дней въезжали мотомех.<анические> части со знаменами, шумом. Рассортировались по домам. Выбрали старосту. Выявляли семьи коммунистов и партизан. Пришли и к нам. Предложили уйти из деревни со всеми детьми. А из деревни тоже запрещено выходить — пуля. Выхода всё равно нет. Так обошли все семьи партизан. Потом им не до нас было. Разрешили пока жить. Кру-

¹ Стихотворение инженера-конструктора завода КРЕПЗ г. Калинина. Записано 23.08.1942 г. Там же. Л. 5 об. — 6.

² Зап. от Лабыниной, 24.08.1942 г. Там же. Л. 6 — 6 об.

гом бои. Один партизан пробрался в разведку. Его поймали, морили голодом, а потом застрелили. Перед отступлением составили список на 83 чел.<овека>. В этот список попала и я с детьми. Старосте велели приготовить виселицу. Отвели специальный дом (недалеко от Кривцова) для тюрьмы. Но не удалось ему позверствовать. Погнали их наши красноармейцы. Были и пленные, но немного. В насмешку одевали их в разные костюмы. Водили одну партию пленных по разным деревням и говорили, что это разные группы пленных. Одну девочку избили за то, что она вынесла пленным картошку. Днем пленных заставляли делать самые опасные работы (разряжать гранаты и т. д.), а на ночь полураздетых оставляли их в холодных сараях. Офицеры своих солдат бьют. Расстреляли сбежавшего из Бурашево сумасшедшего¹.

21. Частушки

Скоро-скоро я уеду,
Ой-ой-ой, как далеко,
Где советские снаряды
Роют землю глубоко.

22. До чего же я люблю
Черную смородину,
Мой залетка на границе
Защищает родину.

23. Я любила тракториста,
А потом учетчика,
А потом все выше, выше —
Добралась до летчика.

24. Дорога моя подружка,
Я тогда с войны приду,
Когда гитлеровску голову
В кармане принесу.

25. Едет Гитлер на коне —
Балалаечка в руке,
А гитара на носу,
Гитлер любит колбасу.

26. Мой залеточка воюет,
Он находится в бою,
Кровь горячу проливает
Он за родину свою.

¹ Там же. Л. 6 об. — 7 об.

27. Братишке дали черну саблю,
Еще черного коня,
Отсечет германцу голову,
Тогда кончится война.

28. Ты слетай, ты, черный ворон,
Ты слетай в германский бой,
Перевяжи залетке рану
Моей лентой голубой.

29. Мы девчата боевые
И нигде не пропадем,
Когда немец к нам нагрянет,
Партизанить мы пойдем.

30. Мой залетка лейтенант,
А я медициночка,
Красный крест на рукаве,
На г<о>лове косыночка¹.

31. Помню день последнего привала,
Сон бойцов у яркого костра,
Руку мне она забинтовала,
Славная военная сестра.

Теплотой и лаской одарила
И из-под ресницы черных глаз,
Мне о доме что-то говорила,
Чтобы боль утихла, улеглась.

Стало сердцу радостно, не скрою,
В эту темну ночку у костра,
Показалась мне она сestroю,
А сестер ведь нету у меня.

Не забыть мне тихий и короткий
После боя найденный привал,
Девушку в шинели и пилотке,
Ту, что я сestroю называл².

¹ Зап. от девушек д. Никулино. Там же. Л. 7 об. — 8.

² Зап. от Маруси Клочковой, ученицы 10 класса г. Калинина. Там же. Л. 8 об.

32. Воспоминание 14-ти летней девочки Гали Голосуй, бежавшей из Витебска¹

В газетах немцы писали, что 3 года не будут обкладывать русское население налогами, а сами наложили налоги на собак (150 р. в год), на людей (120 р. в год с 18 лет), на домашние цветы, окна (!!). Землю дали, но больше ничего. Хоть ложись да умирай на земле. У нас смеялись: «Не 4 м в длину и ширину, а 4 м в глубину даст немец земли». Так и вышло. Русские девушки с немцами не гуляют. А тех, кто гуляет с ними, даже пацанята дразнят, на улице прохода не дают. И девушки с ними дружить перестают. Нормы хлеба маленькие: рабочим — 300 гр., иждивенцам — 150 гр. А иждивенцами считают детей с 3-х до 14 лет. Больше никого. А до 3-х лет давали на неделю 200 гр. крупы. Это на один раз им только. И все продукты у них искусственные: масло, молоко, творог.

Ф<абри>ки им. Кагановича, КИМ сгорели. Ни одной фабрики не осталось. Моя мать — мед.<ицинская> сестра. Когда немцы пришли, все из больницы убежали. А мать осталась: жалко ей было детей. Мы с папой легли на полу у стенки. Кругом снаряды рвутся, везде горит. Мамы нет. Я думала, ее убили. Побежала к больнице, но меня остановили. Ждем-ждем — уже темно. Снаряды перестали летать. Стемнело. Сестра пришла. А мамы всё нет. Наконец пришла. Уж и рады же мы были! Сказала, что в больнице немцы. Нам интересно. Утром мы побежали в больницу. Там осталось только 8 детей. Остальных родители взяли. Немцы больницы не касались. Дети голодные. Потом русская управа давала им в неделю 400 гр. кровяной колбасы. Две коровы дали, свинью. Но было уже поздно. Так дети все и умерли.

Бежали мы с сестрой. В Рудне (в 6 км от Витебска) проверяли товарные вагоны: нет ли беглецов. Мы с сестрой в уголок забились, нас не заметили. Проехали 30 км, спрыгнули на ходу. Пошли по деревням. У партизан жили. Партизан много. С 14—16 лет идут партизанить. Товарищи моего брата и брат — все ушли. Немцев в деревнях почти нет. Партизаны стоят в деревнях. Когда пройдет немецкий отряд, партизаны его уничтожат, всех до одного. Однажды в отряд пришел немец, говорит, что хочет быть партизаном, сказал, что состоит в партии Тельмана. За ним следили, но он честно работал, помогал партизанам взрывать пути. Выбрал себе девушку, говорит: «Я оженюсь на ней, когда кончится война».

Весною поймали 25 партизан. Их всех повесили. Когда их вешали, они все высказывались, кричали: «Долой фашизм». Когда вешают, всех сгоняют смотреть. Однажды я видела, как один рабочий ударил немцу сапогом в лицо. Немец так кровью и залился².

¹ «Воспоминание очень отрывочное, несвязанное. Рассказывали то, что ярче запомнила». Примечание слева на полях. Далее зачеркнуто. — А. Д.

² ГАТО. Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 60. Л. 9 — 10 об.

33. Воспоминания Бориса Чернякова

9-го апреля ушел из Лезны. В 35 км от Лезны стояли передовые части Кр.<асной> армии, в с. Понизовье. Немцы расстреляли дедушку и бабушку, потому что они евреи. С 7 по 10 окт.<ября> собрали всех евреев за проволоочное заграждение. Пить им не давали. В газетах было объявление: если отец или мать русские, то детей оставлять. Я пошел в русскую управу и заявил, что у меня отец русский: посадили меня в подвал, вели следствие, да так ничего и не узнали. А отец у меня еврей, он на Д. В. Всех евреев расстреляли. В полиц.<ейском> участке есть объявление, где говорится, что за каждого убитого еврея и члена семьи полит.<ического> работника Кр.<асной> армии — 300 р. и бутылка самогонки. Полиция состоит из одних преступников. Когда расстреляли всех евреев, бросили их в кучу и засыпали снегом с землей. Холм долго шевелился, т. к. не все были застрелены насмерть, многих только ранили. На след.<ующий> день откопали. Налетели семьи полицейских, влезают в кучи мертвецов, снимают одежды, кольца. Жутко. Партизаны перед своею казнью всегда высказываются, бьют фашистов. Перед тем, как вешать их, им стали делать уколы в спину, чтобы они были сонные, вялые, не высказывались. Одного мальчишку расстреляли за то, что он попросил кусок хлеба¹.

34. Воспоминания колхозницы Александры Николаевны Погодиной из д. Исаково Ржевского района Калининской (Тверской) области

Жили мы в 12 км от Ржева, в д. Дешевки. Когда немцы заняли деревню, они стали ходить по избам, всё отбирали. Русские стали теснить немцев. Тогда вечером они собрали все население в 5 домах, не дали даже домой за теплой обувью сходить, а утром погнали нас к Ржеву. Я ожидала ребенка. Идти было тяжело. Немцы подгоняли сзади. Когда стали подходить к городу, я отстала, в гору не могла подняться. Поселилась с семьей в д. Исаково. Деревня эта маленькая, немцы в ней не стояли, но проезжали мимо. Часто заезжали и отбирали всё. Зимой ели головицу, летом траву. 2 моих сына семи и двух лет умерли с голода. 14 августа 3 дома от края сожгли немцы, в том числе и наш дом. Нас выгоняли из деревни. Отец не хотел уходить. Немец взял его за ворот и так потрянул, что чуть не убил. В дороге нашей семье удалось отстать. Мы легли за рожью в канаве. Открылся бой. 3 дня лежали в канаве. Головы нельзя было поднять. Отца убило, меня ранило в руку, дочка чуть с голода не умерла. На четвертый день бой стих. К русским переползли на четвертый день. Красноармейцы накормили нас и отправили на машине в тыл.

Александра Николаевна пришла за помощью в горком <нрзбр.>².

¹ Зап. от Б. Чернякова, 12 л., 27.08.1942 г. Там же. Л. 10 об. — 11.

² Зап. от А. Н. Погодиной, д. Исаково Ржевского р-на Калининской (Тверской) обл., 8.10.1942 г. Там же. Л. 11 об. — 12.

35. Воспоминание жительницы пос. Хатоле Витебской области, Марии Федоровны Шерановой, счетовода

Жила в Сураже. Немцы загнали часть населения в помещение исполкома. Снимали там валенки, теплую одежду. Потом выстроили всех в строй и погнали к Витебскому большаку. Было очень холодно. Некоторые шли босые с детьми. Многие бросали детей, т. к. дети замерзали. Я шла с пятилетней дочкой. Пришли мы в поселок Хатоле. Там вся молодежь и всё мужское население ушло партизанить. Но потом они приходили в избы. Я готовила им обед, стирала. Когда немцы пришли в наш поселок, они запирали сами партизан в дома, а потом поджигали дома. Пошли и в наш дом. Отца застрелили. Потом подошли ко мне:

— Поела ты, русская тварь, партизанских <нрзбр.>, теперь наших поешь.

Спрашивают:

— Комсомолка!

Я отвечаю:

— Кандидатка.

Тогда он выстрелил в меня, целясь в лоб, я упала и видела, как немец выстрелил в мою пятилетнюю дочь. Пуля прошла через лоб и разорвалась с боку, у щеки. Очнулась я уже в машине. Голова была перевязана, красноармейцы вели меня в <нрзбр.>.

Комментарий собирателя. М. Ф. Шеранова <зачеркнуто>. Женщина произвела на меня ужасное впечатление. У нее нет глаза, огромный шрам на лбу, а сбоку, у щеки, еще <гноилось> всё и было завязано. При рассказе у нее навертывались и всё время слезы <!>. Еще бы! Она лишилась всех родных и сама стала полукалейкой¹.

36. Частушки

Дорога подруга Таня,
Как же мне не горевать,
На германскую границу
Взяли дролю воевать.

37. Ты германец-оборванец,
Перестань-ка воевать,
Отпусти ребят жениться —
Девочек некуда девать.

38. На германской-то границе
Куст сирени голубой,
Под сиренью-то убитый
Мой залетка дорогой.

¹ Зап. от М. Ф. Шерановой, пос. Хатоле Витебской обл. Там же. Л. 12 об.

39. Распроклятая Германия
Затеяла войну,
Положил залетка голову
За родину свою.

40. Не охота, да придется
Щи казенные хлебать,
Не охота, да придется
Нам с германцем воевать.

41. Я иду, иду, иду
По дороге каменной,
Мой залеточка лежит
У германцев раненый¹.

ЗАПИСИ ПЕСЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗ АРХИВА А. М. СМИРНОВА-КУТАЧЕСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАТО)

Вступительная статья и публикация Т. И. Пиценко

В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) в фонде преподавателя Калининского педагогического института им М. И. Калинина, профессора А. М. Смирнова-Кутаческого², хранится папка «Записи песен Великой Отечественной войны», которая состоит из 26 листов³. Опишем материал, представленный в этом собрании. Дело открывает рукопись (см. номера 1—8 в Приложении), выполненная синими чернилами и состоящая из трех листов, которые находятся в разрозненном порядке. Как удалось установить, запись включает в себя «Песню про Зою Космодемьянскую», «Песню про бойца», «Песню про девушку, гуляющую с немцами», «Московочку», а также частушки (4 текста)⁴. Это самозапись, сделанная Галиной Лебедевой. Как видим, в данном списке есть «Московочка», которая была распространена в Калининской (Тверской) и Владимирской областях⁵. Вероятно, перед нами одна из первых фиксаций текста. Далее, на втором листе, мы видим следующую рукопись, выполненную си-

¹ Зап. от А. Савельевой, 20 л., с. Кесова Гора Калининской обл. Там же. Л. 13 — 13 об.

² О нем см.: Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 109—162; Лица филологов: Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 121—168. Также см.: А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. 320 с.

³ ГАТО. Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 62.

⁴ Это листы: 1—1 об., 21 — 22 об.

⁵ Алексеевский М. Д. «Товарищи, послушайте, московочку спою...» // Живая старина. 2011. № 1 (69). С. 12—15.

ними чернилами, где представлен текст песни «Тоска по родине» (номер 9 в Приложении).

На листах с 3 по 5 идет рукопись, записанная синими чернилами студенткой первого курса группы «А» Н. Карцевой. Здесь представлены песни: «В прифронтовом лесу», «Песня о снайпере Олександре Моховце (Молодой, красивый, статный...)», «Песня о Москве (Москва великий город...)», песня из кинофильма «В 6 часов вечера после войны», «Тальяночка (На солнечной поляночке...)». Следующая рукопись на листе 6 — 6 об. выполнена черными чернилами и включает песни: «Артиллеристы», «Огонек», «Песня смелых» (в Приложении идут под номерами 10 — 12).

Далее, на 7—9 листе, перед нами опять разрозненная рукопись (выполнена синими чернилами), часть которой утрачена, однако фиолетовыми чернилами сделана нумерация, что позволяет установить пропавшие страницы и восстановить порядок расположения песен. Таким образом, рукопись начинается с 3 по 4 страницы (первые две отсутствуют) и содержит такие песни, как «Заветный камень (Холодные волны вздымает лавиной...)» и «Вечная слава героям (Боевые знамена склоните...)». Пятая и шестая страницы отсутствуют, а далее, с 7 по 9, записаны тексты: «Песня о “Малой земле”», «Кубанская (Тихий вечер над рекой Кубанью...)», «Ах, вы косы, косы русые (Пой гармошка удалая)», «Если я не вернусь».

Листы 10—12 об. — это рукопись, выполненная синими чернилами. Она включает в себя песни: «Только на фронте (Кто сказал, что надо бросить песни на войне?..)», «Моя любимая», «В прифронтовом лесу», «Под звездами балканскими», «Играй, мой баян» (в Приложении тексты с 13 по 17 номер)¹.

Далее, на листе 14—14 об., следует запись, сделанная информантом И. <Племяновой>, студенткой первого курса литфака. Текст датирован 30 декабря 1943 г. и включает в себя песню из кинофильма «Антоша <Рыбкин> <?> (Над горами высокими, долинами широкими...)», «Моя любимая», «22 июня», «Таня (партизанка Зоя Космодемьянская)»².

¹ 13 лист — чистый. — *Прим. ред.*

² В данном случае видим текст, который стал популярен в народной среде в различных вариантах исполнения (см., например: *Михайлова И. А.* Репертуар Н. Н. Жуковой: передача традиции в фольклоре // *Традиционная культура Тверского края: Памяти А. В. Гончаровой (1923—2009): Сб. науч. статей и публикаций / Отв. ред. Л. Н. Скаковская; сост. М. Л. Логунов, С. Ф. Меркушов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 49—51).* Ниже мы приводим текст из коллекции Смирнова-Кутаческого:

Село с рассвета вышло из тумана,
Стоял суровый утренний мороз,
Схватили немцы девушку Татьяну
И потащили в хату на допрос.

У ней в глазах бесстрашие сияло,
У ней нашли гранату и наган,
Пытали, но ни слова не сказала,
Не выдала Танюша партизан!

На листах 15—15 а содержится запись, сделанная черными чернилами: «Кто сказал, что петь не надо?», «Помню, как в памятный вечер», «Невеста (На тихом, на вольном, на синем Дунае...))», «О Москве», «Два Пети», «Сады-садочки», «Давай споем», «Вечер на рейде», «В землянке», «Болгария», «Моя любимая», «Два друга», «На солнечной поляночке».

На листах 16, 18—20 — рукопись «Песни Великой Отечественной войны», в которые вошли следующие тексты: «Трехгорная комсомольская» (из «Сборника московских рабочих». — *Т. П.*), «Песня стахановки», «Девушкам Красной Пресни», «Боевая артиллерийская», «Военная сестра», «Ниночка», «Материнский наказ»¹, «Солдатский вальс». На листе 17—17 об. видим записи, сделанные самим А. М. Смирновым-Кутаческим, в частности песня «В далекий край товарищ уезжает...», однако последующие заметки, сделанные Алексеем Матвеевичем, нам не удалось разобрать. Вероятно, это были материалы к его лекции о фольклоре Великой Отечественной войны.

На листе 23—23 об. — рукопись, выполненная синими чернилами Зоей Цветковой, в записи представлены песни «Сестра» и «Анюта», рассказывающие о храбрости медсестер во время боев (последняя в Приложении идет под номеров 18).

Заключает эту коллекцию конверт (лист 24) и письмо (25—26 лист) из издательства «Пролетарская Правда». Письмо было прислано Смирнову-Кутаческому по адресу: «Калининский пединститут. Кафедра языка и литера-

Слово не умолкнет о Тане-комсомолке,
Нигде нет наших девушек смелей,
Они рискуют жизнью, как Таня, для отчизны,
Всегда с веселым сердцем, как у ней.

Седые ветры злостно ветлы гнули,
Палач к веревке ящик проволока,
Девушка в последний раз взглянула
На вьющийся над крышами дымок.

«Нас не сломить!» — слышали крестьяне,
И сразу петля крик оборвала,
И сила слов родной любимой Тани
В следу страданий с гневных лиц сняла.

Село с рассвета вышло из тумана,
Стоял суровый утренний мороз,
Девушку под именем Татьяна
Крестьяне хоронили у берез.

Они клялись врагу не дать пощады,
Они клялись смерть Тани не забыть,
Умножить партизанские отряды,
За нашу Таню немцам отомстить (ГАТО. Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 62. Л. 14 об.).

¹ Этот текст цитирует А. М. Смирнов-Кутаческий в своей лекции про фольклор Великой Отечественной войны. См. публикацию А. И. Марьясовой в настоящем издании. — *А. П.*

туры», а из пометки, сделанной на конверте, становится известным, что автором текста является Н. М. Матвеев, который прислал в издательство очерк «Отечественная война в устном частушечном творчестве колхозной деревни». Письмо датировано 21 сентября 1944 г. Как сообщается далее в очерке, Н. М. Матвеев — счетовод колхоза Космыниха (в рукописи — Касмыниха. — *Т. П.*) Козловского района¹, где он и собирал частушки, а именно: в Нагорненском, Орехновском, Язвинском сельских советах от 16 июля 1944 г. (в Приложении этот текст под номером 19).

Таким образом, нам удалось установить часть информантов и собирателей фольклора: Галина Лебедева, Н. Карцева, И. <Племянова>, Зоя Цветкова, что дополняет историю тверской фольклористики. Ниже, в Приложении, мы публикуем часть текстов их этой коллекции. Однако в связи с тем, что часть листов в деле перепутана, мы даем сплошную нумерацию к текстам, орфография и пунктуация в которых приближены к современным нормам правописания.

П р и л о ж е н и е

1. Песня про Зою Космодемьянскую

Вот сейчас спою всем партизанскую,
Про Зою — девушку Космодемьянскую.

Зоя — девушка черноокая,
Подстигла Зоечку судьба жестокая.

Когда враг людской был над городом-Москвой,
Сердце девушки облилось тоской.

Пули немецкие громили Ленинград,
Ушла Зоечка в партизан-отряд.

Распростилася с родной мамочкой,
И стала Зоечка партизаночкой.

В ту глухую ночь был осенний мрак,
Наш командир не знал, где расположен враг.

По кустам ползла, остерегалася,
И до врагов Зоя почти добралася.

До врагов Зоя почти добралася,
С врагами Зоечка долго сражалася.

¹ Ныне — Спировский район Тверской области. — *Прим. ред.*

Они напали на нее, как озверелые,
Связали Зоины ручки белые.

Привели Зою во немецкий штаб,
Немец злой спросил, где расположен враг.

Звуки Зоины не доносились,
Враги на Зоечку сильно злились.

Звуки Зоины не раздавались,
Враги над Зоечкой издевались.

Зоя с усталости у них спросила пить,
А немец злой начал ей лицо палкой бить.

А назавтра в штаб принесли приказ,
Настал Зоечке тут последний час.

Привели Зою к двум большим столбам,
Махнула Зоечка последний раз друзьям.

Отдала Зоя жизнь молоденькую,
Но не выдала страну Советскую.

За слезы матери, за муку Зоину,
Давайте, девочки, вперед за родину.

Вот и спела вам партизанскую,
Про Зою девушку Космодемьянскую¹.

2. Песня про бойца

Сорву веточку, сорву зеленую,
Первый раз иду плясать семеновну.

Выхожу на круг чудо <!> петъ с конца,
Как немцы мучили одного бойца.

Ему семнадцать лет, он все дороги знал,
И командир полка его в дозор послал.

Ему семнадцать лет, он еще молод был,
Винтовку взял с собой, а автомат забыл.

¹ Там же. Л. 21 — 21 об.

Прошел он лес густой, прошел реку с водой,
Пришел в немецкий штаб, хотел идти домой.

Он шел обратный путь, его заметили
И за рекой в кустах его встретили.

Он один тут был, а немцев дюжина,
На груди его медаль заслужена.

Глаза выжжены, рот полный крови был,
Его сбили с ног, и он про всё забыл.

Когда очнулся он, то темный лес шумел,
А немец злой стоял и отвечать велел.

Звуки юноши не раздавались,
Враги над юношей издевались.

Прорубь узкая, вода холодная,
Ему не страшная смерть голодная.

Тело юноши в воде согрелось,
Но умирать ему всё ж не хотелось.

Самовар с водой, перестань кипеть,
И я семеновну <почти> кончаю петь.

Эх, поля, поля Ленинградские,
А на тех полях могилы братские.

Сорву веточку, сорву зеленую,
Вот и спасибо вам за семеновну¹.

3. Песня про девушку, гуляющую с немцами

Молодая девушка немцу улыбается,
Позабыла девушка о своих друзьях,
Только лишь родителям горя прибавляется,
Горько плачут, бедные, о милых сыновьях.

Молодая девушка, скоро позабыла ты,
Что когда за родину длился тяжкий бой,
Что за вас, за девушек, в первом же сражении,
Кровь пролил горячую парень молодой.

¹ Там же. Л. 21 об. — 22.

Где-то там над речкою, над широкой Волгою,
Был убит за родину молодой герой,
Только ветер волосы развевает русые,
Словно их любимая теребит рукой.

Вымоет старательно дождик кости белые,
И засыплет медленно мать сыра земля,
Так погибли юные, так погибли смелые,
Что дрались за родину, жизни не щадя.

Лейтенанту-летчику молодая девушка
Со слезами верности весною поклялась,
Но в пору тяжелую сокола забыла ты
И за пайку хлеба немцу продалась.

Под немецких куколок прическу ты сделала,
Красками накрасилась, вертишься иглой,
Но не нужны соколам краски твои, локоны,
И пройдет с презрением парень молодой.

Да, вернутся соколы, смелые, отважные,
Как тогда ты выйдешь молодца встречать?
Ведь торговлю ласками и торговлю чувствами
Невозможно, девушка, будет оправдать¹.

4. Московочка

Послушайте, товарищи, московочку спою,
Как умирал за родину один герой в бою.

Он был веселый, стройный, красивый, развитой,
На боку с наганом и с сумкой полевой.

Героя сердце чуяло, и что-то будто знал,
Прежде чем в бой идти — записку написал.

«Дорогая мама, в бою я нахожусь,
Умру, то вспоминайте, а может быть, вернусь».

Убрал записку в сумку, готов идти уж в бой,
Но а смерть коварная вилась над головой.

¹ Там же. Л. 22 — 22 об.

«Ребята, будьте смелыми!» — командовал герой,
Покажите мужество в атаке боевой.

Жужжали пули, мины, но зла одна была,
Пробила грудь героя и на сердце легла.

Герой наш покачнулся и тихо простонал:
«Пошлите ту записку, которую писал».

И вот герой отважный навек землей зарыт,
А сердце его матери день и ночь болит.

Болит, болит и стонет: чего из-за чего —
Ждет письмо от сына, нет и нет его.

Однажды рано утром почтальон идет,
Конвертик треугольный он матери несет.

Радостно сияло у матери лицо,
Радостно брала она от сына письмецо.

Конвертик распечатала, кричала только: «Ой!» —
Письмо было написано совсем другой рукой.

В письме было написано: «Ваш сын погиб в бою,
Он смело-бодро дрался за родину свою».

Товарищи, кончаю московочку вам петь,
Каково о сыне матери терпеть¹.

5—8. Частушки

По нашей земле счастливой
Самураям не ходить,
Их на море и на суше
Были, бьем и будем бить.

Черную курочку кормила,
Черная курочка не ест,
Наша школьная учеба
Никогда не надоест.

¹ Там же. Л. 22 об. — 1.

Говорят, я похудела,
И вы похудеете,
Поучите геометрию
И мне поверите.

Туча синя, туча синя,
Синя туча тучится,
От фашистов-сволочей
Все Европа мучится.

Конец. Больше ничего не знаю. Лебедева Галина¹.

9. Тоска по родине

Я иду не по нашей земле,
Просыпается хмурое утро,
Вспоминаешь ли ты обо мне,
Дорогая моя, златокудрая!

Предо мной чужие края,
Как у нас в голубом тумане
Серебрятся вдали тополя
Этим утром не <в меру ранним>.

Я тоскую по родне,
По родной стороне своей,
Я в далеком походе теперь,
На чужой стороне.

Я тоскую по русским полям,
Эту боль не унять мне без них,
И по серым любимыми глазам,
Как мне грустно без них.

Прохожу я теперь Бухарест,
Всюду слышу я речь неродную,
И от всех незнакомых мне мест
Я по родине больше тоскую.

Здесь идут проливные дожди,
Их мелодия с детства знакома,
Дорогая, любимая, жди,
Не отдай свое счастье другому.

¹ Там же. Л. 1 об.

Я тоскую по родне,
По родной стороне своей,
Я в далеком походе теперь,
На чужой стороне.

Я тоскую по русским полям,
Эту боль не унять мне без них,
И по серым любимыми глазам,
Как мне грустно без них¹.

10. Артиллеристы

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Идем на смертный бой за честь родной страны,
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах бог войны.

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет отчизна нас.
Из многих тысяч батарей —
За слезы наших матерей,
За нашу Родину: «Огонь, огонь»!

Узнай, родная мать, узнай, жена-подруга,
Узнай, далекий дом и вся моя семья,
Что бьет и жжет врага стальная наша выюга,
Что волю мы несем в родимые края.

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет отчизна нас.
Из многих тысяч батарей —
За слезы наших матерей,
За нашу Родину: «Огонь, огонь»!

Придет победы час, придет конец похода,
Но прежде чем придти к домам своим родным,
В честь нашего вождя, в честь нашего народа
Мы радостный салют в полночный час дадим².

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 6.

11. Огонек

На позицию девушка провожала бойца,
Темной ночью простились на ступеньках крыльца,
И пока за туманами видеть мог паренек,
На окошке, на девичьем, всё горел огонек.

Парня встретила славная фронтовая семья,
Всюду были товарищи, всюду были друзья,
Но знакомую улицу позабыть он не мог:
«Где ты, милая девушка, золотой огонек?»

И подруга далекая парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья никогда не умрет,
Всё, что было загадано, то исполнится в срок,
Не угаснет без времени золотой огонек.

И просторно, и радостно на душе у бойца,
От такого хорошего, от ее письма,
И врага ненавистного крепко бьет паренек,
За любимую Родину, за родной огонек¹.

12. Песня смелых

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.

С бандой фашистов сразиться
Сталин отважный зовет,
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней стрелковой роты
Вышли за Родину в бой.

Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход,
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

¹ Там же. Л. 6 — 6 об.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена,
Только отважным героям
Радость победы дана.

Смелый к победе стремится,
Смелым дорога вперед,
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Смелый дерется с врагами
Жизни своей не щадя,
Смелый проносит, как знамя,
Светлое имя вождя.

Смелыми Сталин гордится,
Смелого любит народ,
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет¹.

13. Только на фронте

Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне!

Нынче у нас передышка,
Завтра вернемся к боям,
Что же твоей песни не слышно,
Друг наш, походный баян?

После боя сердце просит
Музыки вдвойне!

Кто сказал, что сердце губит
Свой огонь в бою,
Воин всех вернее любит
Милую свою!

Только на фронте проверить
Лучше чувства свои,
Только на фронте измерить
Силу и крепость любви.

¹ Там же. Л. 6 об.

Воин всех вернее любит
Милую свою!

Кто придумал, что грубеют
На войне сердца?
Только здесь хранить умеют
Дружбу до конца.

В битве за друга всю душу
Смело положат друзья,
Ни расколоть, ни нарушить
Дружбы военной нельзя!

Только здесь хранить умеют
Дружбу до конца!

Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне!

Пой, наш певучий братишка,
Наш неразлучный баян!
Нынче у нас передышка,
Завтра вернемся к боям.

После боя сердце просит
Музыки вдвойне!¹

14. Моя любимая

Я уходил тогда в поход
В суровые края,
Рукой взмахнула у ворот
Моя любимая.

Второй стрелковый храбрый взвод
Теперь моя семья,
Привет, поклон тебе он шлет,
Моя любимая.

Чтоб все мечты мои сбылись
В походах и боях,

¹ Там же. Л. 10 — 10 об.

Издалеку мне улыбнись,
Моя любимая.

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя,
Так, значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая¹.

15. В прифронтовом лесу

С берез неслышен, невесом,
Слетает желтый лист,
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают жалобно басы,
И, словно в забыти,
Сидят и слушают бойцы,
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг.

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом.
И каждый слушал и мечтал
О чем-то дорогом.

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал: дорога к ней
Ведет через войну.

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светит в трудный час,

¹ Там же. Л. 10 об. — 11.

И коль придется в землю лечь,
Так это только раз.

Но пусть и смерть: в огне, в дыму —
Бойца не уstraшит,
И что положено кому,
Пусть каждый совершит.

Так что ж, друзья, коль наш черед,
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука.

Настал черед, пришла пора,
Идем, друзья, идем!
За всё, чем жили мы вчера,
За всё, что завтра ждем¹.

16. Под звездами балканскими

Где же, где ж вы, очи карие?
Где же ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай.

Много верст с победой пройдено
По земле и по воде,
Но Советской нашей Родины
Не забыли мы нигде.

И под звездами балканскими
Вспоминали неспроста —
Ярославские, рязанские
Да смоленские леса.

Вспоминали очи карие,
Тихий говор, звонкий смех,
Хороша страна Болгария,
А Россия — лучше всех².

¹ Там же. Л. 11 — 11 об.

² Там же. Л. 12.

17. Играй, мой баян

Далекая застава,
Где в зелени дом и скамья,
Где парень пел кудрявый,
Ту песню запомнил я.

Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою.

Таких, как наших песен,
Нигде я не слышал,
И девушек чудесней,
Нигде я не встречал.

Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою.

Но злая вражья стая,
Как туча, над нами взвилась,
Застава дорогая
За Родину в бой поднялась.

Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою¹.

18. Анюта

Был я ранен осколком снаряда
И во фляге замерзла вода,
Эту девушку в серой шинели
Не забыть ни за что никогда.

Был я ранен и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу,

¹ Там же. Л. 12 об.

Мои силы совсем истощались,
И не страшен я больше врагу.

Был я ранен, лежал без сознания,
Шел по-прежнему яростный бой,
И сестра боевая Анюта
Подползла, прошептала: «Живой».

И взвалила на девичьи плечи,
И во фляге замерзла вода,
Эту встречу, и тот зимний вечер
Не забыть ни за что никогда.

Был я ранен осколком снаряда,
И во фляге замерзла вода,
Эту девушку в серой шинели
Не забыть ни за что никогда¹.

19. Н. М. Матвеев «Отечественная война в устном частушечном творчестве колхозной деревни»

Народное творчество — показатель душ и чаяний народа, зеркало народной жизни, этот тот критерий, который показывает мораль народа и его отношение к социальному строю. По народному творчеству можно безошибочно судить о^б отношении народа к проходящим событиям. Особое место в устном народном творчестве занимает частушка, ибо она легко приспосабливается к быстро изменяющейся обстановке и всегда четко ее отражает.

Такое событие как война, несущее бедствие и несчастье народу, находит глубочайший отпечаток в сознании людей. Войны царской России, агрессивные и захватнические, породили массу фольклорно-песенного материала. Кому не известна прощальная песня новобранца?

Последний нынешний денечек,
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано <чуть светочек>
Заплачет вся моя семья... и т. д.

В массе устного творчества отображалось горе, тоска и <нрзбр.> крестьянства царской России.

Отечественная война с немецко-фашистскими мерзавцами нашла глубокое отображение в частушечном творчестве деревни. Частушки колхозной деревни едины по чувству и <структуре>. В них отображается морально-политическое единство колхозного крестьянства.

¹ Там же. Л. 23 об.

Красная армия — любимое детище советского народа, источник его забот и повседневного внимания, надежная защита от вражеского нашествия. Частушки молодежные — яркое свидетельство тому:

Дроличка — стрелок-радист,
Высоко летает,
Он границу СССР
Зорко охраняет.

Милый мой со мной прощался,
Дал мне клятву у крыльца,
В этой клятве обещался,
Бить фашиста до конца.

Милый в армию уехал,
Что я милому скажу?
Береги страну родную,
Как любимую свою.

В часы отдыха под звуки гармошки девушки в частушках рассказывают о своей любви к защитникам отчизны:

Не люби, подружка, море,
А люби-ка моряка,
Его синенькие ленточки
Видны издалека.

Мой забавочка в бою,
Просит карточку мою,
Защищай, любимый, родину —
Четыре подарю.

У меня забава — летчик,
А я его милочка,
Научуся — летать буду
За тебя кровиночка.

Теплота и забота сквозит в каждой частушке, посвященной раненым бойцам:

Я сестреночку просила
В беленькой косыночке:
Потихоньку положи
Танкиста на носилочки.

Свой батистовый платочек
Не буду подвязывать,
Отошлю бойцу на фронт
Раны перевязывать.

Дорогие девушки,
Не будьте гордоватые,
Любите раненых ребят,
Они не виноватые.

Частушки обличают виновников войны:

Германия, Германия,
Страна неверная,
Заключили с нами договор,
Напала первая.

Началась война
Из-за Гитлера,
Не победить ему
Народа хитрого.

Победы Красной армии породили отражение в ряде <нрзбр.> сатирических частушек:

Немцы шли на Русь святую,
Ставили <точку, запятую>,
А с Руси пришлось бежать,
Не могли штаны сдержать.

Гитлер думал о блиц-криге,
Псов пуская из ворот,
Псы сломали себе зубы,
Вышло всё наоборот.

На горе стоит «Катюша»,
Под горою автомат,
Не досталась фашистам
Ни Москва, ни Ленинград.

Отношение к немцам и их граб.<ящей> армии:

Наши заняли село,
Смотрят, что за чудо,
Бабка Марфа лупит фрица,
Колом больше <шута>¹.

Сидит Гитлер на заборе,
Плетет лапти котылом <!>,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком.

Каждый колхозник уверен, что народ и армия победит фашистских мерзавцев, расплата близка, и виновники грабежей, издевательств получают должное:

¹ Вероятно в значении «больше фрица». — *Прим. ред.*

Ты не вейся над строною,
Длиннохвостная змея,
Всё равно не покорится
Тебе русская земля.

Скоро Гитлера не будет,
Скоро Гитлеру капут,
Скоро русские машины
По Берлину побегут.

Самолет летит,
Ему опять лететь,
Скоро Гитлеру
На суке висеть¹.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В СОЧИНЕНИИ Т. О. СЕМЕНОВОЙ:
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А. М. СМЕРНОВА-КУТАЧЕСКОГО**

*Вступительная статья и
публикация А. А. Петрова*

В настоящее время кафедрой истории русской литературы ведется не только экспедиционная работа по сбору фольклора и этнографии Тверского края, но и проводятся различные архивные изыскания, направленные на изучение традиционной культуры региона. Тверскими фольклористами активно исследуется личный фонд в Государственном архиве Тверской области преподавателя Калининского педагогического института им. М. И. Калинина — А. М. Смирнова-Кутаческого. Например, Е. М. Белецкая частично используя материалы из этого фонда, составила хрестоматию по частушкам Великой Отечественной войны. Это издание интересно не только тем, что в нем воспроизведены ранее не публиковавшиеся тексты, но и тем, что в нем указаны имена собирателей тверского фольклора — студентов института². Эти сведения не только помогают описать историю тверской фольклористики 1930—1950-х гг., но и позволяют вести работу по описанию истории филологического (историко-филологического) факультета, которому в 2017 г. будет 100 лет. Благодаря тому, что в фонде Алексея Матвеевича сохранились студенческие работы по фольклору, мы узнаем имена учащихся этого периода, например, студентов первого курса 1946 г.: Т. Л. Новиковой, М. И. Соловьевой, З. И. Прокофьевой, Н. В. Турусовой³.

¹ ГАТО. Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 62. Л. 25 — 26.

² На Калининском на фронте: Частушки Великой Отечественной войны: Хрестоматия / Сост. Е. М. Белецкая. Тверь: ТвГУ, 2005. 64 с.

³ Там же. С. 43—56.

Сохранилось в архиве и сочинение студентки группы «Б» историко-филологического факультета Т. О. Семеновой «Частушка об Отечественной войне»¹. Сама работа разрознена в этом деле (л. 9—11 об., 8), что характерно для всего фонда А. М. Смирнова-Кутаческого. Ниже мы публикуем текст, сохраняя авторский стиль и делая незначительную пунктуационную правку.

П р и л о ж е н и е

Т. О. Семенова

Сочинение на тему «Частушка об Отечественной войне»

Вот уже четвертый год наш народ ведет освободительную войну с германским фашизмом. Поэтому война не могла не отразиться в частушках и песнях. Частушка очень быстро откликается на разнообразные темы современной жизни. Она легко приспосабливается к любой обстановке, легко запоминается и является ярким и четким отражением действительности.

Частушки — лирические песенки, близки по своему оформлению к литературному. Обычно они состоят из четырех строчек, реже — из шести.

Особенно много создал народ частушек о войне, в которых девушка говорит о тяжелой разлуке с милым и родными, о помощи тыла фронту, о любви к Родине:

Ой, какой бушует ветер,
Гнет березы на горе,
Тяжело было расстаться,
Тяжело, поверьте мне.

Милый в армию поехал,
Говорила я ему:
«Береги страну родную,
Как берег любовь мою».

Дорога подруга Галя,
Скоро в армию пойдем,
Вместо мальчика винтовочку
К груди своей прижмем.

Я девчонка боевая,
Запишуся на войну,
Буду раны перевязывать
Залеточке своему.

¹ Р. 2911. Оп. № 1. Ед. хр. 84. 12 л.

Задушевная подруга,
Скорый поезд отошел,
На защиту Сталинграда
Мой залеточка пошел.

Рою, рою под горою
Черную смородину,
Мой братишка и папаша
Защищают Родину.

Как бы не было войны,
Как бы Гитлер не на нас,
Не гуляли бы, девушки,
Без мальчиков сейчас.

Народ тыла поддерживает тесную связь с фронтом. Они с нетерпением ждут писем, которые для них дороги:

Получила письмецо,
Красноармейская печать,
Интересно распечатать
И весело читать.

Дорога подруга Галя,
Ты в германский бой идешь,
Перевяжи забавы раны
Моей лентой голубой.

Белую косыночку
Не буду я подвязывать,
Пошлю милому на фронт
Раны перевязывать.

В частушках ярко высмеивается Гитлер, его армия. Гитлер рассчитывал на молниеносную войну, но его попытка провалилась. Наша зима сильно подействовала:

Сидит Гитлер на заборе,
Плетет лапти костью,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком.

Фрицы думали, судача,
Жить в России, как на даче,
Что ж, мы многим дали «дачи»
С пулей меткою в придачу.

Гниль фашистская сообщила,
Что Москву уже взяла,

Но их Тула повернула,
Сама следом их пошла.

Бедный Геббельс унывает,
Нездоровится ему,
У мартышки слезы градом,
Подавился Сталинградом.

Фрицы врут, как чумовые,
Что порядки боевые,
Кто со страху, кто с тоски,
Кто с того, что взят в тиски!

Мразь немецкая решила
Нашу землю взять огнем,
Что ж, дадим по три аршина,
Кол осиновый забьем.

Что за птицы эти фрицы?
Всё бандиты да ворье!
Фрицы в лицах, фрицы в лицах,
Обозрение мое!

Хитрый Гитлер-<враг>
В своих сводках врать привык,
Наша армия за службу
Кол вобьет в его язык.

Елки колки, елки колки
За оврагами у нас,
Там фашисты съели волка
И взбесились тот же час.

Фрицы пели, фрицы пили,
Фрицы веселилися,
А как наши их побили,
Плакать научилися.

Немки, подлые, гадают,
Немки немцев ожидают,
И не надобно гадать,
Немкам немцев не видать.

В частушке отражается любовь и преданность к своей Родине, о том, что с родными расстались навечно, о возвращении инвалидов домой.

Эх, Германия, Германия,
В германском поле бой,
Там убит и похоронен
Мой братишка дорогой.

Когда Калинин-город брали,
Мой папаша был в бою,
Положил он буйну голову
За Родину свою.

Девушки, вы милые,
Не будьте гордоватые,
Любите раненых ребят,
Они не виноватые.

Любите раненых ребят
Они не виноватые,
Они не в драке, а в бою
Сгубили молодость свою.

Пулеметы за пригорочком
Стучат наперебой,
Фриц от той скороговорочки
Простился с головой.

Бейте фрицев, немчуру,
Фрицы к нам не ко двору,
Фрицы жадны до земли,
Фрицем землю завали.

Кровь немецкая течет,
Русскому штыку почет,
Слава, слава вечная,
Ему остроконечному.

<Здесь в рукописи оторван верх. — А. П>.

Наша Родина Гвардейская,
Мужайся и цвети,
Фрицам не на что надеяться,
От смерти не уйти.

«Видно, Гитлеру капут», —
Сказал дед без шутки, —
«Третью тысячу ведет
За вторые сутки».

Скоро Гитлера не будет,
Скоро Гитлеру капут,
Скоро русские машины
По Берлину побегут.

В частушке отражается окончательная расплата с вероломными извергами. Этот час с каждым днем приближается. Частушка об Отечественной войне надолго останется в устах нашего народа.

ЛЕКЦИЯ А. М. СМЕРНОВА-КУТАЧЕСКОГО «ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Вступительная статья и публикация А. И. Марьясовой

В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) в личном фонде преподавателя Калининского педагогического института А. М. Смирнова-Кутаческого¹ хранится машинописный текст «Песни Великой Отечественной войны»². Нумерация на верхних полях листов от 673 до 684 свидетельствует о том, что перед нами часть лекций Смирнова-Кутаческого, которые он читал в институте. Однако в настоящее время лекционный материал в архиве находится в разрозненном виде³, поэтому для истории тверской фольклористики важна его дальнейшая публикация.

В лекции Смирнов-Кутаческий использует полевые записи, в том числе студентов и других информантов (например, письмо счетовода Н. М. Матвеева из Козловского района)⁴. Как увидим, Алексей Матвеевич прекрасно знал описываемый материал, о чем свидетельствует упоминание двадцати вариантов песни «Катюша», несколько цитат из которых приводится в тексте лекции. Упоминание Сталина как героя ряда песен было характерно для научного дискурса этой эпохи⁵. А. М. Смирнов-Кутаческий иногда делал к текстам рукописные примечания — указывал авторов слов песни и музыки.

¹ Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 109—162; Лица филологов: Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 121—168. Также см.: А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. 320 с.

² Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 15. На 12 листах.

³ Ф. Р-2911. Оп. № 1. Ед. хр. 15. Листы с 13 по 17 в данной папке — это записи (наброски плана и мыслей) к лекциям Смирнова-Кутаческого. В этом же фонде (Р. 2911. Оп. № 1. Ед. хр. 41) хранятся рукописные «Конспекты лекций по устно-поэтическому творчеству эпохи Великой Отечественной войны с фашистской Германией (с приложением песен)» на 5 листах.

⁴ См. публикацию текстов Т. И. Пиценко в настоящем издании. Козловский район — в настоящее время с. Козлово Спировского р-на Тверской обл. — *Прим. ред.*

⁵ Ср., например: *Колтакова Н. П.* Книга о русском фольклоре: Пособ. для уч.-ся. Л.: Гос. уч.-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1948. 192 с.

Ниже мы публикуем лекцию, делая незначительную орфографическую и пунктуационную правку, исправляя опечатки машинописи. Также мы объединили некоторые абзацы, где это логично, так как у А. М. Смирнова-Кутаческого, видимо, из-за того, что лекция была набрана на печатной машинке, дается частая разбивка текста с нового абзаца.

П р и л о ж е н и е

Песни Великой Отечественной войны

И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за родную страну...¹

Подруга — песня!
Нет нигде на свете
Подруги лучшей, дорогой.

О песне Великой Отечественной войны должна быть написана большая книга: так велико обаяние, сила, моральное значение, сложная душевная реакция, выраженная в ней в дни этой тяжелой народной «страды». Ни один жанр не проявился в такой творческой мощи² в эпоху войны, как песня. Песня оправдала идею народного творчества, хлынувшего из потрясенной народной души мощным песенным потоком. Органический характер песни выразился в полноте, всеобщности, глубине песенного переживания.

Поразительный ее количественный рост. Отмежеванная от песен прошлого, до 22 июня, она открывается во множестве <живых> откликов по разным уголкам Советского Союза, живя всею полнокровной жизнью на фронте. И за четырехлетний период войны эта песня заполонила, отодвинула в прошлое, скрыла всё остальное песенное содержание. Ее тексты еще не собраны, не учтены, не исследованы их вариации (напр. <имер>, двадцать вариантов «Катюш»). Тем важнее это количество, что оно подтверждает давнее общественное признание о богатстве народного гения, исторически отраженного в тексте.

Не менее показательна качественная сторона песни военной эпохи. Песня обнаружилась с признаками, ранее обозначившимися и теперь ярче определившимися. Мы говорили выше о литературности песни в Советскую эпоху, о сближении ее с творчеством поэтов. Эти качества столь резко обозначились, что трудно говорить о персональной принадлежности и авторстве даже известных авторских песен; до того они вошли в массовое употребление. Причем это народное использование оказалось столь естественным, так близким переживаниям широких народных масс, что песня писателя неотличима от многих ста-

¹ Неточная цитата песни В. И. Лебедева-Кумача «Марш веселых ребят». — *Прим. ред.*

² Два слова зачеркнуты, дописано сверху неразборчиво. — А. М.

рых песен, авторство которых давно забыто. И если для старой песни важным стоял вопрос об ее авторстве, то для новой песни, идущей из писательских кругов, достоинство ее, народность определяются широтой ее распространения.

Кроме того, песня более простая, не принадлежащая квалифицированной писательской среде (напр. <имер>, «Андре»), в свою очередь, поднимается до литературности оформления. В этом смысле песни Великой Отечественной войны продвигают песенное творчество на новую ступень его развития, идейной и эстетической ценности.

Нельзя не упомянуть здесь и о музыкальном выражении песни этой эпохи. Имея опору в старой традиционной музыкальности, проходя обработку, выступая в специальной музыке, песня подымается на уровень лучших музыкальных произведений, какими славились произведения в обработке знаменитых композиторов, от Глинки до наших дней.

В конкретном рассмотрении песен Великой Отечественной войны обнаруживаются следующие черты. Первый вопрос здесь — о песне на фронте. Им заинтересована сама песня, <со> своим правом быть среди кровавой трагедии войны. Она на него и отвечает:

Кто сказал, что петь не надо
Песен на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне...

И действительно, песня была неизменной спутницей бойца, верной его подругой. Она шла с ним на приступ, в атаку, воспевала любимых полководцев, героев, остроумно издевалась над врагом, славila героическую храбрость, мужество, отвагу, гремела торжеством в дни победы, когда суровый воин, опаленный огнем войны, возвращался с поля боя. И в минуты отдыха песня успокаивала встревоженные души, освещая их человеческими переживаниями:

Нынче — у нас передышка,
Завтра вернемся к боям,
Что же тебя мне не слышно,
Друг мой, походный баян?

Так устанавливается принципиальное значение фронтовой песни.

Песня задумывается о начале войны, о первой встрече с врагом, о тех, кто принял на себя всю тяжесть коварно напавшего врага. Песня «Грустные ивы» — песня об обреченном:

Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывет над водой,
Там, на заставе, стоял на посту
Ночью боец молодой.

Черные тени в тумане росли,
Туча на небе темна,
Первый заряд разорвался вдали, —
Так началась война.

Трудно держаться бойцу одному,
Трудно атаку отбить,
Вот и пришлось на свете ему
Голову честно сложить...¹

С великим сочувствием песня останавливается на героях-жертвах. Она рассказывает о Гастелло, о Лизе Чайкиной, о Зое Космодемьянской. С фотографическою подробностью она передает последние трагические минуты героини:

«Нас не сломить», — слышали крестьяне,
А дальше петля крик оборвала,
И сила слов родной любимой Тани
Слезу страданий с гневных лиц сняла.

Вот моряк в «Песне моряка» рассказывает товарищам о причинах своей грусти:

...Незримую рану я в сердце ношу,
Кровавую, жгучую рану...

Ее увели на позор и на стыд,
Скрутили ей нежные руки...
«Отец ее ранен, братишка убит», —
Так мне написали подруги...

И он зовет друзей к мести. А вот песня уведенной в плен девушки:

Напрасно старушка ждет дочку домой,
Ей скажут — она зарыдает,
А дочь далеко уж у немцев в плену,
Рыдая, окопы копает.

Ох, милая мама, родная моя,
Как тяжело мне плен отбывать,
Кругом все чужие и <чуждое> всё,
И ласки твоей не видать...

И она мечтает:

Вот кончатся эти мученья,
С этим лагерем я распрощусь,
И в холодном товарном вагоне
Я к тебе, моя мама, вернусь.

Песня — отдых, реакция, освобождение от трагических переживаний, переклечение психики в иную область. И, вместе с тем, осмысление происходящего. В этом отношении исключительную роль сыграла песня В. И. Лебедева-Кумача в музыкальной обработке А. В. Александрова «Священная война». Ее припев:

¹ Последнее четверостишие зачеркнуто. Дописано: «Слова А. Жарова; муз.<ыка> М. Блантера». — А. М.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

открывает всё величие переживаемых событий — стихийное движение масс, поднявшихся на защиту Родины и своих лучших идеалов. Песня рисует богатырский образ, потрясенный до глубочайших основ великой страны:

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Связывая события с далеким прошлым, когда предки прибегали к вере в борьбе за отечество, поэт славит «священный» подвиг народа, утверждаемый торжественностью музыкального мотива.

Со всей силой зазвучала в песне тема о Родине. Далекая, когда бои шли в чужой стране, она стала особенно ощутимой и близкой.

Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою.

Она¹ несравненною стала среди всех этих чужих впечатлений:

Проезжал я Бухарест,
Всюду слышу речь неродную,
И от тех незнакомых мне мест
Я по Родине больше тоскую.

Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

И основная патриотическая доминанта:

Мы версты в походах пройдем
По земле и по воде,
Но советской нашей родины
Не забудем мы нигде.

Естественно, этот патриотический лозунг «Родина» сливается с личностью и гением вождя, давшего направление народным силам и приведшего к победе. Песня рассказывает:

Величали мы сокола,
Что всех выше летает,
Чья могучая сила
Всех врагов побеждает.

¹ Дописано: «Родина». — А. М.

Величали мы сокола,
Друга лучшего нашего,
Величали мы Сталина —
Всенародного Маршала.

И как следствие этого признания:
Мы на подвиг любой
Все пойдем за тобой,
Наше знамя победы —
Наш Сталин.

Над советской землей
Свет не сменится тьмой,
Наше знамя победы —
Наш Сталин.

И не даром:
О Сталине мудром,
Родном и любимом,
Прекрасные песни
Слагает народ¹.

Все эти песни о Родине, о Сталине имеют одну задачу — подъем героических сил воинов, одушевление их, вызов на подвиг. «Песня смелых» зовет на преодоление страха смерти:

Смелый к победе стремится,
Смелый дерзает «вперед»,
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

И о себе самой:
Песня, крылатая птица,
Смелых скликает в поход.

И песня рисует этот развороченный улей. Одна славит дружбу, мужество, упорную волю к победе.

Дрались по-геройски, по-русски
Два друга в пехоте морской:
Один паренек был калужский,
Другой паренек — костромской.

Но вот от осколка снаряда
Упал паренек костромской:
«Со мной возиться не надо», —
Промолвил он другу с тоской.

«Я знаю, что больше не встану,
В глазах непробудная тьма...» —

¹ Дописано: «Слова М. Инюшкин». — А. М.

«О смерти задумался рано,
Ходи веселей, Кострома».

И бережно поднял он друга,
Но сам застонал и упал:
«А ну-ка, дай жизни, Калуга», —
Товарищ чуть слышно сказал.

Теряя сознание от боли,
Себя подбодряли дружки,
И тихо по снежному полю
К своим доползли моряки.

Все воинские части, все роды оружия имеют свои любимые песни, которые стали всенародными. Вот любимец — герой-пулеметчик:

Крепко связаны дружбою старой,
Принимали грозные дни
Неразлучною дружною парой
Оба тезки — Максимы мои...

Очень точно наводит наводчик:
«Так, так, так!» — говорил пулеметчик,
А «максим», словно молния бьет:
«Так, так, так!» — говорит пулемет.

С такой же любовью славится «Боевая артиллерийская» сила:

Артиллеристы! Сталин дал приказ,
Артиллеристы, зовет Отчизна нас,
Из тысяч грозных батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину: «Огонь, огонь!»¹

Большой темой, вызвавшей много чувств, памятных² образов и светлых воспоминаний, явились «сестра» и «девушка-фронтовичка». Хорошо известен этот славный героический подвиг русской женщины. С особой любовью говорит о ней песня:

Помню день последнего привала,
Не забыть мне памятного дня:
Руку мне тогда забинтовала
Славная военная сестра³.

Теплотой и лаской окружила,
Подняла ресницы ясных глаз,

¹ Дописано: «Слова В. М. Гусев; муз. <ыка> Т. Н. Хренников». — А. М.

² Зачеркнуто. Исправлено на «живых». — А. М.

³ Карандашом написано: «Вар.<иант>: Помню дым походного привала / <Сто> бойцов у яркого костра...». — А. М.

Мне о доме что-то говорила,
Чтобы боль немного унялась¹.

Сердце билось весело и скоро
Этой темной ночью у костра,
Показалась мне она сestroю,
Но сестры ведь нету у меня.²

Ею увлечены и также благодарны «оба Пети», о которых поет песня:

И опять товарищи на фронте,
Шли они в атаку поутру,
Оба молодые, оба Пети,
Часто вспоминали медсестру...

Песня расскажет при этом о драматических встречах то с умирающим от ран братом, то с любимым человеком.

Песня «Две подруги» рассказывает о боевой жизни девушек-фронтовичек:

Пришли на досуге
Погреться у костра
Две девушки-подруги:
Связистка и сестра.

Не раз девчата эти
Бывали под огнем,
Ходили в снег и ветер,
Под зноем и дождем.

А нынче на привале,
Присев у огонька,
Тихонько напевали
Про милого дружка.

Песня «о партизанах», естественно, стала одной из популярных песен военного времени. Партизанские песни и в старое время, в эпохи Первой мировой войны и Гражданской войны, выделялись своим особым содержанием и чувствами. В Великую Отечественную войну они воскресли с новой силой. Широта партизанского движения, к которому призывал в известном выступлении т.<оварищ> Сталин, его всенародность, самобытность вызвали множество откликов.

Нас приютили чинары густые,
Нас темный лес спасает от врага...

явно кавказского происхождения песня.

¹ Дописано: «Подняла ресницы синих глаз, / Мне <одному> что-то говорила, / Чтобы боль немного улеглась». — А. М.

² Дописано: «Но сестры-то нету у меня». — А. М.

Что грустишь ты, Оля-партизанка,
Или Киев вспомнился тебе?..

из украинских мотивов.

Мощное партизанское движение Белоруссии имеет свои песни:

Партизаны, на бой веселее
За любимую мать Беларусь.
Нам на помощь идет,
Свое войско ведет
Наш могучий Советский Союз.

Северными туманами, скрывавшими бойцов-партизан от врага, веет от популярной песни Исаковского:

Ой, туманы ль мои, растуманы!
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага¹.

Песня повествует о героических делах партизан, об условиях их быта и борьбы, о характерах, закаленных боями, и живительной силе песни, спутницы их трудовой жизни:

Партизаны, партизаны,
Русской славы гордые орлы!
Партизаны, партизаны,
Свято родине верны.

Сброшен поезд на дороге,
Вражий след огнем обьят,
И в надежде, и тревоге
В деревнях окрестных говорят...

И в бою мы в полный голос
Про победу песню пропоём...

Замечателен следующий эпизод из партизанской жизни. Во время боев под Новороссийском сложена песня «О, Днепро, Днепро». Черноморский десант, брошенный на остров «Малая земля», был разбит. Немногим удалось вернуться на побережье. И те немногие изнуренные, голодные, они валились с ног, но нужно было идти в бой. Вдруг на поляне раздалась песня. Ее пели бойцы другого подразделения. Далеко разносились слова:

Враг напал на нас,
Мы с Днепра ушли,
Грозный бой гремит, как гроза.

О, Днепро, Днепро,
Ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза.

¹ Дописано: «М. Исаковский». — А. М.

Из твоих стремнин
Ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой.

Вот последний час,
Мы пойдем вперед
И увидимся мы с тобой.

Давно не были мокрыми глаза бойцов, но тут слезы катились по лицам.
Песня звала, волокла вперед, в бой, и они шли...

Новой большой темой в песнях выросли города-герои. Варварские полчища, устремившиеся с жаждой грабежа, разбивались о народные твердыни. Москва, Сталинград, Ленинград стали символами народного героизма, мужества, наследием и вместе — показателем исторической доблести русского народа. Москва свято чтит память ее защитников, павших смертью героев на ее подступах:

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в веках будут жить двадцать восемь
Самых лучших твоих сынов.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!¹

И последний лирический аккорд песни кропит ее глубокое содержание.

К богатствам, надземным и подземным, рвались вражеские силы. Песня рисует, какой богатырской преградой стал для них Сталинград:

Но у волжских дверей,
Отбивая зверей,
Грозно стал богатырь-Сталинград.

Окружен ореолом мировой славы Ленинград:

Слава о доблести его
На весь мир гремит.

и он внушает лирически любовные слова:

Там под вечер тихо плещет
Невская волна,
Ленинград мой, милый брат мой,
Родина моя!²

Так всё полно в песне героического величия, беззаветной любви к родине, мужественного несения тяжелого долга и сознания громадного значения переживаемых событий.

¹ Дописано: «Слов.<а> С. Агранян и М. Лисянский; муз.<ыка> И. Дунаевский». — А. М.

² Дописано: «Слов.<а> Н. П. Шубин; муз.<ыка> А. Я. Лепинь». — А. М.

Но как не замыкалась мысль бойца кругом военной жизни, она не могла заглушить в нем жизнь сердца, память о любимой. Даже больше. Песня подчеркивает особенную глубину и задушевность чувств, вызванных фронтовой жизнью:

Только на фронте проверишь
Лучшие чувства свои,
Только на фронте измеришь
Силу и крепость любви!

Воин всех вернее любит
Милую свою!

Мысль о любимой согревает душу бойца, дает душевный отдых, разрядку чувств. В песне «В прифронтовом лесу» игра старинного вальса «Осенний сон» погружает бойца в мир дорогих воспоминаний.

Вздыхали жалобой басы /баяна/,
И, словно в забытии,
Сидят и слушают бойцы,
Товарищи мои.

И каждый думал о своем,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну.

Поэтому песни о любимой отличаются особенной задушевностью и нежностью. Интимность переживаемых настроений оставляет след на самой песне:

Я уходил тогда в поход
В далекие края,
Платком махнула у ворот
Моя любимая.

Второй стрелковый храбрый полк
Теперь моя семья,
Поклон тебе, привет он шлет,
Моя любимая.

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя,
Так, значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая¹.

В том же аспекте любви и возвышенной идеологии — близкая к романсу «Черные ресницы, черные глаза»:

Ты стояла молча долго на вокзале,

¹ Дописано: «Слов.<а> Е. Долматовского; муз.<ыка> М. Блантер». — А. М.

На глазах нависла крупная слеза,
Видно, в путь далекий друга провожала,
Черные ресницы, черные глаза.

Вот умчался поезд, рельсы отзвучали,
Милый дуг уехал, может, навсегда,
И с такой <нежностью> вслед его глядели
Черные ресницы, черные глаза.

Он прошел недаром школу боевую,
<Метко поражает> он хитрого врага,
Но не забывает девушку родную,
Черные ресницы, черные глаза.

Редко пишет письма, но зато в газетах
Очень часто пишут о его делах,
О таких читают, радостно блистая,
Черные ресницы, черные глаза.

Ястреб краснокрылый смело вылетает,
Страшен он фашистам, как гроза,
О таком в народе говорят с любовью,
Черные ресницы, черные глаза.

Песня переключается на условные символы, в которых сосредотачиваются чувства. Сама мелодия песни делает их особо выразительными. То это «золотой огонек»:

И подруга далекая парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья никогда не умрет...
Всё, что было загадано, то исполнится в срок, —
Не угаснет без времени золотой огонек.

То это «платок голубой»:

...И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой...

Вместе с лирическим мотивом «Прощай, любимый город, уходим завтра в море» этот символ приобретает особую выразительность. Хорошо отражают эту тайную интимную жизнь слова песни «В землянке»:

Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

/Но последний образ из старой частушки: «Матушка родимая, свеча неугасимая/.

Но любовь не может заслонить основного. Напротив, она переплетается с ним и вызывает такие слова песни:

Будь храбрый, будь смелый в жестоком бою,

За русскую землю сражайся!
И помни дорогую невесту свою,
И к ней поскорей возвращайся.

В таком же роде ставшее популярной народной песней стихотворение Исаковского «Прощание», или «Играй, играй, рассказывай, тальяночка моя». К такому же типу песен, где личное теплое чувство сливается с требованием великого долга песни «Материнский наказ» и др. <угие> подобные:

Провожала мать сыночка,
Крепко, крепко обняла,
Не отерла глаз платочком,
Горьких слез не пролила.

«Горевать мне нет причины:
Я не труса родила.
Отправляйся, сын орлиный,
На великие дела!»

Провожала сына мать
На святое дело:
По-геройски защищать
Родину велела.

Я наказ тебе даю:
На <полях отчизны>
Послужи, сынок, в бою
Матери-отчизне!¹

Исключительную роль в этом песенном обмене тыла и фронта получила песня «Расцветали яблони и груши» с героиней «Катюшей». Песенное имя Катюши («По всей деревне Катенька...», «Да трудненько Катеринушке...») стало особо привлекательным. Песня вызвала много откликов, получив ряд преобразований. Колхозница-Катюша стала фронтовичкой, сестрой, партизанкой:

А теперь Катюша пишет другу:
«Не хочу на берег, где туман,
Темной ночью, взяв винтовку в руку,
Я ушла с отрядом партизан».

А вот ей ответ с фронта:

Расцветало утро голубое,
Под окном покошена трава,
И поет боец на поле боя
Про Катюшу новые слова.

И новый мотив:

Расцветали яблони и груши,
К ним склонился синий горизонт,
И с завода двигалась «Катюша»

¹ Последние два четверостишия дописаны чернилами. — А. М.

По асфальту гладкому на фронт.

Изложенное о песне Великой Отечественной войны обнаруживает некоторые характерные в ней особенности. В отличие от старой солдатской песни, она не знает ни традиционных мотивов, ни пессимистических, ни взвинченных ура-патриотических. То было обусловлено историческим бытом, положением народа, жизнью и судьбою солдата. Для современных песен война — иная реальная основа. Рожденные творчеством народа социалистического государства, они проникнуты чувством бодрости, энергии и силы, уверенности в правде и победе. Оттого их ясное настроение. Даже невольной окрашенности в грустный тон старой партизанской песни «По долинам и по взгорьям» не знает современная песня. Господствующий ее тон — лирическое раздумье, та тихая, задушевная элегия, которая звучит в песнях «Любимый город» или «Моя любимая».

Другое качество песен Великой Отечественной войны — утрата в них того, что составляло в старое время содержание «исторической песни». События минувшего времени, сгущенные в каком-либо определенном историческом впечатлении, давали в старину содержание т.<ак> н.<азываемой> «исторической песни». Казалось бы, такая великая историческая эпоха, как Отечественная война, должна оставить свой след в подобных же песенных откликах. В действительности — их нет. Творчество демократизовалось. События растворились во множестве впечатлений множества людей, давших свои оттенки песне. В свое время Л. Толстой связал «войну и мир». В современных событиях, когда война бессильна без помощи тыла, когда общими усилиями фронта и тыла достигнута победа, песня, по справедливости, — исторический всенародный документ переживаемой эпохи.

Третье качество песен военной эпохи — это богатство их душевного содержания. В творчестве ли народных низов или квалифицированных поэтов, освоенных народом, культурная жизнь в песне сделала большой шаг вперед. Какое богатство несет в себе песня. Родина, величие вождя, героика, братство, «любимая», подвиг, ненависть к врагу, сестра, верность долгу — всё это полно глубокого воспитывающего значения. Война отошла и всё больше будет отходить в область прошлого, но память о ней, в живом непосредственном чувстве ее, долго будет жить, воспитывая поколения, в словах и мелодиях песен того времени.

В заключение приведу отрывок из воспоминаний участника боев под Сталинградом: «Труден путь пехотинца. Иногда приходилось делать большие переходы. К концу пути устают бойцы, и тогда на помощь приходит боевая походная песня. Запевала выводит песню, всё подразделение дружно подхватывает припев¹. Подтягивается колонна бойцов, равнение в рядах отчетливее, тверже шаг. Песня нарастает, и всё подразделение как единое, целое, монолитное. Как бы человек-титан.

Песня имела большое воспитательное значение. Она воспитывала в нас чувства патриотизма, беспредельной любви к Родине, ненависть к врагу, звала к победе.

¹ Последнее слово зачеркнуто. — А. М.

Под звуки песен мы ходили в бой. Я никогда не забуду одного боя под Сталинградом. Стояло ясное морозное декабрьское утро. Подразделение двинулось в наступление на мощный опорный пункт противника, который вел сильный огонь, преграждавший наше продвижение. И вдруг сзади цепей пехоты через мощные усилители грянули звуки¹ “Твардейского марша”. Они произвели на бойцов неповторимое <впечатление>. Все, как один, поднялись без всякого приказа, бросились стремительно на врага, несмотря на шквальный огонь. “Твардия! За Родину! За Сталина!”, — было подхвачено сотнями людей, неудержимо бежавших к линии обороны противника. В течение короткого времени две линии траншей были прорваны, а их защитники были смяты этой грозной лавиной, влекомой звуками гимна, возбуждавшими в людях чувство сверхчеловеческой ярости и презрения к смерти. Этого нельзя описать, хотя это никогда не изгладится в памяти» (А. Н. Шилов).

ПИСЬМА С ФРОНТА: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ пгт. СПИРОВО

*Вступительная заметка и
подготовка текстов А. А. Колесника, А. И. Сербай*

В данной публикации представлены письма с фронта, которые хранятся в краеведческом музее пгт. Спирово Тверской области². Написаны они Иваном Григорьевичем Степановым и хранятся в папке № 20(б)—9. В ней, кроме писем, находятся также фотокарточки, рисунок-портер Степанова, наградной лист и членский билет профессионального союза работников печати. Из вырезки, которая находится здесь же, — статьи Л. Саева «Письма с фронта» из газеты «Коммунистическая стройка», в которой цитируются письма Ивана Григорьевича³, становится известным, что спировец Степанов родился в 1924 г., а в годы Великой Отечественной войны он был отправлен вместе с директором местной типографии Михайловым на фронт. Погиб И. Г. Степанов 2 января 1943 г.

*И. Г. Степанов.
Рисунок 10.12.1942 г.*

Из фондов краеведческого музея пгт. Спирово

¹ Последнее слово зачеркнуто. — А. М.

² Выражаем сердечную благодарность Николаю Александровичу Шубину за предоставленный материал и возможность его опубликовать.

³ Саев Л. Письма с фронта // Коммунистическая стройка. 1970. 4 апреля № 41 (4934). С. 2.

14 июня 1941 г.

Привет из Армии!

Добрый день! Здравствуйте, дорогие родные. Шлю я вам свой горячий привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни. Письмо я ваше получил, за которое вас очень благодарю. Я очень рад, что у вас дома всё в порядке. Сообщаю о себе: живу хорошо, стоим в лесу, кормят хорошо. Все живы и здоровы. Михайлов работает тут же. Послал письмо дяде Ване в Л<енин>град. Ответа еще не получал. Письма из Москвы получаю часто. Ну вот и все о себе. Мама, посылаю тебе справку о том, что я нахожусь в Красной армии. Пишите, как вы поживаете. Привет всем.

С приветом, Ваня.

4 декабря 1941 г.

Привет с фронта!

Добрый день! Здравствуйте, дорогие родные: мама, папа, братья Юрочка, Шурик и Ленечка. Шлю я вам свой боевой привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни. Сообщаю вам, что в настоящее время нахожусь там же. Живу пока так себе, работы много, очень часто приходится не спать по двое суток, двое набираем и печатаем дивизионную газету. Работа не ладится, машины собраны плохо. Не хватает частей, шрифт плохой. Ну, ничего не поделаешь, как-нибудь. Нахожусь я в одной деревне Л<енин>градской области, за городом Валдаем. Типография находится в маленькой избе, так что работать очень неудобно: тесно, да и приходится применять другие способы работы (не слишком для меня приятные). Кормят пока ничего, как дальше будет — не знаю. Так что не очень уж здесь хорошо. Мама, почему вы не пишете мне письма, я очень беспокоюсь, да и скучновато. Я посылаю вам второе письмо, не считая ту открытку, которую вам написал политрук. Пишите, как вы там живете, как ваше здоровье, как живут родные и знакомые. Напишите о голубях, а то они мне в первые ночи все снились, где они сейчас. Пишите, жду ответа с нетерпением. Передавайте привет Марии Федоровне и Ларисе, Аркахе и скажите ему, хорошо, что он не поехал, а то, поди, и замерз бы дорогой, да и тут не было бы сладко. Передайте привет дедушке, бабушке, Толе, Леле, Мише.

21 апреля 1942 г.

Привет из Армии!

Добрый день! Здравствуйте, дорогие родные. Шлю я вам свой горячий привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Пишу вам о себе. Живу пока ничего. Газету выпускаем через день! Сейчас у нас 4 наборщика и я пятый — печатник. Михайлов — наборщик. Работа идет ничего. Неважно обстоит дело с продуктами из-за подвоза. Временно сейчас получаем 350 гр. хлеба. Пишите, как вы живете. Где Борис Ширяев и все остальные? Ну вот и все.

Привет всем, всем.
Остаюсь жив и здоров. Ваня.
Мой адрес тот же:
ППС-791. Политотдел. Редакция.
Жду от вас ответа.

21 июня 1942 г.

Привет из Армии!

Добрый день! Здравствуйте, дорогие родные. Письмо я ваше получил, за которое вас благодарю. Очень рад за то, что у вас дома всё в порядке. Я живу на старом месте — в лесу. Живу хорошо. Кормят хорошо, три раза в день. Утром — суп и чай, в обед — суп и каша, вечером — каша и чай. Часто к этому дают еще селедки или колбасу. Так что обо мне не беспокойтесь. Выпускаем двухполоску через день. День гуляешь, день работаешь. Я работаю печатником, Михайлов — наборщиком. В общем, живем неплохо. Мама, я посылал тебе справку, не знаю, получила ты ее или нет. От дяди Вали из Л<енин>града писем не поступало. Из Москвы письма получаю часто. Они пишут, что у них всё в порядке, чему я очень рад. У нас сейчас новый редактор, старого взяли в армейскую. Коллектив наш состоит из 10 человек, так что с работой справляемся быстро. Ну, вот и всё о себе. Пишите, работает ли типография, а то ведь, <как мне> известно, у Вас взяли последнюю машину, за что, наверно, нас с Михайловым рабочие проклинают. Привет им всем от нас. Пишите, как живет бабушка с бабушкой. Что известно о Борисе Ширяеве? Ну вот и всё. Привет всем от меня и от Михайлова.

Ваш сын Ваня!

2 сентября 1942 г.

Привет с юга!

Добрый день! Здравствуйте, дорогие родные. Шлю я вам свой горячий привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни. Сообщаю вам, что я жив и здоров. Простите, что долго вам не давал ответа. Может быть, вам и известно о том, что я числа 18 или 19 августа проезжал через Спирово, но зайти домой не было возможности — стояли всего 15 минут. Я передал одному парнишке записку, не знаю, передал он вам ее или нет. Сейчас, дорогие родные, я нахожусь там, где проходят ожесточенные бои с немчурой.

Мама, прошу тебя обо мне больно не беспокоиться. Не убивай себя зря. Береги свое здоровье. Поскольку мне <не>известно, 2-й год в армии. Напиши-те, у вас тоже или нет.

Ну вот и всё, что я хотел вам написать. Привет всем и всем.

Мой адрес тот же:

Д<ействующая> К<расная> А<рмия>, 791 ППС, политотдел, редакция.
И. Г. Степанову.

Пока. До свидания.

25 сентября 1942 г.

Привет из Красной армии!

Добрый день! Здравствуйте, дорогие родные. Шлю я вам свой горячий привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни. Получил я от вас два письма, за которые вас очень и очень благодарю.

Сообщаю вам, что я жив и здоров. Доехал благополучно. Нахожусь в Приволжских степях, защищаю Сталинград. Живем в глубоком овраге. Климат здесь такой: днем жарко, ночью холодно. Куда ни поглядишь — кругом степь. Кормят ничего. В общем, живем неплохо. Прошу только вас, дорогие мои, обо мне не беспокоиться.

Доехал я благополучно. В дороге находился 13 дней. Кормили хорошо.

Получил письмо от Бориса Ширяева. Из Москвы тоже получаю. Напишите, что было Аркашке и за что. Привет дедушке с бабушкой, тете Вале, дяде Володе, Леле, Мише, тете Лене, Поле, Шуре, Лизе, Жене, тете Марусе, Павлу Петровичу, маленьким <Кольке>, Юре, Гале и всем-всем моим друзьям и знакомым.

Остаюсь жив и здоров. Ваня.

Мой адрес тот же:

791-ая ППС, редакция газеты «Красный воин».

Хочу вам сказать, что, когда ехал, видел дядю Володю около моста, несколько раз ему крикнул, но он не слышал. Но ничего... Пока. До свидания.

2 апреля 1943 г.

Здравствуйте, уважаемая мамаша!

Прежде всего, я очень извиняюсь, что так называю Вас, но не знаю я ни Вашего имени, ни отчества. Получил я Ваше письмо второе и спешу с ответом. Да, я должен подтвердить печальную для Вас весть, что Ваш Ваня погиб.

Дело было так: стали мы в селе Панышино, как и указывали Вам в извещении, 2 января этого года. Налетел фриц и начал бомбить. Ваш Ваня был ранен, прямо в висок, и отправили мы его в наш медсанбат, где он прожил только 20 минут. Смерть его для всех нас была очень тяжелой утратой, ибо его любили все очень, вплоть до высшего начальства. Он был представлен к правительственной награде, и уже приказ о награждении был подписан, так он, бедненький, не успел получить своей награды.

Мы сами сделали гроб ему, выкопали отдельную могилку и похоронили со всеми воинскими почестями.

Посылоч Ваня получил только одну, первую, в которой посылали клей, а больше не было.

Если хотите знать точный адрес, где похоронен, я сообщу Вам в следующем письме. Не грустите, маменька, за Ванину смерть мы проклятым немцам здорово отомстили под Сталинградом, но мстить еще, до конца войны.

С красноармейским приветом, Свириденко.

Наш новый адрес такой: полевая почта 71 736, Свириденко Игорь Иванович.

ФОЛЬКЛОР ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ПЕСНИ И ЧАСТУШКИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ИЗ КАШИНСКОГО РАЙОНА: ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ АРХИВОВ

*Вступительная статья и публикация
Ю. С. Заострожной*

В настоящей публикации представлены тексты из личного фонда В. Г. Шоминой, находящиеся в Государственном архиве Тверской области (ГАТО). Среди документов тверского фольклориста были обнаружены материалы экспедиции, записанные студентами Калининского государственного университета в Кашинском районе Калининской (Тверской) области в июле 1974 г.¹ Это не единственный выезд Валентины Георгиевны в этот район. Так, были еще поездки в июле 1971 г. — «по следам» В. И. Симакова, в результате чего обследованы деревни, в которых в свое время делал записи и сам Василий Иванович. Экспедиция показала, что местный фольклор не статичен, тексты меняются, поэтому их необходимо фиксировать. Поездки за фольклорными материалами были проведены в 1972 и 1977 г.²

Итак, ниже в Приложении представлены частушки под номером 1—3, которые записаны от Пелагеи Леонтьевны Храбровой, 62 лет. Информант на момент записи проживал в с. Покровском. Как сказано в комментариях собирателя, П. Л. Храброва частушки исполняет «весело, с задором. Уроженка д. Юрчаково. В Покровском живет с 1959 г.» Также «Пелагея Леонтьевна в своем селе считается самой веселой женщиной. Без нее не обходится ни одна свадьба, ни один праздник. Но годы берут свое, сейчас она поет меньше. Пелагея Леонтьевна живет с внучкой, которой 5 лет. Родители девочки погибли при пожаре. Пережив большое горе, женщина не унывает. Поет частушки с увлечением»³.

Следующий текст (номер 4) записан от Анны Петровны Хохловой, 82 лет, которая проживала в д. Чагино. Как сообщается, «до пенсии работала в колхозе. Песни исполняет медленно, задушевно. В основном любит песни и помнит их лучше, чем другие фольклорные жанры. Грамотная»⁴.

¹ Предварительные замечания о фонде см.: Кашинский свадебный обряд по материалам личного фонда В. Г. Шоминой в ГАТО. *Вступит. ст. и публ. Ю. С. Заострожной* // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924—1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская; сост. Л. М. Концедайло, М. Л. Логунов, С. В. Моряков, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. С. 55—70.

² Шомина В. Г. Традиционный фольклор Кашинского района // В. И. Симаков и народное творчество. Калинин: КГУ, 1987. С. 33.

³ ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. № 1. Ед. хр. 24. Л. 13 об., 4.

⁴ Там же. Л. 98.

Текст под номером 5 записан в д. Старово от Прасковьи Михайловны Брянцевой, 1905 г. р., «малограмотной, жизнерадостной, боевой»¹, а следующими 6—9 идут частушки, зафиксированные от Марии Григорьевны Бороздиной, 1913 г. р., уроженки д. Малиновка Кашинского района. Запись же была сделана в д. Алексеевское. «“В школу я ходила одну зиму, на счет-то была способная, а читала плохо”. Очень добрая, веселая, знает много частушек», — так охарактеризовали собиратели этого информанта².

Текст под номером 10 записан от Татьяны Дмитриевны Воронцовой, 70 лет, которая родилась и проживала в д. Корытково, «пенсионерки, неграмотной, спокойной, очень гостеприимной»³, а номер 11 — от Марии Ивановны Сундуковой, 49 лет. Мария Ивановна родилась и выросла в д. Зеленцино и является «грамотной. Частушек знает очень много, легко импровизирует, поет весело и с увлечением»⁴.

Далее идут песни (тексты под номерами 12—18) из песенника, который находится в коллекции краеведа А. А. Петрова. Тетрадь принадлежала Елизавете Петровне Беловой (Калининой), 1928 г. р., и подарена собирателю во время экспедиции 2013 г. в г. Кашин Тверской области. Записи велись в 1940—1950-е гг.⁵

П р и л о ж е н и е

1. Частушки

На войну милый уехал,
Я в окошко глянула,
И с тех пор моя любовь
Засохла и завянула.

2. Разнесчастная война,
Что же ты наделала?
Меня, семейную бабенку,
Сиротою сделала.

3. Эх, война, война,
Не для всех же ты равна:

¹ Там же. Л. 203.

² ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. № 1. Ед. хр. 23. Л. 120.

³ Там же. Л. 138.

⁴ Там же. Л. 191.

⁵ Об экспедиции см., например: *Петров А. А.* Фольклорно-этнографические рукописные материалы в краеведческом музее г. Кашина Тверской области // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. № 19. Вып. 4. С. 233—239; *Он же.* Полевые исследования в Тверской области в 2013 году: фольклорно-этнографическая экспедиция в Кашинский район // Усадебный локус и фольклорный текст: из экспедиционных материалов / Ред. О. С. Карандашова; сост. А. Ю. Сорочан. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2013. С. 8—38.

Кто с винтовкой воевал,
А кто карманы набивал¹.

4. Жила девушка черноокая,
Судьба была у ней жестокая.

Когда фронт висел над Родиной,
Сердце всё ее вскипело кровию.

Ухажер сказал: «Я на фронт пойду», —
Сказала Зочка: «Я с тобой уйду».

Пошла Зочка, собиралася,
В тыл врага она пробиралася.

Шла кусточками, не торопилася,
Да и назад она не воротилася.

Налетели тут озверелые,
Связали Зочке ручки белые.

Повели ее в сторону немецкую
Да стали бить ее они, советскую.

Стали спрашивать они про Сталина,
На мосту стоит против Германии.

Долго мучили и глумились,
Повесить Зочку они решились.

Привели ее, народ собрали весь:
«Что вы плачете-надрываетесь?»

Петля высокая показалась,
И тело Зочки закачалось.

Фрицы пьяные испугались,
Люди многие заволновались.
На столе лежат орехи грецкие.
«Все за мир стоим, мы — советские»².

¹ Зап. от П. Л. Храбровой, 62 г., с. Покровское Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., 1974 г. ГАТО. Ф. Р-2401. Оп. № 1. Ед. хр. 24. Л. 12—13.

² Зап. Л. Н. Петрова, Е. П. Ханина от А. П. Хохловой, 82 г., д. Чагино Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Там же. Л. 96.

5. Частушки

Вот и Гитлера не стало,
Вот и Гитлеру капут,
А советские машины
По Берлину все бегут¹.

6. Выхожу и начинаю
Потихонечку дробить,
Мой залетка в самолетке
Полетел Берлин бомбить.

7. Мой залеточка погиб
За Родину, за Сталина,
Злая пуля Гитлера
Помирать заставила.

8. На окошке колубочек
Крепко-накрепко забит,
Я не знаю, где мой миленький,
В плену или убит.

9. С неба звездочка упала
Прямо Гитлеру на нос,
Вся Германия узнала,
Что у Гитлера понос².

10. Ой, девчонки, война,
Война всё развивается,
Мой миленок на войне,
А твой не собирается³.

11. Мой залетка воевал
За Родину, за Сталина,
Злая пуля Гитлера
Помирать заставила⁴.

¹ Зап. О. Бородкина, О. Филиппова от П. М. Брянцевой, 1905 г. р., д. Старово Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. ГАТО. Там же. Л. 202.

² Зап. Н. Михайлова, Н. Федоренко от М. Г. Бороздиной, 1913 г. р., д. Алексеевское Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Ф. Р-2401. Оп. № 1. Ед. хр. 23. Л. 113—114, 120.

³ Зап. Н. Михайлова, Н. Федоренко от Т. Д. Воронцовой, 70 л., д. Корытково Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Там же. Л. 132.

⁴ Зап. Е. Азарян, О. Леженко от М. И. Сундуковой, 49 л., д. Зеленцино Кашинского р-на Калининской (Тверской) обл., июль 1974 г. Там же. Л. 187.

12. Военные песни

С обидой пишешь письма мне,
Что я забыл тебя,
Но ты пойми: я на войне,
Моя любимая.

Таких, как ты, не перечесть —
Ждут писем от меня,
И в Омске есть, и в Туле есть,
Моя любимая.

Давно, давно уж ждет меня,
Заботится жена,
Забыть тебя мне суждено,
Моя любимая.

За шутки ты меня прости,
Чему вина — война,
И больше ты меня не жди,
Моя любимая.

Хотя тобой горжуся я,
Но ждет меня жена,
К тебе я больше не вернусь,
Моя любимая.

Еще ты пишешь: «Дочь растет,
Похожа на меня», —
Так пусть растет, и я не прочь,
Моя любимая.

А где отец малютки той,
Кто спросит у тебя?
Скажи: «На фронте он убит», —
Моя любимая.

«Поверя в искренность твою,
Любовь я отдала,
Сгубила молодость свою
И дочь приобрела.

Когда в тиши порой ночной
Ты клялся, что люблю,

Забыл жену, забыл войну,
Тогда ты всё забыл.

И вот ты понял, наконец,
Что кончится война,
Что ты женат, что ты отец,
Я больше не нужна.

Забыл жену — забудь и дочь,
Всего ты не зови,
Так пусть растет и я не прочь,
Как память о любви.

Не будешь ты ее отцом,
А кто-нибудь другой,
И будет звать она его:
“Папашенька родной”.

Так пусть же ждет теперь тебя
Законная жена,
А у меня здесь тоже есть
Мужчин десятка два.

Спешу скорее дать ответ,
Последний мой ответ,
Так знай: поступку твоему
Оправдывания нет.

Кончаю я письмо писать,
Больше не жду тебя,
Не называй меня тогда
“Моя любимая”»¹.

13. Синенький грязный платочек
Ганс посылает домой,
И добавляет несколько строчек,
Дескать, дела ой-ой-ой.

Бежим, бежим,
Бежим по просторам чужим,
Кружится летчик,
Бьет пулеметчик,
С мужем простись ты своим.

¹ Песенник. Е. П. Беловой (Калининой), 1928 г. р., г. Кашин Тверской обл. Л. 4—5. Архив А. А. Петрова.

Помнишь ты нашу отправку,
Геббельса речь самого,
Дескать, в любую вломишься лавку
И наберешь там всего.

Порой ночной,
В ранний иль поздний час
В ухе стучало,
В брюхе урчало,
Вот уж зима началась.

И бьют нас везде:
В лесу, у куста, на поляне,
Геббельс болтает, черт его знает,
Мы замерзаем в степи.

Порой ночной
Немцы объаты тоской:
«Хлебца б кусочек,
Чаю глоточек,
Скорей бы смотаться домой».

Легкие к сердцу примерзли,
Сопли из носа текут,
Нас окружают, нас загрызают,
Кажется, всем нам капут¹.

14. Беленький скромный платочек
Реет в дали голубой,
Парень красивый, парень кудрявый
Ранен лежит под кустом.

Парню нужна перевязка,
Он окровавлен лежит,
Девушка в белом скромном платочке
Парню на помощь спешит.

Рану ему перевязала
И в лазарет отнесла,
Парню лихому, парню с кудрями,
Жизнь на руках принесла.

¹ Там же. Л. 5 об. — 6 об.

И вновь реет платочек,
И под зеленой сосной
Девушке в скромном белом платочке
Встретился парень-герой.

«Здравствуй, родная сестрица,
Видишь — остался живой,
Может быть, вскоре после победы,
Встретимся снова с тобой»¹.

15. Дрались по-геройски в <нрзбр.>
Две бабы в тишине ночной,
Одна из них была законной,
Другая была фронтовой.

Они, точно сестры, сроднились,
Деля одного пополам,
И волос взлетал на воздух,
Царапали морду ногтям.

Ногой ударяя о землю,
Одна отходила сама:
«А ну-ка, дай жизни, законна,
Ходи веселей фронтова».

И вот от крутых поворотов
Одна разрешилась сама,
Другую на ЗИС погрузили,
Машина в санчасть отвезла.

Теряя они обе мужа,
А также любовный успех,
Кричали: «Мы больше не любим,
Кто в форме военной одет».

Утихла кровавая бойня,
Померкла дурная любовь:
«А ну-ка, дай жизни, законна,
Ведь это был твой муженек»².

16. Жили два товарища на свете,
Веселее не было дружков,

¹ Там же. Л. 6 об. — 7.

² Там же. Л. 8 об. — 9.

Оба молодые, оба Пети,
Оба из отряда моряков.

Но один снарядом был контужен,
А другого пуля обожгла,
И стянули бинт ему потуже,
Чтобы кровь из раны не текла.

Встретились ребята в лазарете,
Койка рядом, но привстать нельзя,
Оба молодые, оба Пети,
Оба неразлучные друзья.

И обоих с ложечки кормила,
С каждым одинаково добра,
Девушка по имени Людмила,
Отдыха не знавшая сестра.

Ну, и в том военном лазарете,
В той палатке светлой и большой,
Оба молодые, оба Пети,
Оба полюбили всей душой.

И, казалось, боль не так томила,
Наступал невиданный покой,
Если рядом двигалась Людмила,
Прикасалась легкою рукой.

И когда окрепнув в лазарете,
Выписались парни поутру,
Оба молодые, оба Пети,
Оба снова встретили сестру.

Ничего она им не сказала,
Только слезы вытерла тайком,
Только проводила до перила
И махнула каждому платком.

И никто из них не знал заранее,
Что Людмила сердце отдала,
Тоже краснофлотцу, только Ване,
И его из плаванья ждала.

Там, где вьется дым на горизонте,
Где за сопкой сопка залегла,
Хорошо дрались они на фронте
И повсюду весть о них пошла.

И в большом Кремле при ярком свете,
Чтоб навек запомнила страна,
Оба молодые, оба Пети,
Оба получили ордена!¹

17. Из деревни от матушки весточку
Получил краснофлотец в бою:
«Ой, замучили гады невестушку,
Ясноглазую Любу твою».

Слезы горя не блеснули,
Заблестела седина,
«Отомщу, — так он сказал товарищам, —
Отплачу я фашистам сполна».

И пошел он с морскою пехотою,
Слыша говор морских батарей,
И громил, и колол он без счета их,
Ненавистных фашистских зверей.

Не считал он сколько трупов
Уложил он там г<о>рой,
За него посчитали товарищи
И сказали ему: «Ты герой!»

«Это только начало положено,
Грозной мести моряцкой моей», —
Так сказал он и тропкою хоженной
Снова вышел под гром батарей.

Молодого краснофлотца
С поседевшей головой
Видят всюду друзья и товарищи,
Видят там, где решительный бой².

¹ Там же. Л. 11 об. — 12 об.

² Там же. Л. 12 об. — 13.

18. На позицию девушка
Провожала бойца,
Тихо, молча простилася
На ступеньках крыльца.

Не успел за туманами
Промелькнуть паренек,
На пороге у девушки
Уж другой паренек.

С золотыми погонами,
С папиросой в зубах
И с веселой улыбкою
На счастливых устах.

Не прошло и полмесяца,
Парень шлет письмецо:
«Оторвало мне ноженьку
И побило лицо.

Если любишь по-прежнему
И горит огонек,
Приезжай, забирай меня,
Мой любимый дружок».

И подруга далекая
Пареньку шлет ответ:
«Я с другим уже встретилась,
И любви к тебе нет.

Ковыляй понемножечку,
Про меня позабудь,
Заживет твоя ноженька,
Проживешь как-нибудь».

И обидно, и грустно
На душе у бойца
От такого нежданного
От ее письмаца.

Но врага ненавистного,
Крепче бьет паренек,
Но уже не за девушку,
А за родной огонек.

Рано утром на зореньке
Уж горит огонек,
Из боев возвращается
Молодой паренек.

И лицо то же самое,
И вся грудь в орденах,
Шел походкою пешею
На обоих ногах.

Поздно вечером встретились
На ступеньках крыльца,
Говорит ему девушка:
«Извини ты меня.

Написала по глупости,
Полюбила тебя,
Но ты знаешь, мой миленький,
До конца я твоя».

И ответил ей с гордостью
Молодой паренек:
«Ковыляй понемножечку,
Как-нибудь проживешь»¹.

ФОЛЬКЛОР ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РЖЕВСКОМ КРАЕ: ИЗ АРХИВА СОБИРАТЕЛЯ

*Вступительная заметка С. В. Морякова.
Подготовка текстов А. А. Комаровской*

В данной публикации представлены тексты, записанные во время нашей краеведческой работы в Ржевском районе Тверской области. Информанты — Галина Ивановна Сизикова, 1927 г. р. из д. Ступино, Вера Александровна Виноградова, которая была угнана в плен в г. Кенигсберг, Мария Ивановна Каменская, узница лагеря Равенсбрюк, Прасковья Петровна Щербакова (Воронцова) из д. Ковынево. Также представлены тексты, скопированные нами из фондов Ржевского краеведческого музея (ед. хр. № 118).

¹ Там же. Л. 14 об. — 15 об.

Приложение

1. Лесом, полями, дорогой прямой

Парень идет на побывку домой,
Ранили парня, но что за беда —
Сердце играет, а кровь молода.

Скоро он будет в отцовском дому,
Выйдут навстречу родные к нему,
Станет его поджидать у ворот
Та, о которой он песню поет.

Парень подходит — нигде ничего,
Горькое горе встречает его:
Черные трубы над снегом торчат,
Черные птицы над ними кричат.

Горькое горе, жестокий удел,
Только скворечник один уцелел,
Только висит над колодцем бадья,
Где ж ты, родная деревня моя?

Где эта улица, где этот дом,
Где же ты, девушка, вся в голубом?
Всё поразграбили, хату сожгли,
Настю-невесту с собой увели.

Вышла откуда-то старая мать:
«Где же, сыночек, тебя принимать,
Чем же тебя напоить, накормить,
Где же постель для тебя постелить?»

В дымной землянке погас огонек,
Парень в потемках на сено прилег,
Зимняя ночь холодна и длинна,
Надо бы спать, да теперь не до сна.

Из темноты отзывается мать:
«Разве ж я стану тебя здесь держать,
Вижу я, чую, что сердце болит,
Делай, как знаешь, как совесть велит».

«Жжет мою душу великая боль,
Ты не держи меня здесь, не неволь,
Эту смертельную муку врагу
Я ни забыть, ни простить не могу.

Парень уходит к друзьям боевым,
Парень уходит, судьба решена,
Дума одна и дорога одна:
«Рано, как видно, пришел я домой.

Нет мне покоя в родной стороне,
Сердце мое полыхает в огне».

Туго у парня затянут ремень,
Ловко прилажен походный мешок,
Свежий хрустит под ногами снежок.

2. На фронт германский парень уезжает,
Подруга жизни перед ним стоит,
Лицо слезами горько обливает,
Как тень бледна, печальная /она/ стоит.

«Всё может быть, тебя убьют на фронте,
Как буду жить?» — и слезы полились, —
«Сражайся крепко, в немца целься метко,
Ах, милый мой, любимый мой, ко мне вернись».

Красавец юный голову повесил,
Потом ее он с гордостью поднял,
Печальный взгляд был верен, но не весел,
Прижав к груди, обняв, он ей сказал:

«Моя любимая, моя подруга,
Дай поцелую, милая, тебя,
Прижмись крепче к сердцу своего друга,
Волна любви в последний раз зовет тебя.

А завтра пули, бомбы и снаряды,
И жизнь моя, быть может, сочтена,
Что ж делать, Нина, раз напали гады,
Не я один — на битву встала вся страна».

3. Вот и жизнь пришла распроклятая,
Наступил роковой этот час,
Уезжаю я, одинокая,
Покидаю родителей вас.

С той поры прошло больше годика,
Я не вижу родимую мать,

Трудно девочке, трудно, милые,
О родной семье вспоминать.

Мать родимая, верно, думает,
Что меня и в живых уже нет,
Я из лагеря Могилевского
Посылаю тебе, мать, привет.

Дорогая мать, ты не знаешь там —
Очень трудно приходится нам,
Даже совестно описать в письме,
Как мы шлемся здесь по дворам.

Вот заходишь в дом — слезы катятся,
Достаешь ты суму с-под полы,
Слезы катятся, говоришь ты им:
«Христа ради, меня подари».

О, родители, вы не знаете,
Плохо кормят германцы нас тут:
Кружка кофею, двести хлеба грамм
И баланды еще один раз.

В деревнях уже дарить бросили,
Но и как остается здесь жить,
Вот заходишь в дом, а там злом кричат:
«Уходи, больше нечем дарить».

Скоро, скоро, мать, я приду домой,
Я из лагеря буду бежать,
И приду к тебе, моя родная,
Помогать урожай убирать.

4. Прощай, мой друг, моя пора настала,
Последний раз я карандаш беру,
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.

Прощай-прости любимую вествянку
Нам не живать, любимый месяц май,
Спою сейчас, как девушку смолянку
Берут в неволю, в чужой дальний край.

Прощай-прости, что может дать рабыне
Чугунная немецкая земля,
Наверно, на какой-нибудь осине
Готова для меня петля.

Быть может, мне валяться под откосом
С разбитой грудью у чужих дорог,
И по моим по шелковистым косам
Пройдет немецкий кованый сапог.

Прощай-прости, забудь про эти косы,
Они мертвы, им больше не расти,
Забудь калину на калиноросы <!>,
Им больше не цвести.

Ты звал своею нареченной,
Веселой свадьбы дожидалась я,
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.

Всё, что цвело, затоптано, завяло,
И я сама себя не узнаю,
Забудь и ты, как ты любил, бывало,
Но отомсти за молодость мою.

Услышь меня за темными лесами,
Убей врага, мучителя убей,
Письмо писала я тебе слезами,
Печалью запечатала письмо.

Пусть не убьют, пускай не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу,
Ты не узнаешь всё равно меня.

5. Раскинулись рельсы стальные,
По ним эшелоны летят,
Они изо Ржева увозят
В Германию наших девчат.

Прощай, дорогая сторонка
И вольная Волга-река,
Разрушила дерзкие планы
Фашистская зверя рука.

Не слышна нам русская песня,
Родные просторы вдали,
Прощайте, мы едем далеко,
Далеко от нашей земли.

Прощайте, любимые парни,
Мне больше теперь не гулять,
Я еду в немецкую землю,
Свой век молодой доживать.

Не забудем мы слез материнских,
Суровых бровей у отцов,
Которые нас провожали,
Как будто живых мертвецов¹.

6. На опушке леса старый дуб стоит,
А под этим дубом партизан лежит,
Он лежит не дышит, он как будто спит,
Ветер его кудри тихо шевелит.

Перед ним старушка — мать его стоит,
Слезы проливая, сыну говорит:
«Я вдовой осталась — пятеро детей,
Ты был самым младшим, милый мой Андрей.

Я тебя растила, но не сберегла,
А теперь могила будет здесь твоя».
На опушке леса старый дуб стоит,
Ветер его листья тихо шевелит².

7. Даны в бою расчеты огневые,
Дрожит земля, разбужена война,
Идут на фронт подруги боевые,
А позади остался дом родной.

Родная гвардия позвала за собою
И назвала тебя военной сестрой,
Спешите, девушки, на грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

Над ним летят встревоженные птицы,
Он слышит грохот вражьих батарей,

¹ Г. И. Сизикова. — *Прим. С. М.*

² П. П. Щербакова (Воронцова), д. Ковынево. — *Прим. С. М.*

Ты подползи и дай ему напиться,
Ты защити и словом обогрей.

Родная гвардия позвала за собою
И назвала тебя военной сестрой,
Спешите, девушки, на грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

Он шел вперед, за родину сражаясь,
Он бил врагов гранатой и штыком,
К чужим границам с боем пробивался,
Лицом к лицу встречался он с врагом.

Родная гвардия позвала за собою
И назвала тебя военной сестрой,
Спешите, девушки, на грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

Его спасет подруга боевая
И возвратит в знакомые края,
Расскажет он, с любовью вспоминая,
О наших девушках из красного креста.

Родная гвардия позвала за собою
И назвала тебя военной сестрой,
Спешите, девушки, на грозном поле боя
Красноармеец ранен молодой.

8. Дул холодный порывистый ветер
И во фляге замерзла вода,
Эту встречу и тот зимний вечер
Не забыть ни за что, никогда.

Был я ранен, и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу,
Наши близко, но силы иссякли,
И не страшен я больше врагу.

Мне минуты казались столетьем,
Был по-прежнему яростный бой,
Медсестра, дорогая Анюта,
Подползла, прошептала: «Живой!»

И взвалила на девичьи плечи,
И во фляге согрелась вода,
Эту встречу и тот зимний вечер
Не забыть ни за что никогда.

9. Среди лесов дремучих,
Среди родных полей
Дадим отпор могучий
Насильникам людей.

Суровый голос раздается,
Клянемся землякам,
Покуда сердце бьется,
Пощады нет врагам.

Встают, встают колхозы,
Врагам готовят месть
За пытки и за слезы,
За попорченную честь.

Суровый голос раздается,
Клянемся землякам,
Покуда сердце бьется,
Пощады нет врагам.

Вовеки не допустим,
Чтоб нас осилил враг,
Стреляет каждый кустик,
Воюет каждый сад.

Суровый голос раздается,
Клянемся землякам,
Покуда сердце бьется,
Пощады нет врагам.

У нас с фашистским гадом
Короткий разговор:
Бей пулей и прикладом,
Бей в спину и в упор.

Суровый голос раздается,
Клянемся землякам,
Покуда сердце бьется,
Пощады нет врагам.

10. «Бабуся, бабуся, зачем тебя ночью
В отряд принесло к нам сюда?»
«Случайно, сыночки, случайно, родные,
Я шла и не знаю куда».
«Бабуся, бабуся, зачем ты, седая,
До хаты своей не идешь?»
«Дотла догорела деревня родная,
И хаты своей не найдешь».
«А где же старик твой, куда он девался?
А где твои дочка, сыны?»
«Над дедом и дочкой снаряд разорвался,
Сыны в партизаны ушли».
«Так ладно, бабуся, иди обогрейся
И супу поешь из котла».
«Спасибо, сыночки, спасибо, родные,
Я всё, что искала, нашла.
Спасибо, сыночки, спасибо, родные,
Я всё, что искала, нашла».

11. Село с рассветом вышло из тумана,
Стоял суровый утренний мороз,
Схватили немцы девушку Татьяну
И потащили в хату на допрос.
В ее глазах бесстрашие сияло,
У ней нашли гранату и наган, Пытали,
но ни слова не сказала,
Не выдала Танюша партизан, Пытали,
но ни слова не сказала,
Не выдала Танюша партизан.
Седые ветки зимним ветром вьются,
Палач веревку, ящик приволок,
И девушка в последний раз взглянула
На вьющийся над крышами дымок, И
девушка в последний раз взглянула На
вьющийся над крышами дымок. Село
с рассветом вышло из тумана, Стоял
суровый утренний мороз,
И девушку по имени Татьяна
Крестьяне схоронили у берез.
Они клялись не дать врагу пощады,
Они клялись Татьяну не забыть,
Умножить партизанские отряды,
За смерть Танюши немцам отомстить,

Умножить партизанские отряды,
За смерть Танюши немцам отомстить.¹

12. Частушки

Помолитесь, девки, богу,
Чтобы Гитлер окошел,
Он три года уж воюет,
Как собака, надоел.

13. Ой, Германия, Германия,
Наделала беды,
На границе столько крови —
Сколько нет в море воды.

14. Сорок первый год в разгаре,
На полях цветы цветут,
Как фашистские бандиты
Нарушили мирный труд?

15. Запад будто омрачился,
Напуская едкий дым,
До зубов вооружился, Враг
идет к краям родным.

16. Занялась на нас гроза,
Занимался небосвод,
Бить фашистского врага
Поднимался весь народ.

17. Что разрушено фашистом,
Мы обратно возродим,
Нашей Родины любимой
Мы назад не отдадим.

18. Много раз мы били немца,
Разрубали по куску,
Не придется вам, фашисты,
Увидать нашу Москву².

19. Немцы Ржев как занимали,
Все твердили: «Матка, гуд», —

¹ Г. И. Сизикова. — *Прим. С. М.*

² Автор Никитин — д. Медведево. Ржевский краеведческий музей. Ед. хр. № 118. — *Прим. С. М.*

Как ударили «Катюши»,
Закричали: «Всем капут»¹.

20. Сидит Гитлер на заборе.
Плетет лапти языком,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком.

21. Сидел Гитлер у Берлина
И не думал ни о чем,
Теперь он смотрит сбоку —
Не убили б кирпичом².

22. Наставленья дает Дежин,
Как с врагом сражаться,
Как гранату заряжать
Где и с кем связаться³.

23. Вот бывалый старый воин,
Дважды красный партизан —
Дежин милый и радушный
Разузнал про важный стан.

24. Запрягай отец коня,
Отвези на фронт меня,
Еду я не к теще в гости,
А на линию огня.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ФОЛЬКЛОРИСТА

Публикация И. Б. Рыбкиной

Песня-переделка
(на мелодию «Синенький скромный платочек»)

Синенький скромный платочек
Немец в деревне украл
И в зимние ночи, холодные ночи,
Им плечи свои покрывал.

¹ Ржев. — *Прим. С. М.*

² С. Итомля Ржевского р-на. — *Прим. С. М.*

³ Иван Семенович Дежин — секретарь горкома, командир партизанского отряда. — *Прим. С. М.*

Легкие к ребрам примерзли,
Сопли из носа текут,
Их окружают и добивают —
Всем под Москвой им капут.

Теперь зимой,
Удар получив под Москвой,
В панике фрицы
Бегут от столицы!
Им не вернуться домой.

Вспомнилась немцу отправка,
Геббельса речь самого,
Дескать, в любую вломишься лавку
И наберешь там всего.

Вышло совсем по-иному,
Чем представлялось тогда,
Думал — к нам в гости, а сам свои кости
Здесь схоронил навсегда!

Теперь зимой,
Удар получив под Москвой,
В панике фрицы
Бегут от столицы!
Им не вернуться домой¹.

¹ Зап. И. Б. Рыбкиной, 9 мая 2010 г. от ветерана войны в парке Победы г. Твери.

Мемораты о войне

ВОСПОМИНАНИЯ О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РЖЕВСКОМ РАЙОНЕ

*Вступительная статья и
публикация М. Н. Волосковой*

Ниже мы публикуем архивные материалы — воспоминания И. Ф. Шаровой и письмо А. Г. Кузьминой к участнику освобождения г. Ржева, волгоградскому журналисту П. И. Коновалову. Моя двоюродная бабушка по маминой линии, коренная старообрядка, Ирина Федоровна Шарова, уже более сорока лет живет в Великом Новгороде, где молится в старообрядческом храме Иоанна Богослова. Родилась же она в г. Ржеве, а детство ее пришлось на годы Великой Отечественной войны. 1 марта 1943 г. она и ее родные оказались среди жителей города, запертых в подготовленном к взрыву Покровском храме.

Моя прабабушка тоже коренная старообрядка, Анна Григорьевна Кузьмина, в девичестве Бурицкая, родилась 15 декабря 1902 г. Ее отец был сторожем госбанка, а мать работала в прислуге у ржевских купцов Берсеневых, у которых была пятилетняя дочь Анна. Она подружилась с моей прабабушкой, которой тогда тоже было пять лет. Они вместе играли, гуляли, и даже пошли в школу. По требованию своей дочки, купцу Берсеневу пришлось дать образование и ее подруге. После гимназии Анна Григорьевна прошла бухгалтерские курсы и работала в фельдшерско-акушерской школе. В 1920 г. она вышла замуж за двадцатисемилетнего Феодора Матвеевича Кузьмина.

Венчались они в домовом храме Покрова Пресвятой Богородицы, находившемся по ул. Торопецкой (ныне — Косарова). В семье Кузьминых родилось девять детей, но один из них умер в младенчестве. 1 марта 1943 г. Кузьмины вместе с другими оставшимися в живых жителями оккупированного Ржева были согнаны в заминированную отступающими немецкими войсками Покровскую старообрядческую церковь. А 3 марта воинами Красной армии узники церкви были освобождены. Во время отступления немцы сожгли дом Анны Григорьевны и Феодора Матвеевича, но в скором времени им удалось построить новый. Однако война еще не ушла из их жизни: старший сын Кузьминых в 1946 г. утонул, попав в воронку, а младший, спустя шесть лет после окончания войны, подорвался на снаряде.

1. Воспоминания И. Ф. Шаровой

Я, Шарова (девичья — Кузьмина) Ирина Федоровна, родилась в г. Ржеве Тверской области в старообрядческой семье. Дедушку по отцовской линии звали Матвеем, а прадедушку Прохором, и почему-то всех нас, детей, называли «Прохорычи». Жили мы на ул. Зубцовской (ныне — Гагарина). Семья была большая: три брата и четыре сестры; старшему брату было 16 лет, а младший

только родился перед войной; старшей сестре было 14, а младшей — 4 года. Все мы ходили молиться в храм Архангела Михаила, находившийся по правую сторону от ныне действующей церкви Покрова Пресвятой Богородицы, примерно в двух кварталах той же улицы, но по другую сторону. Отец мой служил уставщиком в этом храме. Мама моя, Анна Григорьевна Кузьмина (девичья — Бурицкая), работала счетоводом-кассиром в фельдшерско-акушерской школе.

Наступил 1941 г., в апреле родился брат, а в июне началась война. Война — это что-то ужасное. С нею связано тяжелое воспоминание детства. Голод, разруха, холод. Все эти «чудовища» в годы грозной войны искалечили детство наше.

Эвакуироваться нам не удалось, пришлось остаться в осажденном городе. Мы с младшей, а иногда со старшей сестрами ходили к бабушке прятаться в каменном погребе. И вот, как сейчас помню, как где загудят самолеты с бомбами, бежим, пригибаясь к земле. Когда оставались дома, то при бомбежках часть семьи пряталась в погребе, а часть — в землянке, вырытой в огороде. Как ночью начинают бомбить город, забираем свои узелки и бежим в землянку. Кругом сверкают огни, бьют зенитки, всё небо «горит», летят, свистят снаряды, кругом всё грохочет, жужжат пули. Утром встаем — полквартала нет, одни щепки и рухлядь остались от домов, кое-где пепел с огнем. В одном месте раненые, в другом — убитые. Соседний дом слева был разрушен, но дедка в нем остался жив и сидит на стуле возле печи — балки деревянные треугольником закрыли его; потом старшие помогли ему выбраться.

Пришли немцы, они грабили сохранившееся добро: ходили по уцелевшим домам, грабили хорошие вещи, забирали всё из продуктов. Есть стало нечего. 14-летняя сестра и 12-летний брат несколько раз в неделю отправлялись в ближайшие деревни с мешочками имевшихся вещей за кусками или корками хлеба и картофелем. Когда они приносили что-нибудь, это было большим лакомством.

Все мы переболели тифом. Когда мать немножко поправилась, стала ходить на базар: что-нибудь из вещей продаст за несколько марок, на это купит ведерко картофельных очисток и напечет лепешек вместе с травой. В феврале 1942 г. умерла бабушка (мать отца), в мае — другая бабушка (мать матери). Зимой умерла двоюродная сестра, ей был один год с небольшим, жила она у нас. Мать ее (т. Зоя) вместе с пятилетним сыном пошла в деревню с сестрой моего отца, но их сбила немецкая машина, мальчика — насмерть. У папиной сестры, тети Оли, умер муж, и она с двумя детьми пришла жить к нам, была очень больная. Больных тифом <в> это время увозили в больницу д. Чачкино, там немцы обещали «лечить» и «кормить» больных.

Дети т. Оли уговорили ее и сами решили ехать туда, даже звали нашего отца, но он сказал: «Умру на своей печке, но никуда не поеду». Прошло немного времени, и дети ее вернулись, стучат к нам, все в снегу, обмороженные: «Пустите к себе, дайте свекольных лепешечек, мы уже четыре дня крошки в рот не брали, еле добрались». Там никого не кормят, возят умирать людей. Кто в состоянии, есть чем оплатить, просят за большую плату хлебом отвезти их домой,

другие не возвращаются оттуда. Немцы делали свое «дело». Почти каждый день приходили выгонять на работу или спрашивали еды, избивали старших.

Одно время квартировали у нас немцы, так один пристал к маме: «Твои щенята съели мой суп с мясом», — бегая с наганом. «Перестреляю всех, поставьте суп», — который он сам в обед и съел. Подобный случай был с котлетами. Он даже имел обыкновение появиться с каким-нибудь лакомством в зубах или руках и подразнить детей. Придет, обшарит все углы, шкафы и столы, нет ли где чего вкусного. Потом рассказывает, как немцы издеваются над русскими пленными и даже детьми и хохочет. Рассказывал, как недавно заморозили полную машину детей, поливая их водой из шланга на морозе. Ему доставляло большое удовольствие рассказывать о таких зверствах. Потом уже, когда не стояли у нас дома немцы, часто в поздние часы наведывались. Стучат — дрожишь, не открываешь, ломают дверь, приходится открывать, чтобы не сломали другую, и уже под дулом пистолета приходится что-нибудь придумывать, почему не открывали.

Несколько раз пытались отправить нас в Германию, но, глядя на слезы матери и ватагу маленьких ребят, каким-то чудом, мысленными молитвами матери, с Божьей помощью возвращали домой. Но, увы, очень жестоко поступили немцы с оставшимся в городе населением, когда отступали из города. Выгнали всех из домов в том, в чем находились. Эта кара не минула и нашу семью. Не знали мы, что никогда не вернемся в этот высокий, теплый и красивый дом. Один оставался невредимым на два-три квартала. Всё население города, порядка двухсот человек, немцы заперли в церкви, которую предварительно заминировали. На второй день вечером, в 23 часа, смотрели старшие дети семьи в окно <храма>, забравшись на лестницу, видели большое зарево на нашей улице. Как впоследствии мы узнали — это горел наш дом, шесть часов не достоял он до прихода наших.

Утром в пять часов слышали: кто-то гремит цепями, наверное, думали, немцы чего-нибудь сотворить хотят. Какова же была радость на всех лицах, когда увидели своих русских армейцев. Это они нам открыли двери свободы! Немцы очень быстро отступали, не успели взорвать церковь. Не совершилось задуманное фашистами, потому что мы находились под Покровом Пресвятой Богородицы и Бог спас нас от намеченной гибели! Это и было 3 марта 1943 г. — день освобождения нашего города от немецко-фашистских захватчиков.

За двое суток ничего не было во рту. Ноги слабо двигались, но уверенно. Мама так же, как и все, была полна надежды нагреться в родном доме и накормить чем-нибудь своих детишек. Но каковы были негодование и ужас на лицах семьи, когда в двух кварталах от дома мы увидели на месте бывшего дома пепелище, которое заволакивал слабый дымок. Мама упала без чувств. «Куда пойти, где найти пристанище семье в десять человек?» — подумала она очнувшись. Решили пойти в сохранившийся дом сватки. Но в этом доме через два дня разместилась комендатура города, и нас попросили переселиться куда-нибудь.

Нашли другое пристанище, у соседей по прозвищу «Бурога». Прожили там немного, приехал хозяин без ноги с фронта, сестры его собрались, да еще,

кроме нас, одна семья жила. Хозяин стал тревожить с освобождением дома. Куда деваться? Стали собирать кирпич, думали поставить кирпичную временку. Собрали фундамент и еще 60 см выше фундамента — сил не хватало, и кирпича нет! Собирали плохие бревна, где что было, часть досок дали отцу по месту работы. Кое-как в 1944 г. построили избушку и переселились в свой угол. В этом же году я пошла учиться в школу. Мне в детстве очень хотелось быть учительницей. <...> Наступил 1945 г. Все стали поговаривать об окончании войны. В ожидании прошло два месяца весны. Отпраздновали первое и второе мая, и вот наступил долгожданный день — окончание войны, 9 мая. В этот день только и звучали два слова: победа, мир! Был солнечный, жаркий день, ребята бежали в школу в лучшем своем наряде, но в этот день не учились. На улицах гуляли веселые толпы людей с радостными лицами.

Но эхо войны еще давало о себе знать: то в одном месте города, то в другом слышались взрывы. И на реке Волге были воронки — следы войны. В июне 1946 г. мы потеряли 21-летнего брата, он утонул, попав в глубокую воронку, из которой не мог выплыть. Это оказалась не последняя утрата, связанная с войной. Осенью 1951 г., 8 ноября, в день великомученика Димитрия Солунского, после службы и завтрака младший брат Гера очень просился на улицу погулять. Отец заставил учить его уроки и прочитал кафизму из Псалтыри, потом отпустил его.

Как раз старушка постучала в окно, просила милостыню. Герик схватил кусок хлеба и сказал: «Мама, дай я подам». Накинул пальто, шапку и бегом на улицу и больше домой не вернулся. На улице его встретил 15-летний сосед, позвал прогуляться на реку Лочу. Там сосед разряжал снаряд (не знаем, откуда его взял), наш Герик стоял недалеко от него и смотрел. Снаряд взорвался, брату осколки попали в сонную артерию, в ноги, он упал. Кто и как вызвал «скорую», не знаю. Соседу повредило ногу, несколько пальцев оторвало на руке и два зуба выбило. Когда везли на скорой помощи, наш кричал: «Скажите моей мамочке — я ничего не брал». Он был жив еще три-четыре часа.

Эта тяжелая утрата через шесть лет после войны сильно отразилась на всей семье. Трудно сказать, сколько седых волос прибавилось у родителей. Всю горечь случившегося не передать словами. Комок и сейчас подступает к горлу, когда все вспоминаешь. Отец три дня ничего не ел, ведь сынишка этот десятилетний никак не звал его, кроме как «папочка, мой миленький папунчик». Так закончилась война. Для нас — в ноябре 1951 г.

Храм, в который ходила наша семья, был полностью разрушен. Еще во время войны на все праздники службу отец совершал дома, к нам приходили знакомые старообрядцы молиться, а потом стали ходить в храм Покрова Пресвятой Богородицы. Я окончила семь классов, решила идти учиться в Ржевский техникум. Заявление сразу же приняли, на другой день пошла сдавать экзамены, все сдала на пятерки. Зачислили на отделение электриков. В 1954 г. успешно защитила диплом и была направлена на работу в Великий Новгород, где живу по настоящее время. Отец, провожая на работу, сказал: «В Новгороде было очень много старообрядцев, там найдешь старообрядческую церковь», — хотя

сам в Новгороде никогда не был. Он умер 31 декабря 1966 г., а мать 15 июня 1972 г.

Прошло более сорока лет... И вот, слава Богу, в нынешнее 2013 г. будет уже двенадцать лет, как молюсь и помогаю в службе настоятелю отцу Александру в храме святого славного апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Мы с младшей сестрой всегда помогали отцу в службе: читали и пели, когда он еще работал сторожем на железной дороге. Доверял он мне помолиться полунощницу, часы и канон. На исповедь и причастие возил отец нас в Подмоскovie, в Чулково, в Любницы. Когда служил протоиерей Лазарь в храме Покрова Пресвятой Богородицы, все сестры, брат и я уже венчались в этом храме, дети наши тоже крещены здесь.

Еще в юности и иногда по приезде в отпуск я пела и читала на правом клиросе ржевского храма. Слава Богу! Долголетия всем служащим Ему, сохранения храма сего на многие века! Аминь.

2. Письмо А. Г. Кузьминой к участнику освобождения города Ржева, волгоградскому журналисту П. И. Коновалову

20 января 1961 г.

«Здравствуйте, уважаемый Павел Ильич. Когда получили Ваше письмо, то уже не было нашего дорогого Федора Матвеевича. 31 декабря 1966 г. он скончался после продолжительной и тяжелой болезни. Утрата наша очень тяжела, но все же хочется сказать несколько слов о нем. Человек этот, Федор Матвеевич, мой муж, был очень трудолюбивый и умный только благодаря тяжелой<ому> детств<у>, был с раннего детства инвалидом, у него была атрофирована левая рука до локтя, чуть подвижна, почему он не был и взят в арми<ю>».

Когда началась война, у нас было 7 человек детей, возраст которых с 3-х месяцев до 16 лет, и две матери — одной 63 г., другой — 81 г. Я работала в фельдшерско-акушерской школе до прихода немцев счетоводом, а муж — сборщиком утильсырья. Выехать мы не могли: «Куда, — говорит, — поедem со своей земли, кто для такой семьи наготовил, здесь с огорода можно прокормиться, и потом не надо вдаваться в панику, сюда немцев не допустят, потому что близко к Москве». Когда же стало очевидно, что немцы придут в Ржев, мы все же решили уехать на своей лошади, т. к. муж собирал утильсырье, то у него была лошадь. Нам посоветовали ехать на Старицкий тракт, чтобы пробраться на Калинин, доехали до деревни Клепуново, и, говорят, в Калининe — немцы, и вот мы ни туда и ни сюда, пришлось возвращаться в Ржев. Когда были в деревне, в это время в городе Ржеве некоторые запаслись из складов мукой.

Немцы пришли, приехали и мы из деревни, вот тут и начинаются мытарства, входят немцы с нагайкой: вынь да положь муку, а у нас нет ничего, стегает неимоверно нагайкой старшего сына и кричит: «Мель, мель», — значит «муку». Я стараюсь защитить сына — по мне. Я схватила лукошко, в нем было 4 кг муки, которую выменяла на материал у соседки. Ташу его немцу, он как бросит

в меня лукошком, всю муку рассыпал: «Дай филь муки», — значит «много», «мешок», а у нас нет ничего. Поискали, не нашли, ушли. Потом одно берут, другое тащат. Приходят соседи и говорят: «Дядя Федя, мы тебя хотим старостой выбрать, будешь хозяйничать». «Нет», — говорит мой покойный муж, — «не над чем хозяйничать, что вы ослепли, не видите, “всеопустошающая саранча” (так он называл немцев), никуда никем не пойду и ни за что не возьмусь». Лошадь, конечно, немцы сразу забрали. Было замаскировано сено, так какой-то украинец — русский военнопленный, с белым нарукавником, <по>оказал немцам, где сено, так приехали и забрали, а то мы его на молоко меняли для малышей, относили ночью мешками тому, у кого были коровы.

Зимой с мужа и с меня, с ног, сняли валенки. Издевались, как могли. У нас под домом был высокий каменный фундамент, вот сзади с сеней выкинули два камня, и наносили туда одежды, и молодежь, человек 12, заберутся туда и не идут на работу к немцам, камни заложены, а немцы в темное боялись ходить, а я одна с грудным ребенком дома, на стороже, идут, шпорами звякают, и с собакой, что как собака учувствует, всё сердце захлынуло. Входят: «Где люди?». «На работе», — говорю я. «А “пан” где (это муж)?», — и муж прятался, а я говорю: «Пан на войне». «Врешь», — и начал ногой бить, я стиснула зубы, ребенок кричит. «Врешь, — говорит, — пан в бане». А у нас в огороде была банька, муж чувствует, что не успел спрятаться; забрался в баню, разделся, голый и моется, а когда немец сказал, что пан в бане, я сообразила, что муж не успел спрятаться, и говорю: «Это не пан, а гроцфатер», — значит, «отец мужа». Потому что мой муж имел большую бороду, он никогда не брился, а я была молодая, тогда бросил бить, и ушли. А раз ночью пришли, отнимают последнюю керосиновую лампу, муж не дает, так по щекам надавали, и лампу взяли.

А голодали страшно, ходили тайком в деревни и меняли вещи на хлеб. Зашли в одну деревню, попросились ночевать, пустили — поглядела и ахнула. Согнаны и городские и деревенские в один дом, нары в несколько рядов, кого рвет, у кого понос, воздух ужасный, нет ни дров, ни горячей воды, даже нет сухой лучины, и это в нашей местности, где кругом лес, вот до какого состояния были доведены люди. «Русский никс культуры, кругом вошь-клопы», — это говорили немцы. А раз ночью открыли двери дома нашего, и идут, идут немцы, заполнили весь дом, мы, вся семья, собрались в один угол, ну, думали — смерть. Вдруг разделись все догола, и давай вшей бить, и кричат: «Матка, вас-сер варм», — значит, «давай горячей воды», а я пройти не могу. Вдруг команда им уходит<ь>, оделись и бегом вон. Так у самих были вши. Правда, были некоторые и наши, лежали мертвые от голоду, и вши ползали по ним. Я только удивлялась на своих людей, когда просили хлеба у них, а они: «Сталин даст».

Я работала на трех огородах, чтобы запасти овощей, не глядя на бомбежку, чтобы спасти детей: и своих семеро, и два золовкиных. Спасла от голода. Бомбят наши, а смеюсь: «Жарьте, жарьте сильней да скорей». Немцы: «Матка, лахен (смеется) хауз (дом), капут, матка, тот (умрет)». А я думаю: «Лучше умереть от своей пули, чем жить с вами». Выгоняли нас три раза немцы из города, но мы каким-либо образом старались вернуться или спрятаться как-либо. Вот

третий раз пригоняют в комендатуру. Комендант как глянул и говорит: «Зибенкинд (семь человек детей) цюрих нах хаус (обратно домой)». А я говорю: «Придет немецкий солдат и раус, раус (вон, вон)», — а он говорит: «Я дам папирус (записку) цвай так (два дня) и русский будет здесь, сиди дома и не выходи никуда».

Я обрадовалась, пришла, намыла полы, буду своих встречат^ь, а муж говорит: «На горе моешь». Приходят немцы: «Почему не уехали?» — показываю записку: «Гут, гут». Приходят другие 1 марта 1943 г. утром: «Почему не уехали?» — я им записку, разорвали записку, не дали ничего взять, начали гнать и бить и так загнали в <Покровскую> церковь, где мы сидели два дня и две ночи, голодные и холодные, и ждали смерти каждую минуту, вопль, стон, ужас, прощались друг с другом, кругом все взрывалось. Муж мой как-то успел захватить мешок с огородными семенами, которые он сам разводил, которые нам при освобождении сильно пригодились.

Часов в 22 ночи, на 3-е марта дети поглядели в церкви в окно и говорят: «Мама, где находится наш дом, сильный огонь». Так при отступлении немцы сожгли наш дом, который не достоял часов 5, часа в 8¹ утра наши войска открыли нас и освободили, это было как воскресение из мертвых. В церковь, когда гнали нашу семью, смотрим, гонят всех, кто был в это время в Ржеве, но были и такие, что им немцы принесли и их вещи, а нам даже одеться не дали, а одной семье даже обед принесли немцы в церковь, всего, говорят, было 185 человек в церкви, но были люди, которые сумели спрятаться и не попали в церковь, я знаю, один встретился нам сразу на углу, около Коммуны, я спрашиваю: «Откуда ты?» — а он: «Откуда и ты», — но его в церкви не было, знаю хорошо, что не был, а не сказал, где был, а сейчас он уже умер, а другие сами говорили: «Мы в подполе просидели, когда загоняли в церковь». А одна говорит: «Я в печку русскую влезла, и заслонкой закрылась, а ночью вылезла, и дом немцы зажгли, а я затушила».

ВОСПОМИНАНИЯ МАТРЕНЫ ТИХОМИРОВОЙ (РЖЕВСКИЙ РАЙОН)

*Вступительная заметка и публикация
М. Н. Волосковой, В. Ю. Кузнецовой*

Матрена Тихомирова — супруга старообрядческого диакона Феодота Тихомирова, который служил в старообрядческом храме Троицы Живоначальной в г. Ржеве до его самого закрытия (1934 г.). После закрытия храма именно стараниями диакона была спасены утварь и иконостас, который удалось перевезти в действующий старообрядческий храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Тихомировы проживали в сторожке при Покровском храме, настоятелем которого до 8 сентября 1942 г. был о. Андрей Попов (убит в этот день немецким солдатом на паперти своего храма). 1 марта 1943 г. диакон Феодот и ма-

¹ В рукописи четверка исправлена на восьмерку. — *Прим. ред.*

тушка Матрена Тихомировы вместе с оставшимися жителями города оказались узниками заминированного храма. Диакон Феодот (1875—1964) и Матрена (1884—1975) похоронены на старообрядческом кладбище Ржева.

Из воспоминаний других участников тех событий стало известно, что немец, пощадивший жизнь Тихомировых, носил фамилию Юпатов. Информация о дальнейшей его судьбе не найдена.

П р и л о ж е н и е

Полтора года мы прожили в немецкой оккупации. Немцы вступили в город на праздник Покрова (14 октября), ехали поодиночке на мотоциклах! Сразу стали ходить по домам, грабить, отнимать продукты, одежду, скотину, птиц. Штыками выламывали запоры, выбивали стекла и рамы. У нас отняли две коровы.

Правда, наладили службу в церкви, а сами в это время по домам грабили. Меня гоняли расчищать снег на дорогах, а мне было за пятьдесят, рыть окопы вдоль берега Волги, откуда они сражались против наших, шедших с другой стороны Волги. Старика моего, ему было за шестьдесят, до войны служил диаконом в церкви, заставляли носить на станцию награбленное ими добро, пудов по пять; когда падал от усталости, били, теплые сапоги сняли, дали взамен рваные опорки, а были лютые морозы. Несколько верст так шел, пришел весь распухший и в крови, избитый. А то заставляли целый день носить воду для немецкой кухни.

И церковь не оставляли в покое. Просили ее под госпиталь, священник о. Андрей Попов и мой муж, диакон Феодот Тихомиров, ходили к немецкому коменданту с просьбой оставить ее. Позже, когда народ стали вывозить в Германию, старику пришлось стоять на амвоне и не допускать немцев в алтарь, грабить и разрушать иконостас, уносить иконы. Они очень охотились за ними, для музеев.

Перед самым отступлением, уже после смерти о. Андрея, когда народу совсем мало в городе осталось, подъехали к церкви семь машин, четыре немецких генерала (а может, другое высокое начальство), закрыли старика в церкви, четыре часа упрашивали его ехать с ними в Германию и увезти внутреннее убранство церкви, иконостас. Диакон отказался, тогда они сказали: «Всё равно ваши вас разорвут, когда придут». А он ответил: «На все воля Божья». Пришел оттуда весь черный, едва дышал, не верил, что жив остался.

В церкви у них вроде санитарный пропускник был, обсыпали каким-то порошком, уговаривали людей уехать к ним, мед с хлебом есть, а город решили взорвать, чтобы не осталось камня на камне. После разговора начальства со стариком не прошло и недели, как начали собираться совсем. Народу в городе почти не осталось. Дома осталось только несколько больных тифом, а всех, кто мог двигаться, согнали в церковь, около трехсот человек, улицы с уцелевшими домами заминировали, взрывали крупные сооружения: мост, каланчу. Нас еще за полгода до отступления выгнали из своего дома в сторожку при церкви.

Наш дом и другие дома на ул. Калинина заминировали, и шнуры протянули к церкви, и в притворе положили крупные противотанковые мины. Нас не выпускали целую неделю из сторожки, чтобы не видели их дел, окна приказали завесить. Нас в сторожке было трое: мы со стариком и старая сестра мужа — Татьяна Федоровна Федорова. В день отступления, часов в восемь утра, пришел к нам переводчик коменданта; это был рыжеватый, худощавый, высокого роста немец, лет пятидесяти. Глаза серые, носатый. Он считался хорошим человеком: и нас, и других людей защищал от бесчинств своих людей, от грабежа, докладывал об этом коменданту.

Нам разрешили снять с окон занавески, и мы смотрели, как в открытую церковь носили больных, маленьких, вели хромых. Переводчик пришел и говорит: «Про вас говорят, что вы партизаны». У старика была борода, а бороды видели они у партизан. Мы сказали: «Он пастор, потому и с бородой». Переводчик: «Если пастор, докажи — отслужи мне молебен здесь, сейчас». Диакон облачился, зажег кадило и начал молиться. И мы тоже. И переводчик встал вместе с нами и плакал. После этого и говорит: «Надо с вами поговорить, всё равно ваши придут — вас расстреляют. Остается вам жить двадцать четыре часа, а мы отступаем. Поедьте со мной, пока не поздно, я здесь могу быть только двадцать четыре часа». Несколько раз так сказал.

Мы ответили: «Что Бог даст», — смотрели на иконы и крестились, ехать отказывались. Тогда он берет наган, нацелился на нас и говорит: «Чем убивать вас красным, лучше я вас убью». Мы заплакали, стали просить прощения, умоляли оставить нас. Тогда он сказал: «Ну, давайте говорить начистоту, говорите, что вы знаете, а я буду говорить, что я знаю». Я и стала говорить, думаю, все равно — конец.

Матрена Тихомирова: Мы в вашу поганую землю не поедем, там все поганые, не крещеные, пусть убивают свои, русские, они крещеные.

Переводчик: А как вы разбираетесь?

Матрена Тихомирова: У нас всюду церкви есть, а у вас нет. Хотя вы и признаете Иисуса Христа, а крещения у вас нет. У нас же после крещения надевают кресты, а крест — телу хранитель, крест со дна моря вынимает и всех врагов побеждает. Вы молились, а не крестились во время молебна, какой же вы веры тогда?

Переводчик: Я — евангелист.

Матрена Тихомирова: А как же: Евангелие не велит даже муху убить, а вы нас, людей, хотите убить.

И упала я на пол, почти без сознания от страха, что так сказала. Старик закрыл глаза руками и отвернулся, чтоб не видеть, как меня застрелят. А он (переводчик. — М. В., В. К.) не только что стрелять, а и вовсе бросил наган, схватился за голову и несколько минут стоял молча и пошатываясь. Потом я расслышала: «Пятьдесят лет прожил, этого ни разу не слышал...» Очнулся, куда-то побежал, принес двадцать две таблетки. А мы думали, побежал за гестаповцами, чтобы те нас расстреляли, стали прощаться друг с другом, как перед смертью. А он принес таблетки, заставил тут же принять; мы немного пришли в

себя, продолжили разговор: «Молитесь Богу за меня, а я — за вас». Вынул из-за пазухи фотокарточку, где он с женой и детьми — мальчиком и девочкой. Показывал нам и плакал:

Переводчик: Я войны очень не хотел. За что воюем. Я имел пятьдесят десятин хлопка, большое имение. Я чистокровный немец. Мы многие богатые, не хотели войны, но мы все подчинены Гитлеру.

Феодот Тихомиров: Почему вы так хорошо говорите по-русски?

Переводчик: Я ученый, образованный.

Феодот Тихомиров: Очень плохо ваши коменданты обращались с нами.

Переводчик: Война, ничего не поделаешь. Но этот, последний, лучше, а те только карманы набивали, о народе не думали.

Татьяна Федоровна: У вас двое детей, и у нее (показывая на меня) тоже двое детей — мальчик и девочка.

Переводчик: Где они?

Татьяна Федоровна: Сын в Москве, дочь в Ленинграде.

Переводчик: В Москве — не знаю, а в Ленинграде холера и голод. Давайте молиться, чтоб вы своих детей повидали, а я — своих. Ну, мы вас оставили в живых, пускай с вами как хотят красные поступают, а я не трону.

Феодот Тихомиров: А после вас пойдут ваши, фронт, и расстреляют нас, комендант прикажет.

Переводчик: Комендант уже два дня, как уехал.

Феодот Тихомиров: Кто же будет фронтом управлять?

Переводчик: Я фронтом управляю, скажу, чтоб вас не расстреливали, загонят в церковь в три часа вечера, и будут на паперти стоять немецкие часовые по четыре часа, потом меняться. Когда немцы будут уходить, спросят вас, не обижают ли вас, ваши русские. Если будут обижать, скажите — они сразу за шнур дернут, и ничего не останется. На церкви будет замок, и ключи тут же оставим.

Об этом сказал только нам. Никто больше не знал. Так нас и посадили. Просидели сутки, вызывали нас часовые к двери, спрашивали, не обижают ли нас. «Нет, не обижают». Иногда нас со стариком пропускали выходить в сторожку, воды взять. Там сидела старушка Татьяна Федоровна, плакала и молилась. Она еле двигалась: немецкими проводами ей изуродовали ноги. На дверях церкви висел замок и были ключи.

Наступили вторые сутки. Во втором примерно часу ночи стало все затихать, не стало слышно и часовых, а то они стучали от холода ногами на паперти. Прошло несколько часов... Кругом было тихо. Близился рассвет, мы — к окну. Ничего еще не видно, темно. Вдруг где-то далеко-далеко мелькнули огоньки. Блуждают, двигаются. Ближе... Светлее стало, смотрим — идут осторожно от пожарной каланчи (она была на соседней с церковью улице) один за другим поодиночке военные и будто ищут что-то. Присмотрелись — на немцев не похожи и по одежде, и по походке. «Неужели наши?» Попросила я мальчишек: «Взбирайтесь на подоконник, кричите “ура”, там наши идут». Мальчишки закричали. Только те услышали, как бросились к нам, гремят замком и ключа-

ми; как распахнули двери, бросились мы друг к другу, тут и рассказать невозможно, что было. И слезы, и обмороки, и объятия, и поцелуи... «Сынки наши дорогие, желанные...» «Мамашеньки, наконец-то вас нашли, уже сколько времени людей живых ищем, нет никого, весь город прошли». Сколько лет прошло, а все это — как пред глазами. Велика была радость повидаться со многими хорошими людьми, которые освобождали наш город, и нас спасли. Хотелось бы и узнать судьбу того человека, который сначала оставил нам жизнь. Один из наших знакомых утверждал, что в последнее время у коменданта был переводчик из советских немцев (из респ. Немцев Поволжья), по фамилии Смирнов. Мол, это он и есть. Но тогда при чем пятьдесят десятин хлопка, и другое? Может, был другой человек, наш-то знакомый не был в то время со стариками.

В. И. КУТУЗОВА **«МЫ ИЗ РОДА КУТУЗОВЫХ?»**

Подготовка текста А. С. Бойковой

С детства мне нравилась моя фамилия — Кутузова, даже когда я еще не начала изучать историю и не знала, что Михаил Илларионович Кутузов — великий русский полководец. Когда я называла свою фамилию, сразу же следовал вопрос: «Ты из того рода?!» Я уверенно отвечала: «Да»!

Когда я стала взрослой, после института, мне стало интересно, откуда пришла в наш род эта великая фамилия. Одна из версий — моя собственная. Будучи ребенком, я часто ходила к тете Пелагее Тихоновне Кутузовой, по мужу Фактуровой. Она много говорила о нашей родне, от нее я узнала, что ее прадед, а может быть, и прапрадед служил в армии Кутузова военным фельдшером, она это слово говорила по-своему — «фершел». По возвращении домой он лечил всю округу. Сама тетя владела знанием, по-видимому, переданным из предыдущих поколений, о многих лечебных травах и всегда лечила нас — своих племянников и настоями, и советами, как их применять. Так вот, скорее всего, мой пра-пра... и более привез эту фамилию из армии Михаила Илларионовича Кутузова.

Другая версия более прозаичная. Работая в тверском областном архиве над статьей «Театральная жизнь» для энциклопедического справочника «Тверская область» (выпуск 1994 г.)¹, я нашла упоминание о том, что в Торжокском уезде было поместье Голенищева-Кутузова, где проводились народные гуляния. И так как место расположения нашей деревни оказалось недалеко от поместья тех Кутузовых, могла произойти «миграция»: кто-то из той и другой стороны каким-то образом породнился. Но это лишь плоды моей фантазии.

Дедушку моего звали Тихон Дмитриевич, бабушку — Матрена, они были крестьянами. Их большой дом стоит и сейчас в д. Чашково. Их дети: Иван —

¹ Тверская область: Энциклопедический справочник / Сост. М.А. Ильин. Тверь: Тверское кн.-журн. обл. изд., 1994. 328 с. — *Прим ред.*

мой отец, Василий, дочь Пелагея, младший сын Павел. Все три сына были участниками Великой Отечественной войны. Мой отец погиб в 1943 г., Василий Тихонович вернулся, но в 1947 г. умер. Павел Тихонович был танкистом, вернулся, много лет работал в УВД г. Горький. Умер в 2003 г.

Отец Иван Тихонович, по воспоминаниям родных и его ровесников, был человеком веселым, с большим юмором, сочинял частушки, писал пьесы и разыгрывал их с молодежью, хорошо пел. Учился и стал учителем. Женился задолго до войны на деревенской девушке Анне Гребешковой. До 1940 г. в семье родилось пятеро детей. Отец был директором сельской школы, затем его перевели в районный центр г. Лихославль, где он работал инспектором районного отдела народного образования.

По воспоминаниям старшего брата Александра, сестер Ольги и Надежды (и мы с сестрой — младшие), у нас была очень дружная семья. В помощь матери отец брал няню, которая присматривала за малышами. Когда переехали в город, младших устроили в детский сад, а старшие ходили в школу. Перед войной в 1939 г. пришла беда — скоропостижно умерла мать. Сначала помогала семье бабушка, но она была старенькой и не справлялась. У отца была работа с отъездами по району. Нужно было решать — как жить дальше. В 1940 г. к нам пришла наша воспитательница из детсада Мария Ермолаевна Кудряшова, с которой отец зарегистрировал брак, и она стала нашей мамой. Через год началась война, а у нас появилась еще одна сестра Танечка.

Забегая вперед, скажу, что Мария Ермолаевна, будучи уже старой женщиной, говорила: «Я мало прожила с мужем, но я ни разу не пожалела, что выходила замуж и имела большую семью». Главой семьи был отец. Он приучал детей к порядку, помогать друг другу, не драться, не обижать младших. Несмотря на занятость на работе, он научил читать девочек еще до школы. Приучал ко всем домашним делам сына Сашу. В хозяйстве был огород, козы, кошка и собака. С июля 1941 г. начались бомбежки, так как Лихославль был узловой станцией, а далее железная дорога до Ржева и Ленинграда.

Дом наш стоял близко от железной дороги, и нам пришлось эвакуироваться. Местом, куда нас перевозили, была д. Чашково и сельская школа. Когда мы ехали, то по дороге нас стали обстреливать с немецких самолетов, мы ползли по картофельному полю в кусты. Старшие дети всё понимали, а я плакала, потому что рядом в корзине был поросенок, который тоже визжал в «дуэте» со мной. Деревня была тоже рядом с железной дорогой, и мы часто слышали взрывы бомб. Вокруг деревни и рядом со школой были вырыты окопы, куда нас и прятали от бомбежек.

В 1942 г. семья распалась. Нет, никто никого не бросил, развела нас война. Будучи взрослой, я задавала страшим сестрам вопрос: «Почему отец ушел на войну? У него, как у учителя, должна быть бронь, а еще большая семья». А он ушел добровольцем. Никто не мог ничего сказать — все были слишком маленькими, чтобы разобраться в этом вопросе. А он принял решение — идти воевать, а не умирать. Но что делать с семьей? Отец всех определил: старший брат Александр был отправлен в военное училище в г. Днепропетровск; Мария

Ермолаевна оставила себе свою дочь Таню и нашу сестру Надю (вероятно, как няню). Сестру Олю и Клаву направили в детский дом. Меня, Веру, 3,5 года, взяли родственники — Анна Андреевна и Ефрем Николаевич Милютины. У них не было своих детей, и Вера Кутузова была определена к ним на патронат. «Вернется отец и заберет ее обратно», — так думали все.

Мне почему-то запомнился эпизод, как пришла брать меня Анна Андреевна. Она приходилась мне двоюродной тетей. Было уже холодно, вероятно, начало зимы, а меня стали одевать в чужое пальто. Я начала плакать, потому что я знала, что у меня есть свое пальто, и я не хотела другого. Тогда мне сказали, что мое пальто оденут Клаве, ей далеко ехать. Зачем ей надо ехать, мне не объяснили. Анна Андреевна посадила меня к себе на *кошолки* (спину), и мы пошли. Навстречу нам попала соседка, учительница Прасковья Андреевна, которая всё знала и спросила: «Ну что, поехали?» «Да, поехали», — ответила Анна Андреевна. — «Ну, с Богом!» Теперь мне кажется, это Божеское напутствие сопровождает меня всю жизнь. Брата Сашу провожал, вероятно, отец. В моей жизни брат появился позже, когда я стала учиться в школе. Он писал мне письма. Мне было одиннадцать лет, когда они с женой Ниной приехали в деревню, зашли к Милютиным и сказали, что у них есть дочка, а я стала тетей. Мне было немножко страшно, «теперь я — тетя». Олю с Клавой увезли в детский дом в город Вышний Волочёк. Они были там около полугода, потом их разъединили: Клаву, как младшую, ей было 5 лет, увезли в Ярославскую область. После этого потерялась совсем. Сестра и мачеха отправляли письма в разные дет.<ские> дома, но так как она еще в школу не ходила и писать не умела, то почему-то взрослые на эти письма не отвечали. После войны ее всё-таки нашли, а встретились мы только в 1953 г.

Десять лет, с 1943 по 1953 гг., жила Клава Кутузова в детском доме № 83 в с. Колегаево НекоуССкого района Ярославской области. Из детского дома Клаву отправили учиться в художественно-ремесленное училище пос. Песочное Рыбинского района Ярославской области. После двух лет учебы работала она на фарфорофаянсовом заводе, где расписывала посуду. Училась в вечерней школе, поступила и закончила историко-архивный институт в Москве.

Как жилось в детском доме и ремесленном училище? Было всё: и голод, и холод, и болезни, но была и детдомовская дружба, которая помогала переносить все невзгоды. Но не дай Бог, чтоб такое с кем-то в жизни повторилось. А еще она знала, что есть брат и сестры, с которыми она когда-нибудь встретится. Теперь мы живем рядом и помогаем друг другу.

Когда разлучили Ольгу с сестрой, ее отправили в детдом, где более взрослые дети, которые должны были учиться в школе. Это был детский дом в с. Овинищи <? Овсище> Калининской области. Когда спрашивают Олю про жизнь в детском доме, она вспоминает, как все дети по ночам плакали. Все, лишившиеся дома и родителей, очень тяжело переживали разлуку с домом. Многие писали родственникам, чтобы они забрали их домой, но письма оставались без ответа. Оля тоже писала и Марии Ермолаевне, и тете Пелагее Тихоновне, чтоб ее взяли, что она будет помогать по дому и слушаться. А более все-

го она скучала по отцу, которого она бесконечно любила, просила, чтоб ей прислали его адрес. Она помнила, как он уезжал на фронт, подходил ко всем детям и прощался с ними. Оля была старше всех сестер и своим детским чутьем поняла, что больше не увидит отца. А однажды она увидела его во сне. Он пришел к ним раздетый, с него текла кровь, и она (Ольга) эту кровь пыталась остановить. Может быть, это был его последний час жизни — так он показался своей старшей дочери. Ольгины письма и просьбы дошли до мачехи и тети. Мария Ермолаевна сначала взяла ее к себе в лихославльский дом, где мы жили до войны. Но с тремя детьми (Таня — ее дочь, Надя и Оля) ей, конечно, было не справиться, и она отправила Олю к тете в деревню. Жили только на пенсию отца (уже было извещение о его гибели) и тетин заработок (она была портниха). Платили за шитье кто молоком, кто картошкой, кто чем мог.

Шел 1944 г. В соседних домах жили солдаты. Они тоже подкармливали деревенских детей. Оля знала много песен. В селах до войны были свои праздники, гулянья. Она любила с тетями, бабушками, да и мама еще была жива, ходить на праздники, где пели много песен. С папой они пели песни про войну, про пограничников, про Красную армию. Она очень хорошо пела, солдаты приглашали ее, кормили кашей, а она пела, да так пела, что многие плакали.

После детдома у Оли заболели глаза, они гноились, болели, было нарушено зрение. Ее увезли в районную больницу. Долго там лечили, но безуспешно. Это был и госпиталь, где лечились раненые солдаты. Оля пела песни для себя, но ее и там слышали и стали приглашать в палаты к раненым. И вот слепую девочку, с забинтованными глазами, водили по палатам, и она с удовольствием пела для них. Среди раненых лежал солдат тоже с забинтованной головой, он особенно внимательно слушал ее. И когда она не приходила, он просил медсестру, чтоб ее привели. Она приходила и пела, он как-то ей сказал: «Пой, девочка, ты прекрасно поешь, когда-нибудь ты обо мне услышишь». И она слышала.

Где-то в <19>70-х гг. по радио мужчина читал стихотворение: «Пой, девочка, пой...» и дальше — о военном времени и той девочке в белом медицинском халате, с перевязанной головой, которая пела для раненых и помогала им поправляться. Кто оказался этим раненым, может, поэт, может, корреспондент? Еще было сказано, что это стихотворение напечатано в журнале «Нева» в <19>70-е гг.

В госпитале Ольгу так и не вылечили. Врач сказал, чтоб нашли знахарку, и, может быть, та поможет. Тетя нашла бабушку, которая долго не соглашалась лечить, так как просто не была уверена в результате, но, узнав, что это дочка Ивана Тихоновича, а она его знала и уважала, взялась и помогла. Однако недостаток зрения Оля чувствовала всю жизнь.

Жизнь продолжалась. На тетин заработок не прожить, а нужно было учиться. Она поехала в Калинин, устроилась на комбинат «Пролетарка», училась в вечерней школе, приезжала на выходные к тете. Нужно было ремонтировать дом, продолжать учиться в вечерней школе. Заочно окончила <калинин-

ское> культпросветучилище, стала в деревне работать заведующей клубом. Вышла замуж, родились дети — дочь и сын.

Ольга, как старшая сестра, переписывалась со всеми сестрами. Всегда напоминала, что надо учиться, надо много читать. И все учились — сначала в вечерних школах, как и она сама, а затем в училищах и институтах. К тете Пелагее Тихоновне приезжали все. У Саши уже была семья, но он продолжал помогать. Он стал офицером, служил на севере в Мурманской области, высылал посылки с рыбой и консервами, которые раздавали всем: Марии Ермолаевне с Таней и Надей, тете, иногда перепадало и мне — Вере, эти гостинцы попадали на стол к Милютиным — Анне Андреевне и Ефрему Николаевичу. Я селедку не любила.

Как сложилась судьба Нади и Тани? Таня осталась навсегда с матерью. Девочка была очень талантливая, хорошо училась, но мать не отпустила ее от себя. Таня закончила швейное профессиональное техническое училище, на закройщицу. Работала в Доме быта портнихой и закройщицей до пенсии. Она никогда не отказывала мне в заказах на пошив. Мы дружили все: Ольга — Надя — Клава — Вера, в отпуск приезжал брат с семьей. Останавливались у Тани в Лихославле или у Ольги Ивановны в Чашкове.

Надя, самая красивая из сестер, росла очень бойкой девочкой, хорошо училась, хотя учебников у нее не было, всё, что говорилось на уроке, она «ловила на ходу». Она очень хорошо пела, а еще лучше рисовала. В школе, а затем и в ремесленном училище № 23 г. Калинина оформляла всю наглядную агитацию и стенгазеты. Мне она однажды подарила сшитую и разрисованную маленькую куколку, которую я очень любила, даже в школу брала, там ее у меня и украли.

Мария Ермолаевна в 11 лет отправила ее учиться в ремесленное училище, хотя брали туда в 12—13 лет. Зачислили ее потому, что была круглой сиротой. Закончила она <ремесленное училище> с отличием. Давали ей направление на дальнейшую учебу в Москву, кажется, в Плехановское училище. Кто бы сумел ее убедить — ехать и учиться? Она выбрала направление на работу. Это была швейная фабрика в г. Белый Омут, кажется, Московской области¹. Жили в общежитии без удобств и центрального отопления. Все, кто могли, оттуда уезжали. Потому как она уже училась в Калининской фельдшерско-акушерской школе, то, по ее просьбе, я выслала ей справку о том, чтоб она приехала и мы могли бы жить вместе.

Ее по этой справке отпустили, и мы действительно стали жить вместе. Она устроилась на работу в Калинин на швейную фабрику, у нее была профессия — белошвейка. Разъезжались на выходные: я в деревню к Милютиным, она в Лихославль к Ермолаевне — так мы звали нашу мачеху. Ольга ездила к тете. Встречались по праздникам, чаще в д. Чашково у тети.

Пишу о себе. Я осталась без матери годовалым ребенком, еще только должен быть год. По-видимому, мать меня кормила грудью. По рассказам взрослых, я подходила к мертвой матери и просила «сисю». Бабушка по матери

¹ Вышневолоцкий р-н Тверской (Калининской) обл. — *Прим. ред.*

решила, что покойница должна взять ребенка с собой на тот свет, и перестала меня кормить. Сколько это длилось, трудно сказать, но я превратилась в дистрофика. Наверное, я всегда плакала, и сестры давали мне хлебную жвачку, и это меня спасло. Девочки потом пожаловались отцу: «Бабушка Веру не кормит». Отец сильно рассердился и выгнал ее. А бабушка уже мне на смерть рубашку приготовила, но я осталась на этом свете. Вероятно, это был повод для того, чтобы в нашу жизнь вошла воспитательница Мария Ермолаевна. Меня всё-таки откормили и поставили на ноги. Как-то уже будучи взрослой я разговаривала с братом. Он помнил, какая я тогда была — «кожа и кости». «Ты должна была умереть, а выжила! Наверное, ты на этом свете кому-то нужна была. Бог тебя спас». Спасла-то меня дружная, умная семья. Сестрам моим было по 6 и 8 лет, а они поняли, что бабушка поступает неправильно. На нее никто зла не держал. Когда началась война и без отца было голодно, она нас спасала. Приносила картошку или какие-то лепешки.

Я голода не видела. Жила у Милютиных. Ефрем Николаевич работал дежурным на железной дороге, у него была бронь. Анна Андреевна работала стрелочницей. У обоих был заработок, они вели большое хозяйство: коровы, овцы, куры. Они меня откормили, одели, обули.

Помню, я как-то стояла посреди деревни, мимо шла женщина чужая, она остановилась, посмотрела на меня и с восторгом спросила: «Это чья такая красивая девочка?» Кто-то сказал, что это Кутузова Вера, а другие поправили — это Милютина Вера. Я так и росла под двойной фамилией. Только когда пошла в школу, я стала Кутузовой.

Всё было бы хорошо, но я долго не могла называть их мамой и папой. А народ в деревне очень часто спрашивал, а как Вера вас называет? Анна Андреевна отвечала: «А никак». Почему я не могла называть их мамой и папой? Может быть, я помнила родных маму и папу, которые любили меня, ласкали меня. А здесь я попала в «ежовые рукавицы». Я всё делала не так, как надо. И они всегда были мною недовольны. Нет, никто меня не бил, но всегда я чувствовала себя виноватой и плохой девочкой. Ни разу они меня не похвалили, не погладили по головке, не поцеловали. Были постоянные нотации, после которых не хотелось жить. Я пряталась и горько плакала. Пролито море слез. Если мать замечала, что я плачу, говорила: «Побольше поплачешь — поменьше попишешь». Такие были уроки воспитания. Став взрослой, я поняла, что их самих так воспитывали. Главное, чтоб сыта была, обута и одета.

Один раз Ефрем Николаевич поехал со мной в школу. В лихославльской школе № 7 я закончила семь классов и получила табель. Ефрем приехал домой и сказал жене: «Девку-то нашу похвалили». Не «дочку», а «девку». А чтоб сказать: «Ты, дочка, молодец!» — этого не было.

Научила меня говорить слово «папа» моя тетя Пелагея Тихоновна. Она была умная и добрая женщина, очень переживала за меня, старалась помочь. Когда я пошла в школу, в первый или во второй класс, она сшила мне пальто. «Вот, Вера, — сказала она, — ни у кого в деревне у детей нет такого пальто. Если папа (она всегда про них говорила “твои папа и мама”) дома, покажи ему

пальто и скажи: “Спасибо, папа”». Я была девочкой послушной, но, Боже мой, как это тяжело сказать «папа». Язык мой никак не мог выговорить это слово! Пока я шла до дома, я всё старалась выговаривать «папа, папа, папа». Вошла, он сидел за верстаком и ремонтировал чью-то обувь. В молодости он учился на сапожника и отлично справлялся с ремонтом. Я вошла очень тихо, подошла сзади, он повернулся ко мне и, собрав всю силу и волю, я сказала: «Папа, смотри, какое пальто, спасибо». Он покрутил меня влево и вправо и сказал: «Хорошее пальто». По-моему, он тоже был взволнован. А я села на скамейку у окна и, наконец, выдохнула — будто бы груз с меня свалился. Я уткнулась в окно, оно было мокрое, и пальчиком написала на нем слово «папа». По стеклу тоже почему-то потекли капли, как слезы, но это были слезы радости: Я сказала это волшебное слово: «Папа!» Потом я стала его говорить уже легко, до конца его жизни. А вот слово «мама» ко мне так и не пришло. Я заменила его словом «мать». Потом к ее старости и болезни я употребляла слово «мама», но не думаю, что оно ее особо радовало.

Как бы ни было иногда тяжело, оно проходит. Я благодарю своих новых родителей за то, что они сохранили мне жизнь, они старались вложить в меня всё лучшее: честно жить, честно работать, не воровать, не обманывать, почитать старших, помогать ближним и всякое другое.

Когда мне брат сказал, что я осталась жить потому, что кому-то была нужна, я думаю, что стала нужна своему отцу, Ефрему Николаевичу, и своей матери Анне Андреевне (в девичестве Кутузовой). Они дожили до старости — 80 и 83 года, были ухожены и обласканы.

Отец, умирая, давал наказ: «Похорони так, чтобы все мужики пьяные были». Когда его похоронили, мужики сказали: «Ефрема похоронили, как министра». Мать тоже похоронили с почестями. Для меня лучшей оценкой за то, что я ухаживала за ними, это мнение деревенских жителей: «Они за Верой как за каменной стеной». Они завещали мне дом, в котором я живу каждое лето и встречаю своих сестер.

Брат умер в 2010 г., семья его осталась на Украине в Ивано-Франковске.

Война прошла по нашей жизни безжалостно, разрушительно. Что помогло нам выжить? Я думаю, что отец с *кутузовскими* генами сумел вложить в своих детей стремление к добру, выживать в экстремальных обстоятельствах, а их было у каждого из нас хоть отбавляй. Очень важно, что сестры и братья вроде бы и врозь, но стремились друг к другу, помогали друг другу, как могли. Как пример: я училась в институте, мне высылали деньги — Надя, Ольга, Клава, хотя сами во многом нуждались. Нужно было собрать деньги на кооперативную квартиру — скидывались все... и всего не перечислить. А какие все талантливые: брат, отслужив 20 лет в армии, поступил в пединститут, закончил его и еще 20 лет был педагогом, как отец. Надя рисовала, пела, отлично училась. Ольга пела, сочиняла стихи, училась и всех сестер заставляла учиться. Клава, Вера, Таня — все учились и работали, имеют высшее образование.

Война отнимала у всех здоровье, но, слава Богу, пока живы.

Война оставила без крова — сами добивались, все имеют жилье.

Война разрушила семью, а мы всегда старались быть рядом — по-семейному, сохранять лучшие семейные качества.

Потому что мы Кутузовы.

3 марта 2015 г.

Письмо с фронта (фрагмент) из коллекции краеведческого музея пгт. Спирово

ТЕОРИЯ ФОЛЬКЛОРА

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТВЕРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

О. М. Кузьмина

Эпоха Великой Отечественной войны охарактеризована высоким духовным порывом и ярким патриотизмом, которые сформировали целые пласты музыкально-художественной жизни в этот период. Они отличаются многожанровостью, стилевыми наслоениями, разновидностями исполнительских форм. Музыкальную культуру военного времени создавали фронтовики и партизаны, трудовое население тыла. Песни военных лет сочиняли и аранжировали профессиональные деятели искусств, самодеятельные поэты и композиторы, любители художественного творчества и участники самодеятельности, народные аутентичные ансамбли и отдельные исполнители.

Уже 22 и 23 июня 1941 г. в Комитете по делам искусств состоялось срочное совещание в связи с новыми военными условиями. 30 июня при Комитете создана специальная репертуарная комиссия по отбору новых произведений для профессиональных и самодеятельных коллективов. Осенью 1941 г. наркомат обороны своим приказом № 220 направил в действующую армию 12 тысяч, а зимой 1941—1942 гг. еще более 40 тысяч (!) гармоней для поддержания боевого духа солдат. Тогда на 40—50 человек специально выдавался один инструмент. Популярным инструментом на фронте и в тылу была гитара. В 1941—1943 гг. во многих республиках и областях были организованы конференции для руководителей самодеятельности в целях патриотического просвещения. Регулярными становились смотры, фестивали и олимпиады художественного творчества. Правительством было рекомендовано во всех воинских частях создавать группы танцоров, певцов, музыкантов, чтецов. Были разработаны особые программы по развитию культурно-просветительной и художественно-массовой работы, в числе первых значится Калининская область¹.

Музыкальная культура времен Великой Отечественной войны была разнообразна — это публикация и повсеместное обязательное распространение песен-листовок, где печатались известные песни военного времени, также регулярные полевые концерты лучших отечественных исполнителей, которые подчас проходили прямо на боевых позициях. Наконец, трансляции музыкальных передач на радиоточках. Во Ржеве, например, уже летом 1941 г. при госпитале² создаются концертная бригада и хор, которые обслуживали фронт. Ими руководил П. П. Павлов, хормейстер и музыкант³.

¹ Каргин А. С. Самодеятельное художественное творчество. История. Теория. Практика. М.: Высшая школа, 1988. С. 203—204.

² Здание сохранилось. Теперь здесь детская библиотека на ул. Большая Спасская. — О. К.

³ Павел Петрович Павлов / Сост. и ред. О. М. Кузьмина. Ржев: ГУ РПП, 2004. 32 с.

Остановимся на отдельных фактах из истории музыкальной культуры тверского края. В мае 1942 г. оркестр при Центральном доме Красной армии разделили на две части, одну из которых отправили на Калининский фронт, дирижером в ней был назначен Г. Фрид¹. Сохранились воспоминания одного из участников о выступлениях коллектива: «...30 июля 1942 года наши части в районе Ржева перешли в наступление. Ансамбль разбился на три группы: первая давала концерты для раненых (под баян); вторая работала санитарями, препровождая раненых в санчасти, бинтуя, снабжая кипятком и т. д.; третья группа участвовала в разборке полуразрушенных изб и налаживании из бревен въездов, мостов для прохода танков и артиллерии, которые буквально тонули в грязи. В результате боевых действий наших войск были освобождены города Карманово, Погорелое Городище, Зубцов. О работе ансамбля было отмечено в донесениях по 29-й и 30-й армиям»². В 1943 г. ансамбль, действовавший на Калининском фронте, был штатно закреплён при калининской филармонии. Его первым художественным руководителем стал Александр Капульский. Концерты проводились не только в Калинин, но также были выездными — по городам области выступления состоялись во Ржеве, Бежецке, Торжке, Максатихе, Вышнем Волочке и др.³.

На Калининском фронте перед армией выступают артисты фронтовой группы государственного театра им. Е. Вахтангова. Во фронтовой газете «Вперед на врага» в номере от 16 апреля 1942 г., в статье «Артисты в гостях у воинов», сообщается: «На <Калининский> фронт прибыла военно-шефская бригада московского театра им. Вахтангова под руководством И. Спектора и А. Габовича. Выступления артистов пользуются у бойцов огромным успехом. В программе выступлений: спектакль “Свадебное путешествие”, песенки в исполнении Васильевой, художественное чтение — Граве, пьеса “Солдат Зедельмейер”, комедия “С теплым ветром”, скетч “Со всяким может случиться”, музыкальная шуточная картина, детские стихи, старинный русский водевиль “Аз и Ферт” и др.». Поездка происходила в весеннюю распутицу, когда 150 км по пути в армию пришлось преодолевать 11 суток. Работа протекала на передовых, случалось играть и под огнем. Особый интерес представлял для бригады опыт показа целого спектакля в обстановке передовых позиций. Представление целой пьесы производит на бойцов глубокое впечатление. Там, где невозможно было играть спектакль, играли концерты. На Калининском фронте бригада работала два месяца⁴. Всего за время с 8 по 13 апреля 1942 г. бригада артистов дала в частях и подразделениях фронта 15 концертов и спектаклей⁵.

¹ Шилов А. Краснознаменный ансамбль Советской Армии. М.: Музыка, 1964. С. 53—54.

² Фрид Гр. Фронтовые заметки // Советская музыка. 1947. № 3. С. 32—34.

³ Дроздецкая Н. К. Музыкальная жизнь Твери и губернии. Тверь: ООО «Гид», 2008. С. 111.

⁴ Отчет о работе фронтовой группы государственного театра им. Е. Вахтангова и отклики в прессе на выступления артистов. (Не ранее 24 декабря 1942 г. — О. К.). Архив театра им. Е. Вахтангова. Рукопись.

⁵ «Десятый день выступает в наших частях бригада вахтанговцев. Концерты отличаются от обычных эстрадных. В них нет “чисто эстрадного” элемента. Нет традиционной пары плясун, акробатов, юмористов. Даже конференс здесь не эстрадный. Но концерты ничего не те-

Концертное обслуживание Калининского фронта включало и творческие встречи с поэтами-песенниками и писателями. Здесь выступали Ц. Солодарь¹, И. А. Васильев², А. А. Фадеев, А. Т. Твардовский, М. С. Бубеннов, К. М. Симонов, А. А. Сурков, В. А. Смирнов, Б. Н. Полевой и ряд других авторов³. О пребывании на Калининском фронте остались воспоминания артистов кино и цирка, кинооператоров⁴.

ряют от этого. Вахтанговцы подготовили для выступления перед бойцами и командирами передовой линии концертную программу, состоящую из нескольких скетчей, лирических злободневных песенок, фронтовых стихов, а также трехактную комедию. Зрители — от генерала до бойца — от души смеются и аплодируют. Они восхищены творческой работой молодого ансамбля. С несомненным вкусом и тактом составлена художественным руководителем т. Габовичем программа концерта. И поэтому скетчи не утомляют. Они чередуются с песней, частушками, стихами. Здесь нет необходимости перечислять все номера и отмечать лучших исполнителей, ибо все актеры играют хорошо, сознавая необходимость и благородство своего дела. И поэтому благодарные воины-зрители оказывают одинаковый прием всем актерам. Дружный коллектив, возглавляемый т. Спектором, имеет все основания называться фронтовой бригадой. Большинство концертов они дали именно для фронтовиков — бойцов и командиров передовых позиций. С первых же выступлений между актерами и бойцами установилось то чувство взаимного понимания, без которого не может быть успеха. После концерта бойцы тесно обступают своих гостей, с которыми они уже успели сдружиться. По четыре-пять концертов дает бригада ежедневно. Это очень утомляет и требует чрезвычайного напряжения сил. Но все концерты проходят на высоком художественном уровне. Не меньшим успехом пользуется и комедия «Свадебное путешествие». Несмотря на весьма стесненные сценические условия, на ряд условностей, актеры проводят весь спектакль легко. Играют они так, как играли бы на большой сцене. Артисты не опустили до уровня примитивной сцены, а подняли эту примитивную сцену на уровень большой. Патриоты-актеры: И. Спектор, А. Габович, Т. Блажина, В. Васильева, А. Граве, А. Голубев, В. Данчева, А. Данилович, А. Лебедев, Н. Мозяйкин, И. Соловьев, Н. Яновский делают большое и полезное дело. Они помогают оружием искусства громить врага. Один из зрителей-гвардейцев правильно выразил мнение бойцов о бригаде: «Это настоящие фронтовики». Политрук М. Ляховский». ЦАОДМ. Ф. 5196. Инв. № 1500. Л. 15—16.

¹ Солодарь Ц. Рассказ о неизвестном скрипаче // Советская культура. 1965. 23 февраля. № 23 (1827). С. 2.

² Васильев И. А. Путешествие с книгой в рюкзаке. М.: Московский рабочий, 1977. 184 с.

³ См.: Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1966. 640 с.; Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1966. 732 с.; Летописцы Победы / Сост. Б. С. Бурков, В. А. Мякушков. М.: Политиздат, 1984. 184 с.; Летописцы Победы / Сост. Б. С. Бурков, В. А. Мякушков. М.: Политиздат, 1990. 246 с.

⁴ См. Искусство в боевом строю [1941—1945]: Воспоминания, дневники, очерки / Ред.-сост. И. Сахаров / М.: Искусство, 1985. 400 с.; Нам дороги эти позабыть нельзя: Очерки, воспоминания. Ростов: Кн. изд-во, 1975. 304 с.; Иванов О., Кривицкий К. Вахтангов и вахтанговцы. М.: Московский рабочий, 1984. 158 с.; Служу Советскому Союзу! / Подгот. А. Петрова // Театральная жизнь. 1985. № 4. С. 10; Баскаков В. Экран сражается // Москва. 1985. № 5. С. 193—194; Он же. Крупным планом // Искусство кино. 1985. № 4. С. 174; Каюмов М. Оператор ошибался только раз... // Советский экран. 1985. № 9. С. 16—17; Загальская Н. Рампа на линии огня // В мире книг. 1985. № 5. С. 63; Миронова М. В., Менакер А. С. На Калининском фронте // М.В. Миронова, А.С. Менакер. В своем репертуаре. М.: ??, 1984. С. 145—147; Гурович А. Артист и воин // Советская эстрада и цирк. 1985. № 8. С. 14.

Уже с 1942 г. Всесоюзный Дом народного творчества начал организовывать экспедиции по следам боев в освобожденные от оккупации районы. Активный интерес к этому был мотивирован конкурсом собирателей фольклора¹. По результатам полевой работы в Калининском педагогическом институте им. М. И. Калинина в 1949 г. защищает диссертацию А. В. Аракчеева (Гончарова). Одна из глав работы называется «Развитие народно-песенной культуры в Ржевском районе» и напрямую посвящена песням только что прошедшей войны². Большой интерес представляет сборник «Тверские частушки», изданный в 1990 г., где представлено около 50 текстов из архива кафедры истории русской литературы филологического факультета о событиях Великой Отечественной войны³. Работа по публикации подобных материалов идет не только в областном центре, но и в районных городах, например, во Ржеве в 2005 г. вышла книга «Военные песни Ржевского края»⁴. В г. Твери же в 2010 г. был издан сборник «В памяти народной», составленный по итогам программы создания Фонда народных произведений о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и по архивным материалам области⁵.

Таким образом, музыкальная культура Тверского края в годы Великой Отечественной войны весьма разнообразна, однако до конца не описана и не систематизирована, в чем мы и видим перспективы ее изучения.

ВОСПОМИНАНИЯ О МИНЕРАХ-ПОДРОСТКАХ В БЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ

Н. В. Усачёва

Цель нашего исследования — сбор и систематизация информации о деятельности отрядов подростков-минеров в Бельском районе Тверской области. Работая над этой темой, мы проводили беседы с Владимиром Ивановичем Выражейкиным и Петром Ефимовичем Журавлёвым, записывали воспоминания и других очевидцев периода Великой Отечественной войны.

После освобождения Бельского района поля, леса, дороги, здания и брошенная техника были заминированы взрывными устройствами. Сначала мины обезвреживали саперы Калининского фронта, но они скоро ушли с советскими наступающими войсками на запад. Особенно много противотанковых и проти-

¹ О конкурсе см., например: На Калининском на фронте: Частушки Великой Отечественной войны: Хрестоматия / Сост. Е. М. Белецкая. Тверь: ТвГУ, 2005. С. 3. — *Прим. ред.*

² *Аракчеева А. В.* Развитие народно-песенной культуры в Ржевском районе: (К вопросу районного изучения фольклора): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1949. 16 с.

³ Тверские частушки / Сост. Ф.М. Селиванов, Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. М.: Московский рабочий, 1990. С. 56—61.

⁴ *Кузьмина О. М.* Военные песни Ржевского края. Ржев: ГУ РПП, 2005. 68 с.

⁵ В памяти народной: Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях: 65-летию Победы посвящается / Сост. Е. М. Белецкая, Л. М. Концедайло, Е. Г. Марина, М. В. Строганов; подгот. текстов А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. 204 с.

вопехотных мин было оставлено по направлению к деревням Нестерово, Егорье и Будино. Из-за обилия мин и неразорвавшихся снарядов нельзя было вести сельскохозяйственные работы, невозможно было без риска для жизни ходить по дорогам, т. к. было много случаев, когда люди случайно подрывались.

Жительница д. Будино Екатерина Митрофановна Пацуева вспоминала: «Однажды на сенокосе двадцатилетняя Мария Павловна Киселёва граблями зацепила за кольцо гранаты-лимонки и была ранена в живот. Ее доставили в госпиталь в деревню Васнево, но выжить пострадавшей не удалось. Как-то утром раздался взрыв у деревни Плоское. А потом увидели на зерновых коров. Тогда и поняли, что случилась беда. Оба пастуха, Валентин Петрович Чмаров и Павел Боровиков, были ранены. Один умер по дороге в деревню, второй — в бельской больнице на столе хирурга»¹.

Местные мужчины нередко сами разряжали снаряды, добывали медь, которую можно было продать в Белом. Молодые люди тоже пытались разрядить взрывоопасные предметы, в результате чего подрывались или калечились. Например, два подростка нашли мину, положили ее на бруствер окопа и стали стрелять из винтовки. Издалека попасть не смогли, подошли поближе. В результате попадания мина разорвалась, один подросток был убит, другой — тяжело ранен². По словам ветерана из Белого Виталия Ильича Никитина, среди его сверстников не было тех, кто не пытался бы разряжать взрывоопасные предметы. Сам он дважды уцелел чудом. Один раз загорелась на руках и на лице противотанковая жидкость Молотова. Получил сильные ожоги, но глаза уцелели. Во второй раз — неудачно разрядил мину. А мальчишкам из окрестных деревень повезло меньше: некоторые погибли, другие покалечились³.

Как известно, 19 февраля 1944 г. И. В. Сталин подписал постановление Государственного Комитета Обороны № 5216 «О привлечении местного населения к работам по разминированию». В дополнительном постановлении № 6564 от 19 сентября 1944 г. оговаривалось, что призыву подлежали лица не моложе 15 лет. В каждом районе, освобожденном от фашистской оккупации, формировали команду из 50—100 человек для очистки территории от боеприпасов и разминирования. Организацию работы возложили на Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству при руководстве военкоматов и райкомов комсомола.

В состав команды минеров-подростков должны были входить рабочие, колхозники, служащие, учащиеся не младше 15 лет обоего пола. Сельские советы освобожденных районов составляли списки и отправляли их в военкоматы, откуда затем присылали повестку: явиться, имея кружку, ложку, полотенце, для обучения минерному делу. При неявке — отвечать по законам военного времени. В Бельском районе создали две роты из подростков от 15 до 18 лет, пример-

¹ Алексеева Н. Это было под Белым // Бельская правда. 2010. 27 февраля. № 16. С. 3.

² Там же. С. 3.

³ Зап. Н. В. Усачёва от В. И. Никитина, 1931 г. р., г. Белый Тверской обл., 16.01.2015 г. Образование 8 классов, работал в районном узле связи, ныне пенсионер, родился в д. Асташутино Бельского р-на, ныне проживает в г. Белом.

но двести человек. Они были мобилизованы для участия в разминировании территории. Отличительной особенностью исследуемого района стало то, что подготовка минеров-подростков и их боевая служба началась раньше, еще в сентябре 1943 г. В. И. Выражейкин рассказывал, что человек 70 семнадцатилетних подростков из города и района военкомат собрал в двух больших немецких блиндажах на территории бывшего аэродрома. Десятидневную подготовку проводил лейтенант Никонов из военкомата. Потом на несколько дней подростков отпустили домой¹.

В конце сентября 1943 г. отряд бойцов-минеров строем двинулся к д. Плоское, где находится «Долина смерти». Старшим группы назначили Ивана Антоновича Дергачёва. В 2004 г. в газете «Бельская правда» были опубликованы его воспоминания: «Поселились в Плоском. Работать начали от деревни Черепы»². Осенью только собирали мины, гранаты и снаряды у д. Плоское и складывали в кучи, которые обезвредили весной следующего года. Наблюдал за работой ребят лейтенант из военкомата. Сначала направлялась разведка, чтобы определить, зимой или летом мины были установлены. Если зимой, то, после таяния снега, мины лежали на поверхности, а если устанавливали летом, то мины были присыпаны землей. За период в 1943—1944 гг. полное обезвреживание «Долины смерти» сделать не удалось.

По воспоминаниям П. Е. Журавлёва, который проходил подготовку в д. Пящино, где собрали ребят из Новгородовского и Понизовского сельских советов весной 1944 г., девушек в отрядах не было. Сами отряды минеров были небольшими, по 8—10 человек. 130-часовой курс по минному делу и 70-часовую программу подготовки бойцов-минеров подростки проходили ускоренно. Работали минеры в нескольких направлениях — на Нестерово, Егорье и Будино (Подвойское, Цицино, Плоское, поле у завода «Станконормаль», Кавельщино, Пушкарки, Заньково). Ветеран подтвердил, что больше всего из взрывоопасных предметов встречалось мин. Немецкие мины было легче искать, чем наши, потому что «у них порядок в минах существовал». Например, у нас были деревянные мины, мины «с сюрпризом». «Минер нашел и раскапывает круглую железяку. Потом он начинает тянуть, а там мины тросик и якорь-взрыватель. Дернул и готово — остался без рук или разорвало на части»³.

Многие минеры-подростки умели по траве определять, где есть опасность (когда ставили мины, нарушали верхний слой почвы). Настоящий миноискатель с наушниками был один на роту минеров. Пользовались преимущественно «щупами» — палкой с проволокой на конце или обычным шомполом от винтовки, привязанным к палке, и искали мины на ощупь. Шли шаг за шагом, чут-

¹ Зап. Н. В. Усачёва от В. И. Выражейкина, 1927 г. р., г. Белый Тверской обл., 15.02.2015 г. Образование 7 классов, работал токарем на заводе «Станконормаль», ныне пенсионер, родился в г. Белом, где и проживает.

² Казакова Т. Инструктор минных полей // Бельская правда. 2004. 26 октября. № 81. С. 2.

³ Зап. Н. В. Усачёва от П. Е. Журавлёва, 1927 г. р., г. Белый Тверской обл., 18.01.2015 г. Образование 6 классов, работал киномехаником в киносети, ныне пенсионер, родился в д. Раменка Бельского р-на, ныне проживает в г. Белом.

ко прислушиваясь, пытаюсь услышать скрежет железа. Необходимо было сделать до 40 «уколов» щупом на одном квадратном метре земли и только после этого переходить на следующий метр. Каждый минер проверял щупом или миноискателем полосу шириной 3 м. Обнаруженные взрывные предметы выносили на большак и там обезвреживали, чаще взрывали. Уничтожением мин руководил старший сержант или лейтенант из военкомата.

Часто находили немецкие «мины-сюрпризы». Их устанавливали там, где не было никакой необходимости. Например, такими минами нередко были заминированы оставленные землянки, дома, брошенные предметы одежды, места отдыха на лесных дорогах или поленицы дров. В лесистых местах между деревьями на высоте человеческого роста устанавливались мины-ловушки, человек, проходя мимо такой мины, наступал на невидимую проволоку, и она взрывалась. «Мины-сюрпризы» и «мины-ловушки» враг использовал для уничтожения живой силы. Минеры находили и ложные мины, в качестве их использовались пустые консервные банки. Они чередовались не в ритмичном порядке с боевыми минами. Обычно протяженность такого участка была около одного километра. П. Е. Журавлёв вспоминал, что самыми опасными были немецкие «прыгающие мины». Такая мина прыгает на 1,5—2 м, взрывается мощным взрывом. В ней 400 гр. тола и 365 шариков («два стакана»). Если среди наступающей части прыгнет, то может ранить примерно 25 человек.

Учет работы каждого минера велся по количеству сданных взрывателей. За лучшие показатели выдавали небольшие премии от 50 до 350 руб., а также оплачивали дополнительное питание. А на 10 руб. можно было купить только одну картофельную лепешку. Например, Владимир Петрович Павлов (родом из д. Конново) к первому октября 1945 г. обезвредил 897 мин. В Псковском архиве сохранились документы, подтверждающие эту цифру. Тогда Бельский район входил в состав Великолукской области. В сорок пятом, когда война закончилась, отряды подростков-минеров еще продолжали работу. День Победы, по воспоминаниям В. П. Павлова, они отметили своеобразным салютом. Собрали все свои «трофеи» в д. Заньково, сложили их в небольшие кучки и взорвали по очереди¹.

В. И. Выражейкин вспоминал, что в Бельском районе отряды минеров-подростков работали до ноября 1945 г. Их труд должен был оплачиваться, но ничего не платили, только обеспечивали питанием. Сначала кормили плохо, в 1944—45 гг. колхозы стали выделять продовольствие, и питание улучшилось.

Немало подростков при разминировании получили серьезные увечья. Из роты, где служили В. П. Павлов и В. И. Выражейкин, во время обезвреживания бомбы погиб Василий Арсеньев². При разминировании немецкой противотанковой мины погибли минеры Новицкий и Богомолов. Еще один погиб у д. Егорье. Его товарищи уже сели обедать, а он решил обезвредить мину. Мы не останавливаемся на подробностях гибели подростков, которые прозвучали в рассказах ветеранов. Всего же погибло несколько человек. Немало юных мине-

¹ Леонидова Л. Письмо пришло недавно // Бельская правда. 1993. 10 марта. № 17. С. 3.

² Там же. С. 3.

ров покалечилось. Несчастный случай произошел с Николаем Ивановичем Зуевым, с Иваном Антоновичем Дергачёвым.

В 1945 г. И. А. Дергачёв был инструктором минных полей, командовал взводом минеров. Под руководством капитана Ивана Степановича Векшина работали под Заболотьем. Ребята нашли 7 советских противотанковых мин. Как бы ни был осторожен Иван Антонович, но снаряд проржавел, и пока он вставлял запасную чеку, взорвался. Взрыв оказался несильным, видимо, тол отсырел. Посекло осколками подбородок, оторвало два пальца правой руки, сильно повредило третий. Из госпиталя в Калинин Иван Антонович вернулся инвалидом второй группы¹. Небольшие жертвы, видимо, объясняются наличием миноискателя и просто везением. Водителем-санинструктором в отряде подростков-минеров работал Егор Николаевич Марченков. Он оказывал первую помощь и отвозил раненых подростков в больницу.

В. И. Выражейкин вспоминал, что с неразорвавшимися снарядами работать было даже сложнее, чем с минами. Много наших снарядов оставалось в городе на месте рынка, в деревнях Рыжково и Селище. Снаряды выносили подальше от жилья, предупреждали жителей и взрывали. Например, много всего взрывали за улицей Жёлтые Пески, в районе еврейского кладбища.

После окончания войны работу по разминированию продолжали саперы-специалисты. Не прекратилась она и по сей день. Судьба юных минеров складывалась после войны достаточно драматично. Власти считали, что привлечение подростков к смертельно опасной работе афишировать нельзя. Никаких документов об участии в разминировании минерам-подросткам не выдавали, списки и приказы, хранившиеся в архивах, были засекречены. Ведь мобилизация подростков нарушала международную конвенцию «О недопустимости привлечения детей и подростков к ведению боевых действий», к которым относятся и разминирование.

В конце 1960—70-х гг. о бойцах-минерах заговорили краеведы. Немало материалов о них собрали музеи, стали писать о себе и сами минеры, которые просили признать их существование, оценить их труд и поставить в один ряд с другими участниками войны. Это дало бы возможность надеяться на льготы и восстановило бы историческую справедливость. Вопрос о судьбе и статусе бывших подростков-минеров обсуждался в различных инстанциях, в результате чего в марте 2001 г. был принят федеральный закон, по которому лица, выполнявшие функции саперов с 1-го февраля 1944 г. до 9 мая 1945 г., были отнесены к участникам Великой Отечественной войны. А те, кто занимался разминированием советских земель с 10 мая 1945 г. по 31 декабря 1951 г., этим законом были приравнены к ветеранам боевых действий.

Мы не можем сказать, сколько точно взрывоопасных предметов в 1944—1945 гг. обезвредили юные бойцы-минеры на территории Бельского района, какие площади сделали безопасными, пока сами подрывались, гибли и калечились, но пока удалось узнать имена 17 минеров.

¹ Казакова Т. Инструктор минных полей // Бельская правда. 2004. 26 октября. № 81. С. 2.

ИВАНОВЫ-ИЛЬИНСКИЕ НА ТВЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ: ОЧЕРК ФОЛЬКЛОРИСТА

Л. М. Концедайло

Михаил Ульянов как-то сказал о том, что мы боимся говорить громкие слова о своих товарищах, которые жизнью своей, своим непрерывным влиянием на тебя, делают и твою жизнь интересней и глубже. Мы чаще равнодушны, чем внимательны друг к другу, мы чаще готовы заметить в другом недостатки, чем достоинства, но ведь жизнь повернуть вспять никому не дано, и принимать эту жизнь нужно такой, какая она есть. И в этой жизни нужно признавать возможности и границы, достоинство и стыд. Многие проживают незаметную, но благородную жизнь, крепко стоят на земле, являются хозяевами жизни, которую любят безмерно. С этими словами великого артиста трудно не согласиться.

Человек, которому посвящен этот материал, на первый взгляд кажется обыкновенным, но его жизнь и судьба заслуживают внимания. С. П. Ильинский живет в Твери. В мае 2013 г. ему исполнилось 85 лет. О себе, военном пенсионере, много никогда не рассказывает, но юбилей обязывает, да и память ищет приюта. Звонит он редко, но в шутку и всерьез представляется так: «Вам звонит сын простых сельских учителей». Простых — да, но очень хороших, настоящих, которые любили сына, свою профессию и были патриотами. А ведь поистине счастлив человек, если в начале его пути стоит учитель, ближе и роднее которого нет на всем белом свете. Впрочем, об этом рассказывает и сам герой — о своей малой родине, о родителях и родне. О детстве говорит, о войне, о вере, о службе в армии, о семье и о нынешней жизни. Говорит с простотой и сердечностью, говорит, понимая, что «жизнь прожить — не поле перейти». Его дядя, Алексей Петрович Иванов — знаменитый оперный певец, памятник которому стоит в центре г. Бежецка.

Сергей Павлович Ильинский родился 25 мая 1928 г. в д. Обросово, которая сейчас относится к Молоковскому району Тверской области. Детство его прошло в местечке Узмень — погост на правом берегу оз. Верестово в 7 км от г. Бежецка. На погосте находилась кирпичная церковь с оградой, церковно-приходская школа на 4 класса тоже из красного кирпича, кладбище, расположенное на двух курганах, и жилой поселок, состоящий из домов церковнослужителей. В обиход местных жителей вошло слово «Узьменщина», объединяющая деревни, входящие в приход этой церкви: Стогово, Шалиха, Климотино, Потесы (с харчевней), Выдумерь, Мурзиха.

По воспоминаниям Сергея Павловича, его дед — Александр Александрович Ильинский (25.05.1870 — 5.10.1942 гг.) служил дьяконом в этой церкви¹. «Он был высокого роста, плечистый, с большой бородой и лысой головой. Не-

¹ Никольская церковь в с. Узмень была построена в 1812 г. Здание ее сохранялось до начала 1960-х гг., когда церковь была разрушена. Кирпич от храма пошел на засыпку дороги в д. Стогово. См.: Брагин В. И. Так погибали Бежецкие церкви: Книга-покаяние. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. С. 474.

смотря на житейские тяготы, находясь без пенсии, он не терял бодрость духа. Как я помню, всегда улыбался, был шустр и ласков. Одежонку носил сшитую из старых церковных облачений. Бабушка Александра Яковлевна, урожденная Петропавловская, была дочерью псаломщика из ближнего с. Алабузино. В отличие от деда, бабка была небольшого роста, очень подвижная и хозяйственная. Помню ее у русской печки, которая была для нее самым приятным местом. Сидя на печи, мы видели, кто и когда приходил в дом; на печи мы играли, беседовали и не мешали взрослым.

В конце 1920-х гг. дедушкин дом по указанию местных властей был перевезен из пог. Узьмень в д. Стогово и поставлен возле пруда и пожарного депо. Дом был большой, под хорошей железной крышей и комнатами на чердаке, где можно было спать и сушить лук. У дома был участок земли, и поэтому лук, морковь, картошку, ягоды, яблоки мы имели в достатке.

После смерти стариков этот дом был продан в д. Растовщи, где находится и по настоящее время, а на старом месте стоит другой дом, с тремя окнами. В семидесятых годах я побывал в этих местах. Местные старожилы помнили деда и меня спрашивали: “Ты что, Ильинский, что ли?” Я говорю: “Да, Ильинский”. — “Алексей или Павел?” Я отвечаю: “Павла сын”. Дело в том, что Алексей был высокого роста, а Павел, мой отец, среднего. Дедушка был многосемейный. У него было 11 детей. Я помню их имена: Александр, Алексей, Макарий, Павел, Глафира, Елена и т. д. Вера — последняя дочь (мы звали ее почему-то Верочка) учительствовала в Узьмене в начальной школе, а после разрушения школы и продажи дома она работала и жила при школе д. Стогово. Нам, внукам, очень нравилось бывать у деда в гостях, особенно летом. Озеро болотистое, с запасами торфа, было очень богато рыбой.

Стогово стоит торцом к озеру и упирается в погост. Местные крестьяне держали большие стада гусей. Гуси белые, лапы красные. Вожаки стаи нас, ребяташек, близко к стаду не подпускали. Бывало, помню, бежит на нас гусак, распутив крылья, шипит, нагоняет на ребяташек страх.

В Петров день (12 июня) на территории погоста ежегодно проходила ярмарка. Это приятное зрелище. На ярмарке продавалось много товара. Местные крестьяне привозили свои изделия: горшки, кринки, рукомойники, различные свистульки. Трудно перечислить, чего там только не было. Дед брал нас с собой и покупал, по нашему выбору, свистульки и сладости. На ярмарку приводили животных — лошадей, коров, овец. Привозили большое количество дегтя и уголь для кузницы и для самоваров. Из “Монастырщины” — тарантасы, телеги, сани, возки. Были угощения спиртного порядка. Тут же появлялись уже и пляски, а бывало, и драки.

Ярмарка начиналась рано, с 6 утра, и до вечера. Одежда людей была пестрая из домотканой ткани. Ходили люди летом босиком, а сапоги и баретки одевали, когда подходили к церкви или на ярмарки. В церкви по случаю Петрова дня совершались богослужения, и был звон колоколов.

Кстати, я уже отмечал, что у дедушки было одиннадцать детей. Старший сын Александр окончил Тверскую духовную семинарию и служил в Торжке.

Судьба его трагична. Он был репрессирован. Помню, как в последний раз он приходил к нам в Обросово, видимо, проститься. Мои родители сказали, чтобы мы его встретили. Было лето. Сенокос. И вот мы сложили уже сено в копны и увидели его. Дядя был среднего роста, с черной бородой, в белой рубаше поверх брюк, в сапогах и соломенной шляпе. Мы сразу побежали домой сообщать родителям.

Деда со стороны матери звали Петр Михайлович Иванов (1870—1943 гг.), учился в Тверской духовной семинарии. Дед был серьезный, служил дьяконом в Воскресенской церкви с. Чижово. Бабушка — Клавдия Матвеевна Иванова (в девичестве Полозова). Среди их детей самым знаменитым был Алексей Петрович Иванов (1904—1982 гг.). Имя этого человека — певца, народного артиста СССР, солиста Большого театра, известно всем любителям отечественной музыки. А. П. Иванов в 1932 г. окончил Ленинградскую консерваторию. В северной столице он начал свою творческую карьеру, сначала солистом Ленинградского Малого оперного театра, а с 1938 г. солистом Большого театра СССР. Иванов часто приезжал на свою родину и выступал перед земляками в Бежецке».

Родители Сергея Павловича Ильинского — Павел Александрович и Мария Петровна (урожденная Иванова) были учителями, которые окончили школу Максимовича в Твери. Отец преподавал русский язык и за свой труд получил орден Трудового Красного Знамени. Мать работала учителем математики и физики. Награждена Орденом Ленина. В школу Сергей пошел на два года раньше, чем его сверстники, потому что родителям не с кем было оставить бойкого и смышленного мальчишку. Лучшие детские годы пришлось на войну. Вот как он сам рассказывает об этом: «Во время войны я был подростком. Ходить в школу начал рано, так как родители были учителями. Жили в то время в с. Еськи Бежецкого района. Войну в деревне не ждали. Страшную новость узнали по радио. Сразу начался срочный призыв в армию. Уже в первый призыв ушел на фронт двоюродный брат Шурик Иванов, 1917 г. р. Повестки приносила в село почтальонша — пожилая женщина, которая вручала их возле сельского совета. Сразу 50 человек отправились на фронт. Помню 4 подводы, на которых разместились по 16 человек. Многие до фронта так и не добрались, так как сильно бомбили железную дорогу.

Помню, как моя тетка Шура приготовили своему сыну деревянный чемодан, в который положила полотенце, смену белья, хлеб и сухари. Дед, дьякон Чижевской церкви, благословил сына. Всей деревней провожали новобранцев до Бежецка. Женщины плакали. Дорога от Есек до Бежецка в те годы была 37 км. Многие из парней играли на гармошках. Особенно отличался игрой Павел Алексеевич Бычков.

Подводы вернулись без мужиков. Кстати, 30 самых лучших и сильных лошадей тоже отправили на фронт. Потом стали приходить редкие письма. Меня, как самого грамотного, часто просили прочитать письмо или написать ответ на фронт. Обычно я начинал писать каждое письмо такими словами: “Брось дело свое. Прочитай письмо мое! Во первых строках своего письма спешу сооб-

щить, что мы живы и здоровы, чего желаем и тебе...”. Далее соседи уже говорили, о чем писать: о детях, родне, хозяйстве, о коровушке, которая дает 5—6 литров молока и т. д.

В 1943 г. я случайно подслушал разговор отца с матерью. Отец говорил негромко, но убедительно: “Маня, я больше не могу смотреть на женщин, у которых мужья на фронте. Я должен, несмотря на бронь, пойти на фронт”. И пошел. Его и дядю Костю повезли в Красный Холм в “скотском” вагоне. И в 13 лет я стал единственным мужиком в семье и выполнял всю взрослую работу. Вечером получал наряд от бригадира, который говорил: “Завтра будем бороться, сеять или косить”. У нас была лошадь по имени Чайка. Я ее запрягал в *одер* (это такая телега) и возил навоз, сено, овес. Работал на ферме и в коровнике».

В 2009 г. мне довелось вместе с Ильинскими побывать на их родине, познакомиться с жизнью и бытом бежецких старожилов. В д. Колохово осталось всего три дома. В одном из них жила Екатерина Александровна Казарина (Апонкина), 1914 г. р. Дом старый. Высокие ступени крутой лестницы ведут в сени, а из сеней двери ведут в просторную с низким потолком комнату. Большая русская печь, а за ней чулан — «бабий кут». Хозяйку застали за уборкой. Она готовилась к встрече праздника Успения Пресвятой Богородицы. Этот праздник почитался в округе.

О своей жизни баба Катя поведала немного. Муж умер в 1943 г., и больше замуж она не выходила. Работала дояркой, скотницей, растила единственного сына. На «беседы» ходила редко, но помнит, что в их деревне играли «чижа» и «русского». Много лет работала на ферме, ходила за «овцам», «за откормышникам». Работала «аж до 80 лет», а «за огромную работу заработала пенсию в размере 4600 рублей».

Она была прихожанкой храма в с. Чижово, хорошо помнила деда С. П. Ильинского. Вспомнила, что самыми знаменитыми в округе были праздники Никола летний и Никола зимний; заметила, что в Успенье ходили, да и сейчас ходят, на кладбище и кладут яблоки на могилы родственников. А еще она рассказала, что в соседней д. Воронья Нога жила бабушка-знахарка, по фамилии Копьева, которая лечила грыжу («грыз заговаривала») и делала лечебную настойку из 24 трав. По словам бабы Кати, в этих местах была прославлена чудотворная икона Божья Матерь «Сиротская». Хозяйка была хорошей рукодельницей. Делала домотканые скатерти, полотенца и подзоры и т. д. Песни, частушки уже не помнит, хотя вся округа была песенной.

ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ «НАИВНЫХ» АВТОРОВ

ФОЛЬКЛОР И «НАИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗАПИСЯХ С. Я. ВОЛКОВА

*Вступительная статья и публикация
А. А. Петрова, И. Д. Петрушенко*

В архиве кафедры истории русской литературы филологического факультета ТвГУ хранится машинопись С. Я. Волкова «Фольклор военных лет», которая состоит из 19 листов. На первом листе после названия стоит следующая запись: «Собрано Волковым С. Я., проживающим по адресу: г. Калинин, ул. Н. Кирьянова, д. 27, кв. 2»¹. В машинописи представлены частушки, песни, стихотворения. Хотя отдельные тексты из этого собрания и публиковались, но у сотрудников кафедры не было никаких биографических сведений о собирателе². Однако в ходе учебной практики в 2014 г. студентке первого курса направления «Филология» И. Д. Петрушенко удалось разыскать подробную информацию об этом человеке и его деятельности.

Как оказалось, в музее школы № 2 г. Твери хранится аналогичная машинопись, помимо которой в архиве учебного заведения есть автобиография Семена Яковлевича. Это самозапись, которая сделана автором в 1983 г. Из текста становится известным, что родился он в д. Калистово Старицкого уезда Тверской губернии в 1903 г. Окончил 4 класса, участвовал в Великой Отечественной войне.

Перед нами не только тексты, собранные С. Я. Волковым, но и стихотворения собственного сочинения, которые относятся к «наивной литературе». Представляется перспективным дальнейшее изучение рукописей Волкова и школьного архива. Ниже мы приводим ряд текстов из его коллекции и часть автобиографии собирателя, сохраняя стилистику автора.

1. Автобиография

Мне, Волкову С. Я., довелось за всю свою жизнь иметь большие трудности в жилищном условии. Я родился 16 июля 1903 г. в семье крестьян д. Калистово бывшего Емельяновского р<айона> на Калининской обл.<асти>. Было нас у отца с матерью, когда я родился (а я был последний по рождению, одиннадцатый, в живых седьмой), пять братьев и две сестры. Сестер выдали

¹ Архив кафедры истории русской литературы ТвГУ. Машинопись. Л. 1.

² Частушки, песни и стихотворения в записях С. Я. Волкова / Подгот. текста А. А. Петров, М. В. Строганов // В памяти народной: Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях» (65-летию Победы посвящается) / Сост. М. В. Строганов и др.; Ред. А. А. Петров, М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 98—126.

замуж. Старший брат женился и уехал с женой в Петроград и там жил с семьей до революции. Он был в армии, а жена с двумя детьми приехала к нам в деревню в войну 1915 г., а он — 1917 г. Второй брат жил в деревне, на сезон уезжал в Ленинград, а жена была в деревне. В конце 1916 г. этот брат умер, осталась жена с двоими детьми, и нас скопилось семья 12 человек. Третьего брата отдали «в мальчишки» на 4 года в Калинин к купцам Сутугиным, у которых проработал семь лет. В 1916 г. его взяли в солдаты, где он и пробыл до конца войны 1920 г.

После второго брата дети умерли: сын умер в том же году, а дочь через три года, а еще год прожила и его жена, умерла. В 1918 г. построили дом старшему и отделили его, у них уже было четверо детей. В 1920 г. третий брат женился. В 1924 г. я женился и в этом году брату дом выстроили и отделили. Я, последний, остался с родителями в старом доме, и пошли мои трудности с перестройками. Обветшал двор; двор построили, дранью покрыли. Сарай плохой — новый построили, дранью покрыли; амбар покрыли <...>¹.

2. Фронтовые частушки

Гитлер, враг, заставил мучиться,
Заставил он страдать,
Многим, многим своих милых
Не пришлось увидеть.

3. Мы победу отвоюем,
Мы своими силами
Перебьем когда фашистов,
И вернемся к милым.

4. Я скучаю по тебе,
Дорогая Ниночка,
Напиши ты о себе,
Как живешь, кровиночка.

5. Я пишу тебе, родная,
Фрицев бью я и кладу,
Не скучай, моя милая,
С ним я кончу и приду.

6. Перебьем когда фашистов,
Землю всю освободим,
И победой боевою
Свой народ вознаградим.

¹ Самозап. С. Я. Волкова, 1903 г. р. Архив школы № 2 г. Твери.

7. Покорителя Европы
Всюду русские разят,
В Сталинграде дали трепку,
На Кавказе бьют, тузят.

8. Разорили фрицы жителей,
Их угнали из села,
Партизаны с ним разделались
За этаки дела.

9. Партизаны разбивали
Не один их эшелон,
И, завидев партизан,
Фриц бежит с деревни вон.

10. Место занято фашистами,
Это страшная пора,
Фриц последнюю коровушку
Уводит со двора.

11. По захваченным селам
Фрицы рыщут по дворам,
Что найдут, всё забирают,
Своим фраум отправляют.

12. Отступали где они,
Всем разруху сделали,
Зажигать постройки фрицы
Дом от дома бегали.

13. Деревня пожгли бандиты,
Города разрушили,
Мирных жителей угнали,
Всю их жизнь нарушили.

14. Немцы «тигры» выпускали,
На весь мир кичились,
Эти «тигры» в наступленье
В груды превратились.

15. Немцы «тигры» напускали,
«Тигры» лезли напролом,
Русский воин хладнокровно
Превращал их в металом <!>.

16. Мы бесстрашные герои
И идем с восторгом в бой,
С руководством командарма
Всех фашистов перебьем.

17. Мы за Родину стоим,
Фрицам землю не дадим,
А что заняли фашисты,
С честью всю освободим.

18. Слава доблестным героям,
Слава павшим борцам,
Слава ваша вековечна,
Удостоена венца.

19. Вам венок сплетем из розы
И могилы возведем,
И на смену вам, героям,
Из запаса мы идем.

20. Отомстим мы вам, злодеи,
За страдания семей:
И за павших за героев,
И за посмеих дочерей.

21. Эта месть уже начата,
И возглавил ореол
Наш Великий Полководец
Сталин — доблестный орел.

22. Не придется нам дожидаться
В помощь Англию, других,
Мы решили сами драться
И изгнать врагов чужих.

23. Слава доблестным героям,
Слава лучшим борцам,
За победу Сталинграда,
Слава вам, богатырям.

24. Как ударила «Катюша»
По траншеям на врага,
Фрицы сразу врассыпную
Побежали кто куда.

25. Подбегают к краю русских
И кричат: «О руса, Русь!»
Поднимают руки кверху
И кричат: «Я вам сдаюсь!»

26. Разгромим врагов-фашистов,
По заслугам им дадим,
И за ихние проделки
Им пощады не дадим.

27. О защитниках-героях
Память вечно будет жить,
И в историю России
Имена запишут их.

28. Пишет милка: «Ей-ей-ей,
Бей ты фрицев, не жалей,
Перебьешь всех этих гадов,
Приезжай ко мне скорей».

29. Бейте фрицев, бейте гадов —
Все народы будут рады,
Бей, чем под руку попало,
Чтоб в России их не стало.

30. Лейся песня веселее,
Пой не хуже соловья,
Питомцы Ленина и Сталина
Родные сыновья.

31. Играй гармошка веселее,
Ударяй на все басы,
Не щади в бою германца,
Не тронь девичьей красы.

32. С первым маем поздравляем,
С твердой верой идем в бой,
Чтоб изгнать фашистских гадов
Со своей страны родной.

33. Враг сильнее стучит зубами,
Не боимся мы его,
Всё равно фашистским гадам
Не топтать нашей земли.

34. Наградим мы вас землею
В эксплуатацию <!> сдадим,
По три метра на каждого
Земелькой наградим.

35. Гитлер Планы создает,
От провала мечется,
Геббельс сводки растерял
И в больнице лечится.

36. Наша армия на запад
Всё же движется вперед,
Врагов армия фашистов
От нас скоро удерет.

37. Деловая наша конница,
Казаки удалы,
Порубали фрицам головы
И скрылись вдали.

38. Мы страничку уделили,
В боевой листок ввели,
Про войну все описали
И частушку завели.

39. Хорошо так распевают
Прилетные птюшечки,
Между дел я сочиняю
Разные частушечки.

40. Скоро мы услышим радость,
Что война кончается,
И фашисты-главари
На петле качаются.

41. Геббельс, Геббельс, враль коварный,
Прекратил ты песни петь,
А придется тебе, гаду,
На веревочке висеть.

42. Эх, фашистская война,
Она всех расстроила,
У всех свободу отняла,
Всех обеспокоила.

43. Ох, трудов нам всем досталось,
О, ужасная война,
И сирот и вдов осталось
Сотни тысяч, не одна.

44. Миллионы загубили
Вы, фашистское зверье,
Себе жизни не нажили,
Вы, поганое хламье.

45. Грустно всё же быть в разлуке,
Много время не видать,
По своей семье любимой
Здесь на фронте тосковать.

46. А страданья всем наделал
Гитлер, пакостный злодей,
Злобу все к нему имеем,
Месть настанет, чародей.

47. Жизнь нарушили фашисты,
Ее снова создадим,
Кто нас вздумает затронуть,
Тому тоже в нос дадим.

48. Эту жизнь воздвигнем снова
От героического труда
И фашистов всех накажем,
Не уйти им от суда.

49. Наши летчики советские
Летают высоко,
Будет, будет с милой встреча,
Нахожусь хоть далеко.

50. Мы к границам подкатили,
И Берлин недалеко,
Схватим Гитлера и вздернем
Мы на дыбе высоко.

51. Разорвем на половинки,
Рассечем ему мы бровь,
Будешь знать, кровавый Гитлер,
Ты повыпил нашу кровь.

52. Про Лизу Чайкину

Лиза Чайкина дивчина
Самая отчаянная,
Но кончина ей досталась
Самая печальная.

Не один уж раз в разведке
Она сведенья брала,
Благодарность ей давали
За отличные дела.

Она живет, живет поныне,
Она вечно будет жить,
Свою личность, свою славу
В сердце всем могла вложить.

53. Ленинградская блокада

Вспомнить страшно
Вот так вдруг...
Расскажи, как пережил ты
Все те ужасы, мой друг?

Каждый день бомбежка, выстрел,
Каждый день смертей кругом,
А кто крепкий и сильнее,
Выручать бежит бегом.

Холод, голод, страх и ужас
Ему стали нипочем,
Он старался быть полезным,
Шел и в пыл и в жар плечом.

Сколько гибло от фашизма
Неповинных там людей,
Всё ж дождались и прорвались,
И прогнали их, зверей.

Наказать фашистов нужно,
Наказать их, палачей,
Как была б во мне та сила —
Передушил бы сволочей.

54. Разоренье людей фашистами

Как жаль то, что люди страдают,
Жаль их, что томятся в тоске,
Война так ужасно губительна,
Конца ее ждать вдалеке.

Та сила фашистская, вредная,
Напала на мирных людей,
Разрушено творчество гениев,
Погублено много идей.

Фашисты, что этим достигли,
Кичились светлых идей,
Тем самым много стран разорили
И много сгубили людей.

Проклятие вечное будет
Народов разоренных стран,
Настанет то время расплаты,
О, фюрер, безумный тиран¹.

55—58. Торговые частушки

Разорили нас фашисты,
Заново всё строится,
И советская торговля
Должна перестроиться.

Вот дешевые конфеты,
Есть и лучший мармелад,
В магазине всего вдоволь,
Всё пошло на новый лад.

Кто занялся преступлением,
Начал водку разбавлять,
Беспощадно таких стали
В изолятор отправлять.

Получили бочку пива,
А продали полторы,
Потому что жарко было,
И расперло от жары¹.

¹ Архив кафедры истории русской литературы ТвГУ. Машинопись. Л. 1—6.

59. Эх, комсомолочка, ты чисто русская,
Погибла армия германо-прусская.

60. Италонемщина довоевалась
Да с инвалидами она осталась.

61. От артиллерии пламя вилося,
А сколько фрицев там повалилося.

62. Эх, война, ты разорение,
Сотрем фашистов мы поколение².

63. Мечты солдата третьей военной весны

Весной вся природа оживает,
Распускают листочки кусты,
В садах же цветы зацветают...
О прошлом мечты, все мечты.

Весной в жилах кровь закипает,
Весной даже крепко не спишь,
И снится тебе, будто вправду,
К милой на свиданье спешешь.

Проснешься, волнуешься крепко,
Ощущаешь — один ли лежишь,
Воображенья тебя обманули,
И сам ты себя рассмешил.

Глядь, рядом с тобою винтовка,
Патроны, гранаты лежат,
Вблизи слышен звук миномета
И пули, как пчелы, жужжат.

И столько людей разлучили,
Заставили столько страдать,
И в бойне губительной этой
Конец всё же стало видеть.

А столько погибло народа
В Европе и прочих странах,
Зачинщик всем этим страданиям
Всё фюрер — безумный тиран.

¹ Там же. Л. 7.

² Там же. Л. 7—8.

Страданиям длиться недолго,
Мученьям настанет конец,
Но и суд же ему будет страшен,
Узнает безумный подлец¹.

64. Весна 1943 года

Весна, весна желанная,
Весна всего милей,
Прилетай к нам, пташка,
С дальних стран скорей.

Снег уж начал таять,
Ручьи журчат смелей,
Долина оголилась,
Грачи сидят на ней.

И солнце ярче светит
Над нашей головой,
Когда ж придет отрада,
Солдат ты боевой.

Поход так за походом
Третий год подряд,
И вряд ли уцелеет —
Разбитым будет враг.

Они на нас напали,
И бьются без конца,
И в этой смертной каше
Добьемся мы конца.

Мы ненавидим злобно
Фашистскую войну,
Но как не рветесь, гады,
Освободим страну.

Дадим вам по заслугам
За зверские дела,
И снова заликует
Советская страна².

¹ Там же. Л. 10.

² Там же. Л. 10—11.

65. Вот цепь, которою был скован,
Россия, твой истерзанный народ,
Престол царей на ней был узаконен,
Который мучил нас из года в год.
Веками долгими под гнетом царевластья
Мы эту цепь позорную несли,
Не видя в жизни радости и счастья,
Нам не было ни воли, ни земли.
Мы были жалкими, забитыми рабами,
Мы с ранней юности страдали под бичом,
Мы на помещиков работали веками,
Нас обирали всюду и кругом.
Настали дни. Оковы сняли
Марксисты, Ленин в октябре,
Счастливой жизнью зажили
Народы всей нашей страны.
Явился Ленин. Сверг оковы,
Стряхнул он с нас со всех тогда,
Но как буржуи ни старались
Вернуть господство для себя,
Но их с России всех убрали,
Повергли в пропасть навсегда.
Фашизм явился им на смену,
И вероломно он напал,
И с твердой верою в победу
Он до Москвы так наступал.
Наш полководец, стратег великий,
Всю мысль фашистскую учел,
На всех фронтах навел порядок
И в наступление повел...
Вот двадцать седьмая годовщина,
И все мы видим результат:
Как фашистская машина
Опрокинулась назад.
Фашизм погибнет безвозвратно
От силы, мощи трех держав,
Как сгиб царизм, как сгибнет Гитлер,
Будь проклят, пакостный удав¹.

66. Гибель германского фашизма

Отгремели раскаты боевые
И фашистов немецких помели,

¹ Там же. Л. 11—12.

По заслугам злодеи получили,
И не будет для них места на земле.

Главари фашисты-атаманы
В Аргентину спасаться побегли,
Но спастись нигде им не удастся,
Хоть беги на самый край земли.

С руководством наших полководцев,
Наши воины сражались как львы,
От Москвы до самого Берлина
Гнали фрицев в логовы свои.

За Отчизну, Родину святую,
Немало храбрых с честью полегли,
Но сломить им русского солдата,
Как ни рвались фашисты, не смогли.

Трехдержавным союзом закрепили
Безопасность в будущем свою,
Чтоб фашисты вновь не окрылились,
Не подняли б голову свою.

И три знамя над Берлином заалели
За победу человечества земли,
Чтоб народы мирно бы зажили
И никогда не встретили войны¹.

67. «На 1-е Мая 1945 года»

Первое мая — праздник Победы,
Праздник четвертой военной весны,
Флаг трех держав над Берлином алеет,
И узы фашистов не стали тесны.

И всё за едино сплоченною силой
Фашистов коварных мы с вами добьем,
И всё разоренное снова построим,
И мирною жизнью в семье проживем.

О храбрых воинах, павших в сраженьях,
В наших сердцах остается навек,
О подвигах славных запишет история,
О них прочитает любой человек¹.

¹ Там же. Л. 12.

68. «Тоска по мужу» (песня фронтовая)

Ой, мой милый, как томлюся,
Ненаглядный, по тебе!
Не дождусь, когда же свидимся,
Буду ль, друг мой, при тебе.

Ах, как пылко тебя встречу,
Когда, милый мой, придешь,
Ласки ты давно не видел,
От меня так не уйдешь.

Расцелую с пылким жаром,
Страстью всей прильну к тебе,
А теперь скажи, мой милый,
А теперь, ты друг мой, где?

С фронта слух не получаю,
Ненаглядный, по тебе,
С каждым днем сильнее скучаю,
Рвется сердце всё к тебе.

Только б глазки твои видеть,
Хоть калекой бы пришел,
Всё равно в своей любезной
Ты б измены не нашел.

69. За полями, за долами,
Там жена моя живет,
Она занята делами,
С грустью песенки поет.

Ходит в полюшке за плугом,
Обрабатывает поля,
И грустит она, тоскует,
Вспоминает про меня.

Скоро ль, скоро ль будет встреча,
Скоро ль кончится война,
Успокаивает сердечко,
Что без мужа не одна.

¹ Там же. Л. 12—13.

А вчера пахала в поле
И намокла под дождем,
Почтальон принес известье,
Что Берлин освобожден.

Загорелось ретивое,
Сердце дрогнуло в груди,
Милый жив, так будут встречи
В нашей жизни впереди.

И прошло немного времени,
Загудели рупора:
Вся Германия добита,
И кончается война.

70. «Зверство фашизма»

Ах, война-война прежестокая
Погубила немало людей,
<С>только слышится да и пишется
Про страдания мирных людей.

Этот случай был при отступлении,
Когда шли они мимо селом,
Всё сжигали там до основания,
А где рамы — побили колом.

Мирных жителей, работоспособных,
Немцы гнали в свой тыл напролом,
Стариков и детей — убивали их,
А где жгли, заперев по<д> полом.

В селе Ордылево Смоленской области
Мирных жителей, всех до одного,
Фашисты-изверги всех их заперли,
А потом и сожгли их живьем.

Кто пытался уйти, так стреляли в них
И автоматами были в упор,
Сколько ж всех людей фашисты-изверги
Уничтожили их до сих пор.

Недалек тот час, и расплатятся,
Жертв мы их не забудем вовек,

А всех жертв легло в селе Ордылево
Оказалось сто семь человек¹.

71. Тоска по Родине

Служу на фронте я, скучаю,
И денечки всё считаю,
И настанут ли они,
Эти радостные дни.

Чтоб могли мы вновь видаться
И природой наслаждаться,
Жить вмест<е> в своей семье,
Быть полезным всей стране.

Грустно всё же быть в разлуке,
Много время не видать,
По своей семье любимой
Здесь на фронте тосковать.

А страданья всем наделал
Гитлер — пакостный злодей,
Злобу все к нему имеем,
Мсть настанет, чародей.

Свою жизнь воздвигнем снова
От героического труда
И фашистов всех накажем,
Не избегнут от суда.

Идет стройка полным ходом,
Время установится,
Что разрушили фашисты,
Снова восстановится.

Снимем больше мы продуктов
И получше заживем,
Что разграбили фашисты,
Всего снова наживем.

Все нас атомом пугают,
Атом, бомбы-водород,
А применяют, как фашисты,
Им дадут наоборот¹.

¹ Там же. Л. 14.

72. «31-я армия освобождала г. Калинин»

31-я армия в войне силой отличилась,
Калинин весь освободила, ловко получилось.

И в дальнейшем наступали и не посрамились,
Смоленск взяли, к белорусам немцы покатились.

После Минска — Лида, Гродно, к Сувалкам покатились,
На границе подержались — в Пруссию свалились.

Так дошли и до Берлина,
Там наш флаг красуется,
Кто там не был и не знает,
Пусть поинтересуется.

И всю Пруссию прошли,
И за Кенигсберг мы бились,
Всё прорвали — в плен забрали,
Победы добились².

К нам союзники пришли,
Победой поделились,
А фашисты-главари
Сразу усмирились.

31-ой армии герои в боях отличились,
И фашистов они бить силой научились³.

73. Золото мое колечко,
Золотое, витое,
Моего миленочка
Нашли в Германии убитого⁴.

74. «Разгром под Сталинградом»

Гитлеровцы к Сталинграду подкатились,
Наши маршалы тут спохватились,
Сделали правительственный Совет.
Жуков, Рокоссовский, Конев
Сделали между собой совет

¹ Там же. Л. 15.

² Это четверостишие дописано. — *Прим. ред.*

³ Там же. Л. 15—16.

⁴ Там же. Л. 16.

И сумели гитлеровскую армию
В кольцо загнать, как бешеных овец,
И им предложили сдаться,
А они сильнее стали рваться,
Надеялись прорваться.
Так наши их и начали кромсать,
И никто не мог уже их армию спасать.
Когда почуяли, спасенья нет,
Их маршал Паулюс кричи в ответ:
«О, Руса-Руса-Руса», —
И поднимает руки кверху: «Я сдаюсь».
И их тут всех разоружили,
И все они в войне той отслужили.
На подступах, что были войска те, откатились,
На Курской дуге, там закрепились.
Наши войска там всё прорвали,
И до Берлина их погнали¹.

75. Особое место было в плане «Барбаросса»,
Но взять Москву не удалось,
И поработить им нас не удалось.
Весь Гитлера запал пропал,
И в затяжную он войну попал.
И гибли люди всей земли,
И наши, и они — со всей страны.
И продолжалось не один уже год,
Измотали весь народ,
Фашисты, ненависть тая,
Сгоняли пленных в разные края.
И кто не шел в защиту их, зверья,
Сжигали в крематориях пленных, не щадя.
И генералы, и офицеры, не согласившиеся
Для них служить, водою обливались ими
И открыто убивались, и не давали им
На свете много жить.
И, наконец, они довоевались,
Суда великого дождались.
Были повешены зачинщики-фашисты,
А с некоторыми разделались танкисты,
Война закончилась победою для нас,
А их наш человек проклинять будет вовек².

¹ Там же. Л. 16.

² Там же. Л. 16—17.

76. «Размышление солдата третьей военной весны»

Весна всегда желанна,
Весна всего милей,
Но не разбиты банды
Врагов и палачей.

А снег уж начал таять,
И вновь журчат ручьи,
Долины заселяют
Уж стаями грачи.

И солнце ярче светит
Над нашей головой,
Когда же в бой последний,
Не слышал, друг ты мой?

Походы за походом
Вот третий год подряд,
И хоть всё с каждым годом
Слабеет страшный враг.

Но он еще грозитя,
И он еще силен,
Еще не раз вонзится
В Россию клином он.

Но наш солдат отважен,
Не выдюжит фашист
Растущей силы нашей,
Обратно побежит.

А мы его догоним.
И в логове врага
Такой разгром устроим,
Чтоб помнил навсегда.

Что Русь была и будет
Для них сплошной стеной.
Когда ж приказ прибудет
Идти в последний бой?

Чтоб вновь заликовала
Священная страна,
Другой весне сказала:
«Вот и свободна я»¹.

¹ Там же. Л. 17.

Н. С. ПЕТРОВА
«В 41-м ГОДУ МЫ НЕ ПРЕДВИДЕЛИ БЕДУ...»¹

Подготовка текста М. А. Петровой

В 41-м году мы не предвидели беду,
Мы жили мирно: кто работал, кто учился,
У каждого была своя мечта,
Но всё нарушила война.
22 июня, не объявляя нам войну,
Немцы напали на страну.
Хотели нашу землю захватить,
Людей в рабов всех превратить.
Обрушились на нас
С такой громадной силой:
Танки, пушки, и пехота,
И тысячи самолетов —
На нашу землю все пошли.
Бомбили города и села,
Горели крыши и дома, —
Так начиналась война.
Наши братья и отцы
И постарше молодцы —
Все уходили на войну
Защищать свою страну.
А в деревне ребятишки
На время отложили книжки,
Шли работать на поля,
Ведь в них нуждалась земля.
Нужно было хлеб убрать,
Чтоб врагу не отдавать.
И они со стариками
Поспешно убирали хлеб.
Шла великая война
И тяжелейшие сраженья были.
Земля горела под ногами.
Храбро сражались наши части
На всех фронтах,
Спасая родину от вражеской напасти,
Но силы были не равны.
Враги захватили нашу землю:

¹ Нина Сидоровна Петрова, 1929 г. р. В настоящее время проживает в г. Андреаполь Тверской обл. Родилась в с. Отскочное Хлевенского р-на Липецкой обл. Закончила Конь-Колодезский сельскохозяйственный техникум, работала ветеринаром. В 1950 г. переехала в Андреаполь, где работала в леспромхозе.

Устраивали ограждения,
Сгоняли всех туда людей,
Расстреливали и сжигали,
На детях опыт проводили.
Был слышен голос девочки одной:
«Мама, мама, помоги!
Сильно горит в моей груди!
Я так больше не могу!», —
Кричала девочка в бреду;
Мать не может ей помочь,
Ее сожгли <в> прошлую ночь¹.
Шла та война почти четыре года,
Сколько тогда погибло там народа.
Тысячи убитых, раненых, изуродованных,
Пропавших без вести,
Кругом всё слезы и страдания,
Но немцы шли в глуб<ь> нашей страны:
Вот уж Ленинград окружили,
Рвались к Москве всё ближе.
Ближе шли они...
Вот уж видна была Москва,
Но Сталин тут издал Указ:
«Под угрозой расстрела
Ни шагу не отступать назад».
Собрались с силой наши люди:
«Катюши», танки и пехота,
Самолеты корабли вдруг
В наступление пошли —
Погнали тут врага с нашей земли,
Туда, откуда те пришли.
За границу и до Берлина мы дошли,
Захватили мы рейхстаг
И укрепили на рейхстаге
Свой Советский флаг.
Девятого мая в 45 году
Мы закончили войну,
Объявили Победу —
Сколько радости и слез
Тогда народ наш перенес.
Но каждый год
Победу празднует народ,
Никогда не забывает
О той чудовищной войне...

¹ Диалектное. Без предлога. Распространено в этой местности. — М. П.

Г. Н. БАЛАКИРЕВА
«Я ПОМНЮ»¹

Подготовка текста А. А. Петрова

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой,
Крутится-вертится, хочет упасть...
Папка домой очень хочет попасть.

Из письма отца с фронта

Я помню церковь на краю села
И в васильках ржаное поле...
Я помню дом чужой, где я росла,
Он был ничей, хоть называли «школьным».

В тот дом вселились беженцы из Ржева,
С тройной фамилией одна семья,
Отец ушел на фронт (он не вернулся),
С чужою мамой воспитывалась я.

Велел нам ждать. Ведь это «очень нужно» —
Всем папкам «злую гидру» раздавить,
Сказал: «Живите, крошки, дружно,
Вот вам наказ мой: дружно жить.

Не ныть, не хныкать — папка ваш вернется,
Когда разгонит злую немчуру,
А вам расти, зарядку делать,
Водой обливаться поутру.

И все заботы, радости и грезы
Делили мы с тех пор на четверых,
А в день Победы вместе лили слезы,
Не дождались любимых и родных.

И, повзрослев не по годам за осень
(Тогда я рассудительной была),
И мальчику с протянутой рукою
Кусок последний хлеба отдала.

¹ Галина Николаевна Балакирева, уроженка г. Ржева. В настоящее время проживает в д. Стан Лихославльского р-на Тверской области. Отец автора, письма которого упоминаются в стихотворении, Николай Петрович Шишков.

Расплющив нос о мерзлое окошко,
Смотрела долго, чтоб не упустить
Сокровище мое в чужой ладошке,
Которое лишь раз успела откусить.

Тепла сердец людских и нам хватило,
Земной поклон за это, люди, вам,
Вы сделали, что было в ваших силах,
И хлеб, и скорбь делили пополам.

А годы шли, и раны рубцевались,
Ведь время — лучший лекарь, говорят,
Хоть слово «сирота» не забывалось,
И средь толпы отца искал мой взгляд.

Он был учитель, мирная профессия,
Он очень всех детей любил на свете,
Любил жизнь, немало знал и песен,
И руки — золото, и сам всегда был весел.

Погиб в июле, в сорок третьем,
Свинца осколок в сердце получил,
За ту любовь свою к нам — детям,
Он дорогой ценою заплатил.

В последних письмах песню про «Катюшу»,
В окопах сочиненную, прислал,
И внук его на первых же уроках
Пред всеми первоклашками читал.

«Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немцев за рекой,
Это наша русская “Катюша”
Немчурам поет “за упокой”.

В страхе немец в яму прыгать станет,
С головой зароется в сугроб,
Но и там мотив его достанет,
И станцует прямо в гроб.

Будет помнить душечку-“Катюшу”,
Будет помнить, как она поет,
Из врага выматывая душу,
А бойцам отваги придает...»

Да, память сердца не подвластна годам,
Мы до сих пор их образы храним,
Вот и теперь — спустя уже полвека,
Побыть хотелось бы минуту с ним.

Л. Г. СОКОЛОВА
«ШЕСТЬ БРАТЬЕВ»

Подготовка текста А. А. Долгополовой

Александру Васильевичу Бемову¹

Война. Шесть братьев Бемовых

Да, война... война,
Не спросясь, в дома ворвалась.
Только что окончив сев,
Люди спешно собирались,
Распрощаться не успев.
Ох, война, война! Надолго ль?
Жуть. Беда. Куда ни глянь —
Неиюльской тревогой
Накатилась эта рань.
И пошли суды да слухи:
Что да как, про срок войны...
Мы и сами, мол, не мухи,
Мы со Сталиным сильны.
Александру Пузыреву
Бемов-старший говорил:
— Принесет война народу
Много горя. Разорит.
Митька, может, не успеет,
Может, кончится война,
Ну а Шурка того лиха,
Надо знать, хлебнет сполна!
Шурка хмурился в ответ,
Что ж — ему 15 лет.
А повестки тут и там
В мирные колхозы
Приносили мужикам

¹ Поэма, написанная жительницей с. Ведное Рамешковского р-на Тверской обл. Лилией Григорьевной Соколовой в 2007 г., бывшая учительница, сейчас на пенсии. Текст посвящен ветерану Великой Отечественной войны, местному жителю. Выражаем сердечную признательность Павлу Сергеевичу Иванову, предоставившему этот материал. — *Прим. ред.*

Прямо на покосы.
И ушедших мужиков
Бабы заменяли:
В плуги запрягли быков,
На себе пахали.

Нашу землю рвут снаряды
На советской стороне,
И у Бемовых два брата
Оказались на войне.
Разве скажешь: воевать
Муторно, тяготно?
Ведь Отчизну защищать —
Трудно, но почетно.
Удалось из Конотопа
Николаю сообщить:
— Расстаемся ненадолго,
Ухожу фашистов бить,
Я с победою вернусь,
Дело мне знакомо...
И письмо то наизусть
Выучили дома.

Но зато писал Иван
Даже из похода:
Под Смоленском бьет врага,
Он уже комвзвода.
Здесь кругом война и бой.
«А пишу я, кстати,
В передышке вам письмо
Прямо на прикладе.
Гром, огонь и кутерьма,
Громыкнуло снова...»
После этого письма
От него — ни слова.

Павел собираться стал
Мстить за кровных братьев,
Он пороги обивал
В райвоенкомате.
— Не подходишь, парень, но
И в тылу ты ловкий,
На восток погонишь скот —
Вот тебе путевка.

Комсомольский секретарь
Как никто старался,
Всё же трех коров в пути
Он не досчитался.
С ним короткий разговор:
— Значит, враг!
— Поверьте, клевета!
Арест. Позор.
Оправданье в смерти.
Павел пал не на войне,
Но война — причина,
Горе шло по всей стране,
Горе и кручина.

Где Иван и Николай?
Почему не пишут?
Но обидные слова
Эти не услышат.
А Павлуше вышло пасть
Жертвою подлога;
А у Бемовых опять
Горе и тревога.

Похоронки зачастили
То в один дом, то в другой,
Почтальоны приносили
Кому радость, кому вой.
Да еще тогда в село
Много беженцев пришло,
Всех кормили, чем могли,
Всех обогревали,
Благо, с хлебом в эти дни
Там забот не знали.
Записали всех ребят,
Что в деревне были,
В охранительный отряд
Телеграфных линий.

Положение в стране
Было все сложнее,
И призвали в октябре
Брата Алексея.
Мать рыдала на меже,
Плакала у тына,

Но готовили уже
Четвертого сына.
Настает и Шуркин срок,
Хоть годков шестнадцать:
— Что поделаешь, сынок,
Надо собираться.
Он отцу сказал, рукой
Обнимая спину:
— Ты уж маму успокой,
Если я погибну.
И вручил Закон войны,
Снайперскую долю:
Это нужно для страны,
Испытаешь волю.

Расползлась война-змея,
Всюду смерти сея,
И оплакала семья
Брата Алексея.
Ох уж эти похоронки!
Стон стоял. Но жил колхоз.
Наши бабы и девчонки
Реки выплакали слез!
Саша снайперскую школу
Покидает — и в поход,
А его уже встречает
Первый Украинский фронт.
Хоть военного содома
Стал стихать круговорот,
Но шестой солдат из дома —
Дмитрий в армию идет!
Был в семье отец-хозяин,
С болью в сердце на войну
Шестерых сынов отправил...
Не сберег и мать, жену.

Александр на войне
(В сорок третьем было),
И на долюшку его
Ужасов хватило.
И танкисты, и пехота —
Каждый знал судьбу свою,
И комбат, и помкомроты —
Все погибли в том бою.

Здесь, под Киевом, в бою,
Он на бранном поле
Храбрость показал свою,
Мужество и волю.
Киев всем был дорогой,
Грудью защищали,
Александру за тот бой
Орден Славы дали.

После госпиталя вновь
Бил врагов, неистов,
И за всех своих братьев
Отомстил фашистам.
Пуля снайпера, лети,
Прوماха не зная,
Ну, счастливого пути,
Ты — за Николая!
И тебе пришел конец,
Изверг окаянный,
Получай, фашист, свинец —
Это за Ивана.
Чашу выпил фриц до дна,
Вытряхни же душу,
Вот тебе, всего одна,
Это — за Павлушу!
Разгулялся по Руси,
Видели злодея,
Ты пощады не проси!
Вот — за Алексея!
А потом уже Сашок,
Метко и упрямо
Бил фашистов сколько мог,
Это всё — за маму!

Он был храбр, умен, красив —
Этому поверьте,
И за всех он отомстил,
Не поддавшись смерти!
Мстил за свой родной народ,
Мстил за разорение,
Шел с дивизией вперед —
Было наступленье.

СТИХОТВОРЕНИЯ о 262 СТРЕЛКОВОЙ ДЕМИДОВСКО-ХИНГАНСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ОРДЕНА СУВОРОВА ДИВИЗИИ¹

*Вступительная заметка и
подготовка текстов С. С. Лазутина*

В публикации представлены стихотворения о 262 стрелковой Демидовско-Хинганской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Автор первого текста, который называется «Родная 262-я», — Н. В. Дмитриева, старший лейтенант гвардии, бывший командир эвакуационного отделения в 323 отдельном медико-санитарном батальоне. Второй текст — это отрывок из стихотворения о медсестре Гране Морозовой. Его автор — врач-хирург Елена Александровна Акулова из этого же медицинского батальона. К сожалению, вторая часть в машинописи не читается, поэтому мы публикуем только отрывок этого стихотворения. Об Агриппине Ивановне Приимак (Морозовой) известно то, что родилась она 6 июля 1922 г. в д. Климово Старицкого уезда Тверской губернии, скончалась же 19 ноября 2001 г. В годы Великой Отечественной войны А. И. Морозова пошла на фронт добровольцем, где служила в 323 отдельном медико-санитарном батальоне при 262 стрелковой дивизии. До 55 лет была донором. И третий текст в данной публикации — это также сочинение Е. А. Акуловой.

1. «Родная 262-я»

Взлетают, парусом играя,
Полка простреленных знамен,
И двести пятьдесят вторая
Уходит в первый эшелон.
А ночь стальными голосами
Бежала лесом вдаль,
И мы за ней теми лесами
Спешили под Валдай.

Атака. И в строю армейском
Мы ринулись вперед
И разгромили под Смоленском
Полки фашистских орд.

Калинин, Ржев и город Белый,
Лычково, Русса, Старица,
Мы совершили подвиг смелый,
И память не состарится.

¹ Дивизия принимала участие в боях подо Ржевом, Белым, освобождала г. Калинин. Стихотворения из архива краеведа Л. М. Концедайло. — *Прим. ред.*

Екатериновка, Чичаты,
Горела в пламени земля,
На смертный бой ушли солдаты
В ту ночь у Черного ручья.

Демидов, Витебск, Каунас,
И Расейняй, и Юрбаркас —
Здесь полегло немало нас,
Кто землю от фашизма спас.

Израненных березок стоны
У братских горестных могил,
Их имена не всем знакомы,
Но подвиг их неповторим.

Бои за города и села,
Тильзит, Метгетен, Кенигсберг
Освободили мы, и снова
Наш путь в Японию теперь.

Хинган и Порт-Артур за нами,
Квантунской армии конец,
Гордись, мать-Родина, сынами,
Вплели что лавры в твой венец.

2. «Граня Морозова»

Почти без знаний, без диплома,
Без увлечения медициной
Она явилась в медсанбат,
Когда слышала набат.

С собою принесла она
Желанье силы все отдать,
Пока еще идет война,
Пока дано людям страдать.

И в жизнь кипучую включилась,
И сердце радостно забилося,
Когда увидела она,
Что здесь, как все, она нужна.

Она тогда была ткачихой,
Умела только ситцы ткать,

Ну, скажем, стала б поварихой,
Не стало б то нас удивлять.

Она же чести заслужила
Стать медицинской сестрой,
Безукоризненно служила,
Не охраняла свой покой.

Ей дорог был покой солдат,
Сраженных пулею в бою,
Нуждой попавших в медсанбат,
Подчас у жизни на краю.

Искусство к жизни их вернуть,
Вернуть здоровыми их в строй,
Лишь верно только те поймут,
Кто в деле жертвовал собой.

Она была всегда готова
На зов любой и в час любой,
Сегодня, завтра, снова, снова —
Всегда пожертвовать собой...

3. «О, если б знала мама»

Последние дни сентября,
Не видно уж солнца три дня,
Туча за тучей бежит,
Уныло дождик моросит.
Прохладу дня сменяет холод ночи,
Всем хочется войти в жилье,
У теплой бы печи
Сомкнуть покрепче очи.

Вот в эти дни лежит в степи один
Тяжело раненный боец,
И думы лишь одни:
«Хотя бы нашел меня какой-то молодец.

О, если б знала мама,
Что здесь я так страдаю,
От хлада замерзаю,
От жажды изнываю».

Когда прошло пять суток,
Бойца того нашли,
Не потеряв минуток,
К хирургу принесли.

О, как воспрял он духом,
И как он стал весел:
«О, если б знала мама,
Что я теперь спасен».

Не весел был хирург —
Теория и опыт ему здесь подсказали,
Столь дорогую жизнь
Спасти можно едва ли.

Все меры применили,
Чтоб эту жизнь спасти.
Пять суток всё решили —
Всему виной они...

То был Степанов Коля
В свои лишь двадцать лет...
Фашистам — злым тиранам —
Пощады нашей нет!

З. А. ВАЛЕНТИНОВА **ВОСПОМИНАНИЯ И СТИХОТВОРЕНИЯ¹**

Подготовка текстов С. А. Соловьёва

1. Я хочу поделиться своими впечатлениями о войне. Шел 1941 г., молодые папа с мамой строили планы в мирной жизни. Им было по 30 лет, а нас уже было 4 детей: сестре Лидии было 7 лет, она уже собиралась в 1 класс; я, вторая дочь, Зинаида, мне шел пятый год; брату Виктору не было трех лет; и последняя, сестренка Глафира, ей было всего 5 месяцев. Жили дружно, спокойно. И вот, как гром среди ясного неба — война, она ворвалась в каждый дом, а деревня у нас большая: без малого 300 дворов. Помню, как провожали отца на войну, приказано было явиться в Кушалинский военкомат. Мы всей семьей пошли провожать его за деревню. Он нес на руках брата, мама — маленькую сестренку, а мы с сестрой держались за мамин подол и плакали, даже не соображая о чем. Он поцеловал нас всех и пошел в сторону Кушалино, где был военкомат, а

¹ Зинаида Александровна Валентинова (Елисеева), 78 л., проживает в с. Ведное Рамешковского р-на Тверской обл. Является представительницей ведновского промысла (вышивка) и «наивным» писателем. — *Прим. ред.*

мы стояли до тех пор, всё махали ему руками, пока он не скрылся из вида, больше мы его не видели. С фронта он прислал маме одно письмо: «Нахожусь под Москвой, станция Люблино», — и всё, и в подмосковной мясорубке он пропал без вести, себе славы не заработал, и мы были всегда безотцовщиной. Жилось очень, очень трудно и бедно. Есть было нечего. Летом ели всю траву, которая съедобная, ходили в лес за грибами, ягодами, потом мама варила суп грибной, казался нам таким вкусным, и варила щи с крапивой, я до сих пор в мае месяце варю себе щи с крапивой, но только ем их со сметаной и яйцом, и запах этот всё помню. Подспорьем была еще и речка наша, где летом целыми днями ловили рыбу решетом, чтобы сварить суп и немного пожарить на воде в печке; выйдем на берег, а на ногах пиявки присосались штук десяток. На ногах были цыпки, мама вечером мыла нам ноги, а мы плакали от боли. Зимой сидели дома, обуви не было, были одни валенки на всех. Дед не успевал их латать дратвой. Гуляли по очереди. Помню, как немецкий самолет бросал бомбы, мы только вышли на улицу, мама стала полы мыть, а нас отправила на улицу, чтобы ей не мешались. Выходим из крыльца, а он (самолет) прямо на нас летит. Летел так быстро, взрослые говорили, что наши самолеты его настигали. Ему лететь было тяжело, и он начал бросать бомбы. Три бомбы упали прямо сзади нашего дома, метрах в ста вдоль реки. Позднее, и когда мы ходили купаться, нам всегда нужно было проходить мимо этих воронок, и мы всегда говорили: «Этот немец бомбил». Помню, когда освободили Калинин, и стали подбирать убитых солдат и развозить по деревням, хоронить. А так как у нас в Ведное в здании нашей школы был госпиталь, то и в нашу деревню привезли целую машину трупов. Мой дед Николай, по наряду председатель колхоза, ходил рыть большую общую яму, и туда всех похоронили, среди них был один немец в новых валенках, а дед был обут в чунях. «Я, — говорит, — хотел снять с него валенки, но совести не хватило, пусть покоится в валенках, а я буду ходить в чунях». Когда немцы были в Калинин, нам вечером не разрешалось зажигать лампы в доме или занавешивать наглухо окна, чтобы света было не видно, мол, деревни здесь нет — от бомбежки.

...Вспомнила войну и голод,
Керосиновой лампы огонек,
На столе хлеб с лебедою,
Щи с крапивой, да картошки котелок...

В декабре 1941 г. нам прислали похоронку, как и многим нашим землякам: «Ваш муж, Елисеев Александр Николаевич, пропал без вести. Декабрь 1941 г.». Мы остались сиротами — безотцовщиной. Помню, мама всегда плакала, когда утром топила русскую печку, чтобы что-то нам сварить поесть. Мылись в печке, мама пока нас по очереди вымоет, а бабушка с дедом нас принимали, а потом сами мылись. Когда был немец в Калинин, в деревню приходили беженцы, просились переночевать. А к нам как дверь откроют, у нас от двери до окна были одни постели, где мы спали. Они сразу уходили, некуда было положить никого. А когда кончилась война, радости не было предела, я уже кончала 1-ый класс, все сразу побежали в центр деревни, плакали от радости,

обнимались. Многие не вернулись наши мужчины, по «Книге памяти» их почти 400 человек. Жизнь не стала лучше: мама стала вдовой в 31 год с 4-мя детками на руках, нас надо было обуоть, одеть, накормить. Я так и прожила в деревне, сейчас мне 78 лет, живу одна без привилегий, что отец пропал без вести, как дети войны.

2. «О вас, вдовы войны»

Мадонны постаревшие, красивые,
Неважно, что морщинки возле глаз.
О, вдовы! Гордость нации России,
Сегодня мало так осталось вас.

Устало на коленях руки сложены,
Но отдыха не ведают они,
Вы всё смогли. Вы всё на свете можете —
И так — десятки лет, за днями дни...

А помните, веселыми девчонками,
Сияя, шли под свадебный венец?
И вдруг лавиной черной — похоронка:
Ваш муж пал смертью храбрых... Всё? Конец!

А горе без конца и всякой меры,
Но руки детские и тонкий голосок,
И дом, и поле, фермы и карьеры —
Все ждало ваших рук — быстрее и в срок.

А жизнь текла. Прощания и встречи,
Неласковая вдовья судьба...
И свадьба внука, правнука и щебет:
«Ну, что ты плачешь, миленькая, ба!»

3. Частушки ко Дню Победы (60-летие)

Жители на пасху всё в домах помыли,
Мусор свой от дома к соседям утащили.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Колхозники наши живут небогато,
Работать работай, а не проси зарплаты.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Дома зарастают лопухом-осокой,
Заблудиться можно, как в лесу глубоком.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

За зиму деревню свалкам завалило,
А весной с водою в Кушалку всё поплыло.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

6 десятков в мире без войны прожили,
День и ночь работали, страну восстановили.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Работали много военные дети,
Теперь наступило для нас лихолетье.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Работали честно, не бояся <страны>,
Обузой стали мы для новой власти.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Демократы власть всю в руки захватили,
Всё добро народное, ловкачи, скупили.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Газ гонят в Европу наши олигархи,
Деньги свои ложат в Швейцарские банки.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Политиков дети живут за границей,
Им качают деньги из нашей столицы.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Уран за границу Черномырдин сплавил,
А свои ракеты без него оставил.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Жириновский в Думе долго заседает,
А иногда по мордам кулаки пускает.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Посмотрел бы Сталин, что в стране творится,
Всех бы их отправил на Соловки трудиться.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Мы куплеты эти последний раз пропели,
Власти нам сказали, что не нужны мы стали.
Кому это надо, никому не надо,
Кому это нужно, а никому не нужно.

Н. А. СОЛНЦЕВ
«В ВОСЬМОМ И ДЕВЯТОМ УЧИЛИСЬ...»

Подготовка текста Т. В. Талалуевой

В данной публикации представлены воспоминания Н. А. Солнцева (текст № 1), записанные им 24 октября 1995 г., а также стихотворение Николая Андреевича, сочиненное в 1947 г. (текст № 2). И воспоминания, и стихотворение записаны автором на белых альбомных листах. В настоящее время они хранятся в краеведческом музее пгт. Спирово Тверской области¹. Ниже мы публикуем эти тексты, сохраняя авторский стиль, но приближая пунктуацию и орфографию к современной литературной норме.

1. Полвека назад под ударами советских войск пал последний оплот милитаризма — Квантунская армия Японии. Так закончилась Вторая мировая война.

Время отделяет от нас события тех грозowych дней, стирает очертания. Но главное, что пришлось пережить, навечно запало в памяти. Я один из тех, кто за четыре года военного лихолетья испытал все круги ада, потерю родных, односельчан, испытав себя в экстремальных условиях.

В 1943 г. наш эшелон выгрузился в Монголии, в студеное декабрь на ст.<анции> Чойбалсан. Большинству из нас шел 18-й год. Нас разместили в земляных казармах. С первых же дней большое внимание уделялось нашим тренировкам с полной боевой выкладкой. Однако главной задачей было укреплять оборону. Долбили замерзшую, трудно поддающуюся землю под окопы и блиндажи.

¹ Пользуясь случаем, выражаю сердечную благодарность директору музея, Николаю Александровичу Шубину за предоставленный материал и возможность его опубликовать. — Т. Т.

По мере свершавшихся успехов на западе изменялись и наши задачи. Мы перестали копать окопы и готовиться к обороне. Тренировки, тренировки, тренировки — подъемы по тревоге не один раз в ночь (1043 стрелковый полк 284 стр.<оевая> дивизия).

Нас подняли по тревоге, и больше в казарму мы не вернулись, а точнее — вернулись после победы над Японией.

То, что встретили и пережили на марше в пустыне Гоби Монголии, было сверх всяких ожиданий. Стояла невыносимая жара. Ежедневно многие десятки бойцов и офицеров страдали от солнечных ударов и выходили из строя, а то и прощались с жизнью. Чтобы уберечь личный состав от воздействия палящих лучей солнца, марши в основном совершались в ранние утренние часы и вечернее время. Воду не пили, а сполоснув рот, выплевывали, ибо напиться было невозможно, иначе упадешь, потеряв сознание.

После преодоления 400-километровой пустыни предстояло захватить и преодолеть перевалы хребта Большого Хингана, ибо с 9 августа 1945 г. Советский Союз в состоянии войны с Японией, отвергшей требование о безоговорочной капитуляции. Хинган — 300-километровая ширина, преодоление которого <!> потребовало много человеческого пота и жертв. По хребту проходила монголо-китайская государственная граница, полное бездорожье. Суровый, безжизненный хребет. Мы буквально карабкались по кру<тым> горным склонам. На подъеме толкали пулеметную тачанку, а на спусках держали вагами и руками, чтобы не сорвалась в пропасть. Японские войска находились за главным хребтом Большого Хингана. Мощный огонь и стремительные действия гвардейцев сломили сопротивление врага. Японский гарнизон был разгромлен.

Поражала выносливость и самоотверженность наших воинов. Штурм Большого Хингана в невиданно сжатые сроки по неизведанным тропам вошел в летопись истории военного искусства как героический подвиг советского народа.

Оставив позади остроги Большого Хингана, мы начали многокилометровый марш по Маньчжурской долине. Ежедневно, прошагав 40—50 км, шли в период муссонных дождей, которые сменили монгольскую жару. Шли и спали, не просыхая от воды. Теперь воды было слишком. Грязи, в которой утопали кони и люди по колено.

Победа в боях за разгром укреплений не была бескровной, и при их штурме отдали жизнь немало наших бойцов и командиров.

Сложное время переживаем мы сегодня. Очерняется и перечеркивается прошлое. Но каждый из нас должен быть твердо уверен в том, что, в конечном счете, истина восторжествует.

Я счастлив и горд, что в труднейшую для Родины годину мог принять сильное участие в борьбе наших доблестных Вооруженных Сил и вместе с ними пережил горечь наших потерь (у меня отец, Солнцев Андрей Степанович, погиб на войне) и радость Победы.

Но наши мучения на этом не закончились. Несмотря на то, что мы были недалеко от Порт-Артура и железной дороги (КВЖД), нам предстояло возвра-

щаться вновь пешим порядком, т. е. вновь преодолеть 1500 км до места, откуда вышли (МНР), — гор.<од> Чойбалсан. Перед строем полка командир дивизии полковник Баджелидзе нас убедил в том, что мы не сможем вернуться живыми по железной дороге. Скрывшиеся в горах японские «смертники» не пропускают ни одного воинского эшелона. Все летели под откос.

Отдохнув 10 дней, мы пустились в обратный поход, теперь уже мирный. Преодолеть расстояние в 1500 км до гор.<ода> Чойбалсана было уже не так тяжело, однако в конце похода пришлось спать в палатке под снегом. Шли в зимнем обмундировании. И вот мы снова в гор.<оде> Чойбалсан. Наши земляные казармы — без нар, без рам — окна. Всё унесли монголы. Восстановили — лесоматериал прибыл из Союза. Служба подходит к концу срока, т. е. к 2 годам, и мы мечтали о возвращении домой. Но не тут-то было. Приехали с Дальнего Востока представители и увезли наш 1926 год в гор.<од> Артем, затем во Владивосток. И вот еще 5 лет службы на подводных лодках В<оенно->м<орского> флота. И только в ноябре 1950 г., когда Тихоокеанский флот был в боевой готовности «раз», с расчехленными орудиями кораблей, неожиданно нас демобилизовали. Боевая готовность была в связи с военными действиями в Корее. Мы же постоянно выходили в море «на позиции» к берегам Кореи, в одной из которых вышли в атаку на двух подводных <лодках> США, однако атака в боевую не превратилась. Американцы застопорили ход и встали на прибор «Спрут», и мы не могли их обнаружить. Сами же у них под носом оставались мишенью еще несколько дней — ночью над водой, а на день погружались.

В ночь с 6 на 7 ноября наш эшелон с двумя паровозами впереди и одним сзади отправился с демобилизованными из Владивостока, в эту же ночь пытались нас столкнуть с курьерским Москва-Владивосток, убив стрелочницу и переведя стрелку. Только благодаря бдительности машинистов паровоза удалось избежать трагедии. И всю дорогу до Москвы продолжались провокации.

24.10.95 г. <Подпись> Солнцев Н. А.

2. В восьмом и девятом учились,
Когда разразилась война,
К тому, к чему мы стремились,
Нам помешала она.

В ноябре сорок третьего года
Со школьной скамьей попрощался
И заданный урок до ухода
Недоученным остался.

Из десятого класса был призван
И поменял я ручку с пером
На боевую, покрытую славой,
Винтовку с граненым штыком.

Впереди предстояла тяжелая служба,
Время настало долг свой отдать,
Обязала нас воинская дружба
Бесстрашным защитником Родины стать.

В необозримую даль унеслись
Школьных мыслей лихие полеты,
Принимая присягу, мы поклялись,
Что будем Отчизны своей патриоты.

Начал службу в далекой пустыне,
За пределами нашей страны,
По той, всем известной причине,
Что на Востоке мы ждали войны.

Здесь суровый декабрьский мороз,
Как будто привел нам пример:
«Вот зимней погоды прогноз,
Такая страна МНР.

В этой суровой пустыне
Вы одели военный мундир,
Жить в землянках будем отныне», —
Перед строем сказал командир.

В природе резко всё менялось,
Характер был ее такой:
Зима — пурга разбушевалась,
Лето — нестерпимый зной.

В степи ни кустика, ни тени,
Пот со всех ручьем бежит,
В жару, в пыли идут учения,
«Максим» сурово вдаль глядит.

А рядом с ним расположился
Боевой его расчет,
И каждый в эти дни стремился
Скорей врагу представить счет.

Но познать всё надо на учениях,
Чтоб умело действовать в бою,
Чтоб в предстоящих ты лишениях
Оставаться мог в строю.

Начиналось там лето обычно
Всегда с оборонных работ,
Потрудиться пришлось нам прилично:
Понарыли окопов, понастроили дот.

Но в сорок пятом оно началось,
Со строительства железной дороги,
А окопы и доты строить пришлось
Японцам, в нависшей тревоге.

Предчувствуя близкий конец,
Теперь уж они замолчали,
Агрессорский потеряв аппетит, наконец,
Укреплять оборону начали.

Да времени было уж мало,
Чтобы рубежи укрепить,
Победы на западе подсказали —
Всё равно вам разбитыми быть.

Получили мы вскоре приказ,
И работы покинуть пришлось,
Ближе к границе перебросили нас —
С этого странствование и началось.

Проходило оно в летнюю пору,
В жарких безводных степях,
По песчаному шли мы простору,
С презрением к врагу на устах.

Очень много тяжелых препятствий
Вставало на нашем пути,
Но не страшились мы этих бедствий,
К развязке скорей лишь прийти.

Переносить нас всё научила
Знойного лета пора,
Глаза и нос она пылью забила,
Нас мучила жажда, томила жара.

Песок неприятно хрустел на зубах,
От жажды во рту засыхало,
Боль от пыли порою в глазах
Вслепую идти заставляла.

Шли мы в полном снаряжении:
Гранаты, винтовка, шинель, вещмешок;
И все это в начале движения
Явилось причиной потертости ног.

Появились больные мозоли
В первые дни на ногах,
И от их мучительной боли
Со влагою шли на глазах.

Шли от привала к привалу,
Изнуренные жаждой, пылью, жарой,
С испарением пота, бывало,
Соль на лице появлялась порой.

Под солнцем палящим тогда
Нам днем отдыхать приходилось,
От нагретой палатки вода,
Попав случайно — парилась.

На всё жара наводила тоску,
Нас отдых не радовал днем;
По нагретому солнцем песку,
Невозможно пройти босиком.

Жара вызывала жажду у нас,
А воду достать было трудно,
Что отнимало и отдых подчас,
Конечно, это было обидно.

Чтобы напиться — кружечки мало,
За второй приходилось стоять,
А вторая лишь жажду сильнее возбуждала,
К тому же и отдых жаль потерять.

И после такой передышки
Снова пускались мы в путь,
Неудивительно было, братишка,
В ночь на марше заснуть.

Идешь строем в затылок друг другу,
Вдруг с боку тебя кто-то толкнул,
Проснешься ты вмиг от испуга,
Смотришь — и товарищ заснул.

Так похода этап завершили
В мирной еще обстановке,
Полумесячный отдых нам разрешили
На последней выгодной дневке.

Выгодна она была тем,
Что поблизости были колодцы,
Нам отдых представили, чтобы затем,
Снова могли мы бороться.

Но мало отдыхать приходилось —
Всё время отнимала учеба,
Обстановка такая сложилась,
Что надо смотреть было в оба.

Здесь занимались мы много,
Готовились к битве с врагом,
Поднимала нас часто тревога,
И все делалось только бегом.

Наконец, время настало
В боевой превратить наш поход,
Боевая тревога подняла,
И снова движение вперед.

По безводной пустыне за сутки
Три четверти сотни прошли,
Спать не пришлось ни минутки,
До зоны нейтральной дошли.

Предвещая время рассвета,
Мигая, всходила зарница,
Девятого утром, до света,
Предстала пред нами граница.

Повержен на Западе враг,
Вышла Европа из чумы,
Потушить последний очаг
На Востоке призваны мы.

Вот переходим границу,
И у каждого вера была,
Что новой славы страницу
В историю впишут наши дела.

Долгожданный час расплаты
С восторгом встретили бойцы,
Авантюр мы помним даты,
К ответу, жалкие дельцы.

И эти сутки не спали —
Комсомольцы собрание решили созвать,
Где друг друга они призывали
Долг Родине честно отдать.

Защитить ты призван, воин,
Завоевания Октября,
Будь отцов своих достоин —
Слава их гремит не зря.

Выше нет того сознания,
Как честно Родине служить
И до последнего дыхания
Ее стремлениям верным быть.

Бойцы успешно победили
Барьер естественных препятствий,
Чем гарантированы были
В исходе предстоящих действий.

Опрокинут мощным ударом,
Враг поспешно в смятении бежал
И последний очаг пожара
С каждым днем все быстрее затухал.

По пятам преследуя врага
Подошли мы к границам Китая,
Ее третью перешагнула нога,
В провинцию Жехе <!> вступая.

В Китае воды было вдоволь,
И жара перестала томить,
Всё хорошо, но позволь, —
Часто дожди стали лить.

Быть приходилось неделями
Мокрым от дождей проливных,
Этими накрываться шинелями,
Располагаясь средь луж дождевых.

Проливными дождями сменилась жара,
Ожидали мы солнца, хотя б на мгновение,
Но наступила такая пора,
Что согревало нас только движение.

Мечтали в Китае обсохнуть
От пота монгольской жары,
Но он не облегчил наш путь,
Встретив избытком воды.

Дождь неумолимо жестоко
Без конца круглосуточно лил,
Кони вязли в грязи глубоко,
Выбивались люди из сил.

И опять пред нами преграда —
Горный Хинганский хребет,
Перенести здесь, сколько нам надо,
Мук, лишений, непредвиденных бед.

По узкой Хинганской дороге,
Ужасных обвалов больших,
Мы толкали тачанки в тревоге
Вдоль обрывов на подъемах крутых.

Оплошность всякая грозила
Бездною быть поглощенным,
Но воли несметная сила
Заставляла нас быть осторожным.

Вот достигаем вершины,
Еще опаснее спуск перед нами,
Тормоза одевая на шины,
Тачанки держим руками.

Под дождем проливным, утопая в грязи,
Над бездной обрывов глухих,
Всё, что наверх мы несли,
На руках держали своих.

На склонах крутых перевалов
Напрягали все силы к тому,
Чтобы кони, пугаясь обвалов,
Не сорвались случайно ко дну.

Хинган форсирован был нами,
Несмотря на трудности, успешно,
Не спали длинными ночами,
Но нам и это было сносно.

Позади полторы тысячи верст
Оставил русский солдат,
И, подняв победный тост,
Тогда лишь вернемся назад.

Славный завершили поход,
Достоинно гордился боец,
Может вольно вздохнуть и народ —
Войне мировой положен конец.

И опять полумесячный отдых
В честь Победы представили нам,
И полуторы тысяч обратных
Верст лежало по тем же местам.

Шли по знакомым местам,
Только вдвое быстрее, — «Поверь», —
Хотя и было сказано нам,
Что по уставу пойдем теперь.

Но нельзя было идти по уставу,
Нас время теперь подгоняло,
Полсотни давали на славу,
Только б зима в пути не застала.

Признаться я должен,
Что на обратном пути
Сравнительно легче
Уж было идти.

Нас музыка часто встречала,
Когда кончался день походный,
И знакомый марш, бывало,
Дух придавал бойцам угодный.

Легко пройдешь под звуки марша
В поздний час вечерний,
Тут даже вспомнится и Маша,
Вот бы взгляд ее чудесный.

Посмотрела б ты, как бодро
Переносит друг поход,
Здесь недавно также храбро
В жгучий зной он шел вперед.

Здесь, в палатке, часто он
Вспоминал забвенья дни,
Ему здесь снился сладкий сон:
Поселок свой, его огни.

Здесь твой друг любил мечтать
О свидании с тобой,
Что помогало забывать
Об усталости порой.

Нельзя же ныть и падать духом,
Когда мечтаешь ты о ней,
Ее слова звучат над ухом,
Тут уж будь ты льва сильнее.

И ты своим далеким взором
Мне говорила: «Не забудь,
Не допускай причин укорам,
Моей любви достоин будь».

И, быстро сбросив снаряжение,
В ход пускали мы лопатку,
За короткое мгновение
Готово место под палатку.

Натянув ее потуже,
Чтобы вода не попадала
И чтоб еще не стало хуже —
Сильным ветром не сорвало.

И по очереди быстро
Располагались мы под ней,
Отдохнуть, чтобы под утро
Себя почувствовать бодрей.

Плотней друг к другу прижимались,
Чтобы спать было теплей,
И места к тому же оставались
Для снаряжения и вещей.

Вещмешок, противогаз,
Да и вообще, что было с нами,
По привычке мы как раз
И называли их вещами.

Всегда нам заменял подушку
Надоевший днем противогаз,
Каска заменяла кружку,
А то и котелок подчас.

Но обижаться <не прелестно>,
Пора же походная была,
А в походе, как известно,
Иголка даже тяжела.

Между тем холода наступали,
Иней траву покрывал,
В три часа нас теперь поднимали,
Утром уши мороз защищал.

Снегом покрылись
Необъятные дали,
У костров мы ютились
И под снегом уж спали.

Вот почему
На обратном пути
Сравнительно легче
Нам было идти.

Препятствий никто не страшился,
Об усталости думать забыл,
Каждый достойно гордился,
Что суворовский марш совершил!

С каждым пройденным днем
Неизмеримо наш путь возрастал,
От радости сердце горело огнем,
Конец долгожданный походу настал.

1947 г.¹

¹ Далее комментарий автора: «Тихий океан, подводная лодка «Щ-127», позиция у берегов Кореи и бухты: Находка и Золотой Рог. Владивосток. Солнцев Николай Андреевич. <Подпись>. 4 ноября 1995 года».

70-летию ПОБЕДЫ
(1945—2015)

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ТВЕРСКОГО КРАЯ

Сборник научных статей и публикаций

Выпуск 5

На обложке воспроизведена картина тверского художника
из собрания Тверской областной картинной галереи
В. Ф. Шумилова «9 мая. Одинополчане»
(1969—1970 гг.)

По вопросам и замечаниям к изданию или серии, а также
предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте:
aapetrov-kraeved@mail.ru

Отпечатано с авторских оригиналов

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 30.04.2015. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,3 Тираж 150. Заказ № 187.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.